

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Благовещенский государственный
педагогический университет»**

На правах рукописи

Бэ Со-Ен

**ВКЛАД КОРЕЙЦЕВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (1864-1937 гг.)**

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки)
диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель д.и.н., доцент Федирко О.П.

Благовещенск, 2024

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ВЛИЯНИЕ КОРЕЙЦЕВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ	28
1.1. Основные этапы миграции корейцев на Дальний Восток России	28
1.2. Вклад корейцев в сельскохозяйственное развитие Дальнего Востока ..	47
1.3. Вклад корейцев в развитие промышленности Дальнего Востока.....	91
Глава 2. ВЛИЯНИЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ НА КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ	118
2.1. Развитие культуры и образования в среде корейского населения Дальнего Востока России в середине XIX в. – 1937 г.....	118
2.2. Роль корейских периодических изданий в культурно-просветительной работе среди корейского населения Дальнего Востока России/СССР	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	200

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. Современные процессы глобализации активизируют миграционные потоки, усиливая такие этнические процессы, как аккультурация и ассимиляция. В результате вновь образованные этнические группы вынуждены адаптироваться к жизни в новых условиях, внедряясь в местные сообщества. Актуальность темы данного исследования обусловлена: усилением научного интереса к процессам межкультурного взаимодействия в многонациональных странах, к которым относится и Россия. Стремление государства создавать единое социокультурное общество на своей территории часто сталкивается с активным или пассивным сопротивлением национальных меньшинств, которые являются носителями разных культурных и политических ценностей и традиций.

На сегодняшний день корейцы являются вторым по своему удельному весу после китайцев восточноазиатским компонентом населения российского Дальнего Востока. Корейская диаспора в Приморском крае занимает одну из самых активных позиций по переселению своих соотечественников и имеет огромный опыт такой деятельности. В связи с этим особо актуальной становится проблема исследования опыта влияния этой диаспоры, сформировавшейся на Дальнем Востоке России, на социокультурное и экономическое пространство региона в различные периоды своего развития. Особо интересным является период от возникновения корейской диаспоры на Дальнем Востоке в середине XIX в. и до насильственного перемещения советских корейцев из региона в Среднюю Азию в 1937 г.

За этот период корейцы смогли не только натурализоваться при царском и советском режимах и укорениться в принимающем регионе, но и оказать значительное влияние на развитие края.

Степень изученности темы. В российско/советской историографии рассматриваемой проблемы можно выделить три больших периода: досоветский, советский и постсоветский.

В досоветском периоде внимание российского общества на корейцев было обращено с того момента, как они появились на Дальнем Востоке. Ряд авторов описывал географические и временные особенности корейской миграции в регион, базируясь на собственных наблюдениях. Они занимались этим по долгу службы, были активными проводниками государственной политики на Дальнем Востоке России (П.Ф. Унтербергер¹, В.В. Граве², В.Д. Песоцкий³, Ф. Вебель⁴, А.А. Риттих⁵, Н.А. Насекин⁶, В.И. Вагин⁷).

Наибольшим противником переселения корейцев на Дальний Восток был П.Ф. Унтербергер, губернатор Приморской области в 1888–1897 гг., а после русско-японской войны Приамурский генерал-губернатор. Он утверждал, что корейцы «создают зло» для русских колонистов, не способны к ассимиляции и могут образовать внутри России «государство», а в случае войны с Японией или Китаем представляют «из себя чрезвычайно благоприятную почву для широкой организации нашими врагами шпионства»⁸.

¹ Унтербергер П.Ф. Приамурский край, 1906–1910 гг. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 428 с. (Записки императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. XIII.); Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1900. [2], VIII, 324, [2], XX с., 13 л. ил., 2 л. карт.; 24.

² Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет уполномоченного министерства иностранных дел В.В. Граве. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 489 с.

³ Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье: отчет поручика 1-го СПБ. Стрелкового полка В.Д. Песоцкого. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. 188 с.

⁴ Вебель Ф. Заметка о Приамурском крае (Материал для военно-статистического обозрения) // Военный сборник. Пг., 1894. №3. С. 159–184.

⁵ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае: отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттиха. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1899. 154 с.

⁶ Насекин А.Н. Корейцы Приамурского края: краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край // Приамурский отдел императорского русского географического общества. Хабаровск, 1895. 36 с.; Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края // Журнал министерства Народного просвещения, седьмое десятилетие. Ч. CCCLII, март 1904. СПб., 1904. 43 с.

⁷ Вагин В.И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1875. С. 1–29.

⁸ Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856–1898 гг. ... С.419.

Сторонником точки зрения П.Ф. Унтербергера, но более умеренным, был Н.А. Насекин. Он служил в 1890-х гг. старшим чиновником по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе. Его публикация является одной из наиболее информативных и интересных. Исследование написано на основе документальных сведений и личных наблюдений в ходе поездки по многим корейским селам Приморской области. Оно богато фактическим материалом по истории и социально-экономическому положению корейских иммигрантов с 1864 г., когда корейцы появились на Дальнем Востоке России, до 1895 г. Он сделал географический и этнографический обзор корейских селений, исследовал школьное образование и т. д, чтобы найти решение вопроса административного устройства корейцев на Дальнем Востоке России¹.

Именно эти люди и другие сторонники их точки зрения на переселение корейцев на Дальний Восток в своих отчетах и заметках описали множество деталей, характерных для процесса заселения. Главная отличительная черта их трудов – рассмотрение вопросов об формировании корейского населения в дальневосточных областях с позиций решения внутренних задач края и обеспечения международных интересов в России в этом регионе.

Данные авторы относились к переселению настороженно, опасаясь поглощения края инокультурными нациями, и справедливо видели укрепление позиций России на Дальнем Востоке в увеличении здесь коренного русского населения. В своих выводах они опирались на конкретные законодательные акты, как государственные, так и межгосударственные, действовавшие в то время.

Как положительное явление, переселение корейцев в регион оценивал Н.М. Пржевальский². Будучи руководителем экспедиции в Южно-

¹ Подробнее см. Насекин А.Н. Корейцы Приамурского края: краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край...

² Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг.: с картой Уссурийского края. СПб., 1870. 369 с.

Уссурийском крае в 1867–1869 гг., он сделал уникальные описания жизни и быта корейцев. Пржевальский признавал необходимость создания предпосылок для вхождения их в русскую национально-государственную структуру¹.

Особого внимания заслуживает работа сибирского историка и публициста В.И. Вагина. Его статью «Корейцы на Амуре»² можно отнести к числу первых, наиболее значимых публикаций, в которых собрана информация о быте, хозяйственной деятельности, обрядах корейцев. По его мнению, культура земледелия у корейцев была развита лучше, чем у русских, и была более приспособлена к условиям Дальнего Востока. Поэтому он отмечал, что русским колонистам полезно было бы получиться у корейцев их способам обработки земли.

В трудах В.В Граве приводятся подробные статистические данные, позволяющие проанализировать динамику колонизации корейцами российского Дальнего Востока. Он предлагал поддержать государственными мерами дальнейшую корейскую миграцию в России³.

Культура земледелия корейских крестьян, её проникновение в русские хозяйства и влияние на экономическое развитие Дальнего Востока России рассматривались в работах и других авторов дореволюционного периода.

Их труды не потеряли своего значения и до нашего времени вследствие их большой насыщенности фактическим и статистическим материалом, который был взят из официальных документов, переписей населения, отчетов о специальных командировках и т. д. Многие из этих авторов, хотя и не преследовали чисто научных целей, тем не менее создали подробную картину жизни корейских иммигрантов.

Советский период историографии по теме корейской иммиграции на Дальний Восток России можно разделить на два этапа. Первый этап – с 1917

¹ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869. М., 1947. С. 97.

² Вагин В.И. Корейцы на Амуре ... С. 1–29.

³ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье ..С. 16.

по 1937 г., т. е. до насильственного переселения с Дальнего Востока в советские среднеазиатские республики и Казахстан. С 1938 по 1964 г., т. е. до времени, когда советские корейцы были частично «реабилитированы», не было опубликовано ни одной работы. На наш взгляд это объясняется не отсутствием исследовательского интереса к обозначенной теме, но характеризует цензорскую политику СССР. Второй этап – с 1965 г. до начала перестройки и последовавшего затем распада Советского Союза.

Первый этап характеризуется многочисленными статьями, в основном затрагивающими вопросы участия корейцев Дальнего Востока России в антияпонской борьбе за независимость Кореи и установление советской власти в этом регионе. В 1924 г. вышли статьи С.Е. Кремянского¹ и Н.Н. Салтыкова², в которых авторы на основе сельскохозяйственных переписей на Дальнем Востоке в 1917 и 1923 г. пытались показать динамику численности различных национальных групп населения, в том числе и корейцев, и осветить некоторые стороны их жизни. Статья Л. В. Крылова представляет собой подробный анализ корейского земледелия³. Статья И. Киммангема посвящена участию корейского населения в советском строительстве. Для автора характерны резкие оценки политики царского правительства по отношению к корейцам⁴. Исследованию проблем, связанных с формированием корейского населения в Приамурском крае, посвящена вышедшая в 1928 г. работа С.Д. Аносова⁵.

В течение второго этапа стали появляться отдельные работы по истории корейцев в России, упор в которых опять-таки делался на участие

¹ Кремянский С. В. Национальный состав сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 4.-С. 32-40.

² Салтыков Н.Н. ТERRITORIЯ И НАСЕЛЕНИЕ ПРИМАУРСКОЙ ГУБЕРНИИ // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 6-7. С. 43-64.

³ Крылов Л.В. Сельское хозяйство // Экономика Дальнего Востока. Сборник под редакцией Н. Н. Колосовского, А. Н. Лагутина и М. И. Целищева. М., 1926, с. 302-310.

⁴ Киммангем И. Советское строительство среди корейского населения // Советское Приморье. Владивосток, 1926. № 1-2. С. 199–206.

⁵ Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1928. 86 с.

корейцев в революционных событиях и борьбе за установление советской власти.

Книга Ким Сын Хва¹ – единственное и самое крупное исследование советского периода историографии истории корейцев в России и СССР. Оно охватывает целый комплекс проблем истории корейского населения с 1860-х гг., когда началась корейская иммиграция в Россию, и до конца 1950-х гг. В книге автор рассмотрел антияпонское движение корейцев Приамурского края, создание корейских и смешанных русско-корейских партизанских отрядов и их роль в борьбе за власть Советов, участие корейского населения СССР в строительстве социализма и т. д.

Работа Кима имеет большое значение, так как в сложных условиях крайне ограниченного доступа к архивным документам он смог проанализировать длительный период истории корейцев в России. Заслуга автора состоит в том, что он первым из советских историков уделил внимание проблемам формирования корейской диаспоры в России.

Основная же масса работ из идеологических соображений и по причине цензурной фильтровки часто полностью игнорировала факт наличия корейского населения в России и его роль в освоении Дальнего Востока. Например, в книге «50 лет советскому Приморью»², написанной в форме перечисления событий 1917–1967 гг. с кратким их описанием по хронологическому принципу, нет ни одного упоминания о корейцах, нет ни одного корейского имени.

После распада Советского Союза наступил новый период исследования корейской истории. В научный оборот были введены рассекреченные архивные источники, подробно анализированы отечественная и зарубежная историография. В 1980–1990-е гг. было опубликовано много работ ученых, изучавших корейскую иммиграцию в России с точки зрения исторической и

¹ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965. 252 с.

² 50 лет советскому Приморью: хроника событий. 1917–1967. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1968. 366 с.

социальной науки, в некоторых из них появляется термин «диаспора». Вместе с тем были опубликованы и крупные работы, написанные известными корееведами. К их числу относятся монографии Б.Д. Пака, С.Г. Нам, А.Т. Кузина и А.И. Петрова.

Б.Д. Пак в своей первой книге «Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период)»¹ сделал упор на антияпонскую деятельность корейцев, проживавших на российском Дальнем Востоке. Хотя в книге рассмотрено экономическое и социальное положения представителей этой национальности, главной целью исследования являлось изучение движения за независимость своей родины тех корейцев, кто постоянно жил на Дальнем Востоке.

В его второй книге «Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930-х годов)»², которая является продолжением первого труда, авторставил своей целью комплексно исследовать историю корейцев Советской России в 1917–1937 гг., основываясь на новых документах и архивных материалах. Однако автор сосредоточил внимание на тщательном анализе взаимодействия корейских партизанских отрядов, сражавшихся на русском Дальнем Востоке, на фоне общего партизанского движения. Но в целом работа имеет большое значение, так как автор расположил все материалы в строгой последовательности и заполнил имеющиеся пробелы, рассматривая разные стороны жизни корейцев на Дальнем Востоке до момента депортации. Кроме того, был сделан тщательный анализ взаимодействия корейских партизанских отрядов, сражавшихся на русском Дальнем Востоке, на фоне общего партизанского движения.

¹ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). М.: Международный центр корееведения Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1993. 261 с.

² Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). М.; Иркутск: ИГПИ, 1995. 260 с.

В работе С.Г. Нам «Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.)»¹ особую ценность представляет глава, посвященная культуре переселенцев-корейцев в России. До публикации данного труда эти вопросы были наименее изучены. Автор ввел в научный оборот большое количество интересных документов, многие из которых были опубликованы впервые. С этой точки зрения новые факты и суждения С.Г. Нам по таким вопросам, как корейцы и христианство, корейские национальные школы в Приморье, установление культурных взаимоотношений с Кореей и другие, представляют несомненный интерес. Автор отмечал, что корейское население внесло значительный вклад в освоение и развитие Южно-Уссурийского края.

Сахалинский исследователь д.и.н. А.Т. Кузин является одним из крупнейших исследователей истории корейцев на о. Сахалин. Его перу принадлежат множество публикаций, раскрывающих особенности жизни корейской диаспоры в регионе². Особо значимой для нас стала работа А.Т. Кузина «Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы»³ состоит из двух разделов: «Корейцы на Дальнем Востоке России (1862–1937 гг.)» и «Сахалинские корейцы. 1870–1992 гг.», что даёт читателю возможность сравнивать те или иные явления во временном, территориальном и даже в

¹ Нам С.Г. Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.). М.: ИВ РАН, 1998. 188 с.

² Кузин А.Т. Корейская эмиграция на русском Дальнем Востоке: 1860–1937: дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2001. 270 с.; Кузин А.Т. История корейского населения российского Дальнего Востока (конец XIX – начало XXI вв.) диссерт ... докт.истор. наук / ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток, 2012. 516 с.; Кузин А.Т. Переход корейцев в Дальневосточные пределы Российского государства (Поиски исследователя). Южно-Сахалинск: Институт истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВО РАН, 2001. 64 с.; Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах/ Кн. 1 Иммиграция и депортация (вторая половина XIX в. - 1937) Южно-Сахалинск, 2010. 384 с.; Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах/ Кн. 2: Интеграция и ассимиляция (1945-1990 гг.). Южно-Сахалинск, 2010. 334 с.; Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах/ Кн. 3: Этническая консолидация на рубеже XX - XXI вв. Южно-Сахалинск, 2010. 282 с.

³ Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск: Сахалинское отд. Дальневост. кн. изд-ва; Литературно-издат. объединение «Лик», 1993. 368 с.

межгосударственном аспектах, исходя из того, что южная часть Сахалина была отдана Японии после Русско-японской войны 1904–1905 гг.

А.И. Петров написал множество статей¹ и две значительные книги, которые тесно связаны с обозначенной нами темой. В первой работе «Корейская диаспора на Дальнем Востоке России 60–90-е годы XIX века»² рассматриваются процессы формирования и развития корейской диаспоры в дальневосточном регионе. Автор обращается к различным сторонам жизни и хозяйственной деятельности корейцев в пределах Российской империи, проблемам адаптации корейских переселенцев и временных мигрантов к новым условиям на русском Дальнем Востоке. Основное внимание сосредоточено на причинах корейской миграции в Россию, анализе жизни корейской диаспоры исследуемого периода.

Во второй работе «Корейская диасpora в России 1897–1917 гг.»³ А.И. Петров рассмотрел второй этап истории корейской диаспоры, определил его отличия от первого, отмечая, что с середины 90-х гг. XIX в. до 1917 г. иммиграция корейцев носила политический характер. На основе изучения материалов автор пришёл к выводу о том, что взаимодействие между восточнославянской и восточноазиатской культурами в полной мере и наитеснейшим образом началось именно между русскими и корейцами на Дальнем Востоке России.

Влияние корейской диаспоры на социокультурное и экономическое развитие Дальнего Востока неоднократно рассматривали в своих публикациях и другие исследователи, однако они подвергали анализу только

¹ Петров А.И. Корейская иммиграция на Дальний Восток в 1860–1917 гг. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1998. № 5. С. 3–17; Петров А.И. Международно-правовое положение корейцев на Дальнем Востоке России (1860–1897 гг.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2000. № 1. С. 92–111; Петров А.И. Когда же началась корейская иммиграция в России? // Россия и АТР. 2000. № 2 (28). С. 93–104 и др.

² Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России 60–90-е годы XIX века: монография. Владивосток, 2000. 299 с.

³ Петров А.И. Корейская диасpora в России 1897–1917 гг.: монография. Владивосток, 2001. 399 с.

отдельные аспекты этой проблемы. Наиболее полно данный аспект получил освещение в работах О.А. Васильченко¹.

Среди множества публикаций можно выделить работы по развитию корейского образования на Дальнем Востоке Хон Чжом Сук², Л.С. Малявиной³, Ю.В. Пикалова⁴ и др. Отдельные новеллы посвященные организации образования и просвещения в корейских поселениях, конфессиональной составляющей корейской диаспоры содержаться исследованиях Е.Н. Половинчук⁵, С.С. Пай⁶, А.А. Королевой⁷, О.П. Федирко⁸, Августина (Никитина)⁹, М.Д. Тен¹ и др.

¹ Васильченко О. Хозяйственная деятельность корейцев на Дальнем Востоке СССР (1923 - 1937 гг.) // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 41-3. С. 14-15. .

² Хон Чжом Сук. Корейские церковные школы на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С. 14–24.

³ Малявина Л.С. Корейский (Интернациональный) педагогический институт во Владивостоке: от создания до выселения (1931–1937 гг.) // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 195–208.

⁴ Пикалов Ю.В. Становление школьного образования на Дальнем Востоке РСФСР в 1922–1941 годы // История и культура Приамурья. 2007. № 1. С. 86–97.

⁵ Половинчук Е.Н. Из истории народного образования в Приамурье. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1957. 304 с.

⁶ Пай С.С. Просвещение корейцев на Дальнем Востоке России в контексте реформы народного образования в 1920- е гг. // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в XIX – XX вв. Слабнина Л.А. Владивосток, 2012. С. 211-220.

⁷ Королева В.А. Музыка и театр корейцев на Дальнем Востоке России 1860-1937 гг.: диалог истории и искусства. Владивосток, 2008. 328 с.; Королева В.А. Музыкальные элементы общинных обрядов и их влияние на художественную жизнь корейцев на Дальнем Востоке России (1860-е – 1937 гг.)// Религиоведение. 2011. № 4. С. 141-152.

⁸ Федирко О.П. Образование и просвещение на российском Дальнем Востоке в период гражданской войны: проблемы секуляризации и сакрализации. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010 113 с.; Федирко О.П. Образование и пропаганда на Российском Дальнем Востоке (Государственно-конфессиональные отношения в Советской России и СССР в 1917-1939 годах). Saarbrucken, Deutschland: LAP, 2012. 367 с.; Федирко О.П. Очерки истории православного образования в дореволюционном Приамурье (1862-1918 гг.). Благовещенск: Из-во АмГУ, 2003. 142 с.; Федирко О.П. Религиозное и антирелигиозное образование и пропаганда в социокультурном пространстве российского Дальнего Востока в 20-30-е годы XX в. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2011. 236 с.; Федирко О.П. Попытки придать статус официальной церкви пресвитерианству в Приморской области 1909-1912 гг // «Россия и Китай» материалы XII международной научно-практической конференции (Благовещенск, Хэйхэ. 26-28 мая 2022 г.). Выпуск 1(12). / Отв. ред. А.В. Друзяка – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2022. С. 172-174.

⁹ Августин (Никитин), архимандрит. Православие у корейцев Забайкалья и Приамурья // Миссионерское обозрение. М., 1998. № 4. С.16-22.

Для современного периода характерными являются публикации, посвященные депортации советских корейцев в конце 1930-х гг. с Дальнего Востока в Среднюю Азию².

Большой вклад в понимание места корейской диаспоры в развитие Дальнего Востока внесли обобщающие работы О.А. Васильченко³, Е.С. Вологдиной⁴, Е.И. Нестеровой⁵, Н.Ф. Бугая⁶, О.П. Федирко⁷, А.А.

¹ Тен М.Д. Христианизация как основной фактор адаптации первых корейцев на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX века) // Наука. Технологии. Инновации. Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых. 2014. С. 31-34.

² Денисов В.И. Политико-правовой анализ депортации советских корейцев из районов Дальнего Востока в Среднюю Азию // Ежегодник ИМИ. 2013. № 3–4 (5–6). С. 212 -219; Гаристова Е.Ю., Ли В.Р. Корейцы на Дальнем Востоке. Расселение и депортация. // Теория и практика современной науки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции Сахалинского института железнодорожного транспорта - филиала Дальневосточного государственного университета путей сообщения в г. Южно-Сахалинске. Москва, 2022. С. 79-84; Син Е.Е. О депортации советских корейцев из Дальневосточного края // Эл агартуу. 2017. № 7-8. С. 55-58; Фан И.Б. Особенности коллективной памяти Российских корейцев: травма депортации // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 133-158.

³ Васильченко О.А. Корейцы на советском Дальнем Востоке (1923–1937 гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре технического университета. 2010. № 1-2(1). С. 4–7; Васильченко О.А. Семьи корейцев на советском Дальнем Востоке (1923–1937 гг.): социально-исторический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. 2(16). С. 32–35; Васильченко О.А. Корейская семья на Дальнем Востоке России (1863—1937 гг.)//Вестник Владивосток: ДВО РАН. 2004. №2. С.60-69.

⁴ Вологдина Е.С. Государственная политика в отношении корейских мигрантов на советском Дальнем Востоке в 20–30-х годах XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 3. С. 178–181.

⁵ Нестерова Е.И. Этническое предпринимательство во Владивостоке (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 10. С. 67–83.

⁶ Бугай Н.Ф. Актуальные проблемы истории российских корейцев на постсоветском пространстве в дискуссиях ученых // Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах. СПб., 2015. С. 35–54; Бугай Н.Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности // Восток. 1993. № 2. С. 151-152.

⁷ Федирко О.П. Колонизационная политика на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): Материалы международной научной конференции (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 325–328; Федирко О.П., Бэ Соён Корейцы юга Дальнего Востока России в 1920-1930 г.: колонизация и коллективизация // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 81-84; Федирко О.П., Бэ Соён Особенности становления национальной корейской школы на Дальнем Востоке в 1920-1930-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки,

Крупянко¹, Е.А. Лыковой², Н.Г. Кулинич³, Г.А. Ткачевой⁴, И.К. Авиловой⁵ и других исследователей.

Корейская иммиграция рассматривается и в некоторых диссертационных исследованиях. Так, Бэ Йн Гиёнг в своей кандидатской диссертации «Советские корейцы в 20–30-е годы XX века»⁶ стремился осветить историю общественно-экономического и культурного развития корейской диаспоры Дальневосточного края и выявить её специфику, обусловленную национальными факторами. Работа состоит из трех глав, в которых хронологически рассматривается формирование корейской диаспоры, развитие ее общественно-культурной жизни и депортацию с Дальнего Востока. В заключение автор пришёл к выводу, что корейская диаспора сыграла заметную роль в общественно-политической и культурной жизни региона, но ее заслуги оказались забытыми в результате осуществленных против корейцев репрессий.

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3. Ч. 1. С. 41–44; Федирко О.П., Бэ Соён. Первые корейские школы на Дальнем Востоке России в середине XIX – начале XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 84.

¹ Федирко О.П., Крупянко А.А. Положение корейцев в Приморской губернии в начале 1920-х гг. (по материалам РГАСПИ) // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке: политика, экономика, культура: V Международная корееведческая конференция, 18–19 мая 2016 г.: тезисы и доклады. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2016. С. 195–196.

² Лыкова Е.А. «Корейский вопрос» в аграрной политике Советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930- е годы // Известия Восточного института. 2016. № 1(29). С. 26–32.

³ Кулинич Н.Г. Корейцы в составе городского населения Дальнего Востока России в первые годы Советской власти // Основные тенденции государственного и общественного развития России история и современность. 2016. № 1. С. 43–51.

⁴ Ткачева Г.А. Иммигранты на Дальнем Востоке в 20–30е годы XX века // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1997. № 5. С. 98–112.

⁵ Авилова И.К. Участие корейцев в хозяйственной колонизации юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. (некоторые аспекты проблемы) // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 111–142.

⁶ Бэ Йн Гиёнг. Советские корейцы в 20–30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 180 с.; Бэ Йн Гиёнг. Краткий очерк истории советских корейцев (1922–1938) / Под ред. Т.А. Сивохиной. М.: Изд-во МГУ, 2001. 138 с.

Исследователь Т.М. Симбирцева¹, защитившая диссертацию по историографии раннего периода русско-корейских отношений, рассмотрела предмет исследования через призму взглядов и представлений современных российских и корейских ученых, чем внесла неоценимый вклад в развенчание мифов, окружавших российско-корейские отношения в период ранних контактов.

Ю.Н. Попова в своей диссертации, защищенной в 2004 г., рассмотрела процесс формирования корейской диаспоры в Краснодарском крае и оценила степень ее влияния на развитие региона в XX – XXI в.²

Ю.И. Дин в своем исследовании обратилась к жизни корейской диаспоры Сахалина и Курильских островов в период 1945–2010 гг.³ Предметом диссертационного исследования Ю.И. Дин являются исторические процессы адаптации и интеграции корейской диаспоры в советское и российское общество, анализ процесса эволюции корейской общины до диаспоры. Учитывая историко-географическую специфику Сахалина и Курильских островов, Дин попыталась проанализировать этот процесс на основе богатых материалов, написанных не только русском, но и на корейском и японском языках. И это является несомненным достоинством ее работы.

Анализ процессов формирования и развития корейской диаспоры в странах Дальнего Востока рассмотрен в диссертационном сочинении

¹ Симбирцева Т.М. Современная (1984–2001 гг.) южнокорейская историография о характере раннего периода российско-корейских отношений (до 1895 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 270 с.

² Попова Ю.Н. Корейская диаспора Краснодарского края: историко-культурные аспекты (XX–XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004. 28 с.

³ Дин Ю.И. Китайские и корейские рабочие в политике Российской империи в начале XX в. // Известия Восточного института. 2014. № 2 (24). С. 28–35; Дин Ю.И., Чан Вонджан. Принудительное переселение советских корейцев с о. Сахалин в 1937 г.: особенности выселения и вселения на новое место жительства (статья на рус. и кор. языке) // 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее и будущее: сборник материалов Международного симпозиума, посвященного 80-летней годовщине принудительного переселения корейцев с Дальнего Востока в Центральную Азию. М.: Аквариус, 2018. 752 с. С. 218–241.

О.М. Ворожищевой¹. Автор приходит к выводу, что «опыт социокультурной адаптации корейской диаспоры в странах Дальнего Востока уникален. Этноисторическое сравнение корейцев в России, Китая и Японии помогает проследить процесс, как выделившийся из „материнского“ этноса корейский субэтнос под влиянием политики и новых условий жизни в принимающих странах трансформировался во времени и адаптировался к местным сообществам»².

В современной западной историографии специальных исследований по отношениям России и Кореи в период с середины XIX в. до начала Великой Отечественной войны не существует. В научной среде, еще с периода «холодной войны», утвердилась политическая теория о русской агрессии по отношению к корейскому населению СССР. Особенno история корейской иммиграции не привлекла себе внимание академических кружков на западных странах. Причинах являются, во-первых, небольшой круг ученых-корееведов по сравнению с другими научными объединениями, во-вторых, следовательно, низкий интерес к данной проблеме. Конечно, стоит отметить, что некоторые корейские студенты, поступившие в магистратуру и аспирантуру российских вузов, выбирают тему истории корейских мигрантов на территории России/ СССР в качестве исследовательской темы. Тем не менее, и на них оказала влияние западная академическая атмосфера. В своих работах они не избежали одностороннего взгляда на роль России и, как следствие – недооценили деятельности и достижений корейских переселенцев в ходе истории корейской иммиграции³.

¹ Ворожищева О.М. Корейская диаспора в странах Дальнего Востока: этно-историческая характеристика (вторая половина XIX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 23 с.

² Ворожищева О.М. Корейская диаспора в странах Дальнего Востока...С. 21.

³ Ли Мёнхва, Хангундоклипундонгса ёнгу [Изучение истории Корейского освободительного движения] Докнипгинёмгоан хангукдокнипундонгса ёнгусо, 1989. Т.3. 250 с. (на корейском языке); Ли Сангун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России] Сеул: Тамгуданг. 1996. 270 с. (на корейском языке); Хён Гю Хван, Хангук юминса: Гукдонзиёк [История корейских переселенцев: Дальний

Таким образом, исследователи в основном обращали внимание на социально-политические и экономические вопросы. Поэтому исследование влияния корейцев на социокультурное и экономическое развитие российского Дальнего Востока со второй половины XIX в. и до 1937 г. является особо актуальным. Несмотря на многочисленную историографию ряд аспектов жизни корейской диаспоры на Дальнем Востоке в 1920-1930-е гг. пока еще не нашел достаточного освещения как в российской, так и в корейской историографии. Это, в первую очередь, оценка влияния корейцев на социокультурное и экономическое развитие российского Дальнего Востока со второй половины XIX в. и до 1937 г.

Объектом исследования выступает корейское население, сформировавшееся на российском Дальнем Востоке в результате миграции корейцев во второй половины XIX в.

Предметом исследования является характеристика социокультурной и экономической деятельности корейских переселенцев и степень их влияния на развитие российского Дальнего Востока начиная со второй половины XIX в. и до 1937 г.

Цель работы - выявить вклад корейцев в социокультурное и экономическое развитие российского Дальнего Востока со второй половины XIX в. и до 1937 г.

Данная цель определила постановку **конкретных исследовательских задач:**

- охарактеризовать основные этапы корейской миграции на российский Дальний Восток;

восток России] Т.1. 1967, Омунгак, 875 с. (на корейском языке); Сон Т.А. Система образования корейского населения на Дальнем Востоке России//Валхвэ, горёнин гуриго ёнхвэзу [Бахай, Горёнин и Приморский край]. Материалы международного научного симпозиума. Чэве тоньпхо чедань [Корейский фонд поддержки зарубежных соотечественников]. Сеул, 2009. С.107-111. (на корейском языке); Ван Вёенгрюл, Росиазиёк ханинсимун сонбонгга 1920,30 нёндэ ханинсахвэ [Корейская газета Сонбонг и корейские общества в России с 1920 по 1930 г.].Сеул: Ёксамунэваёнгу, 2003. 190 с. (на корейском языке)

- выделить общее и особенное в социально-правовом положении корейцев на российском Дальнем Востоке при царском и советском режимах;
- проанализировать развитие культуры внутри корейского сообщества и степень интеграции корейцев в социокультурное пространство региона;
- оценить степень влияния корейцев на развитие российского Дальнего Востока в различных отраслях экономики.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1984 г. по 1937 г. Нижняя граница, 1864 г., обусловлена появлением первых корейских селений на территории Приморского края, а верхняя, 1937 г., завершением депортации основной массы корейцев из Дальневосточного региона в Среднюю Азию.

Научная новизна диссертации определяется проведенным комплексным историческим исследованием влияния корейской диаспоры российского Дальнего Востока на социокультурное и экономическое развитие региона.

В исследовании новизной отличаются **следующие положения:**

- в результате сравнительно-исторического исследования определены особенности культурной и экономической жизни корейских мигрантов Дальнего Востока во второй половине XIX в. до 1937 г.;
- доказано, что в практике решения «корейского вопроса» региональные власти руководствовались принципом полезности в развитии экономики региона земледельческой системы хозяйств.
- установлено, что корейские поселения для корейских мигрантов, оказавшихся вне традиционных корейских социальных структур, были своего рода анклавами, где сохранялись традиционные для корейского общества устои, являлись институтами социальной взаимопомощи;
- подтверждено, что хорошее знание природно-климатических условий, трудолюбие позволяло корейским переселенцам вводить в хозяйственный

оборот новые земли, расширить ассортимент овощных и зерновых культур, опыт выращивания которых была заимствован российскими крестьянами;

- выявлено, что корейские переселенцы приняли непосредственное участие в развитии добывающей промышленности;

- установлено, что значительную роль в сохранении национальной идентичности корейского населения играла культурно-просветительская работа и СМИ на корейском языке;

- впервые были изучены, переведены с корейского языка на русский и введены в научный оборот работы южнокорейских исследователей, материалы периодических изданий на корейском языке.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В основу методологии работы был положен историко-антропологический подход, который характеризуется повышенным интересом к личности в истории, мотивам его поведения, действий, поступков, представлениям, ментальным нормам и ценностям, повседневному бытию, всем формам жизнедеятельности¹.

Индивидуум или коллектив (социальная группа), как субъект исторического действия, выступают в дуалистичности. В ракурсе социальной истории они являются собой своеобразный итог, с одной стороны, культурной истории всего прошлого развития, а с другой — как персонификация общественных отношений данной эпохи и данного социума².

Тема исследования требует придерживаться определенной социологической концептуальной модели. В качестве таковой была выбрана *теория модернизации*.

Комплексный анализ проблемы потребовал применения определенного набора принципов, подходов и методов.

¹ Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие для вузов. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. С. 41.

² Социальная история: проблемы синтеза. М.: ИВИ РАН, 1994. 297 с.

Основными принципами диссертационного исследования являются принципы объективности, историзма, системности. *Принцип объективности* предопределил всесторонний комплексный анализ всей совокупности выявленных фактов и событий, связанных с экономической, общественной и культурной жизнью корейцев Дальнего Востока для преодоления имеющихся в научной литературе их односторонних оценок.

Принцип историзма позволил подойти к изучению места и роли корейских мигрантов в социокультурном и экономическом развитии региона в исследуемый период с учетом конкретно-исторических условий, а также полноценно проанализировать вновь выявленные факты их культурной истории. *Принцип системности* позволил исследовать экономическую, общественную и культурную жизнь корейской диаспоры как особенную составную часть социокультурной и экономической жизни региона.

Для решения поставленных конкретно-исторических научных задач диссидентом использовались историко-генетический, сравнительно исторический, проблемно-хронологический методы исторических исследований.

Историко-генетический метод позволил рассмотреть религиозную, общественную и культурную жизнь корейских мигрантов в развитии, выявить их эволюцию, проявившуюся в стремлении корейских переселенцев адаптироваться к новым условиям существования в Российской империи и СССР. *Сравнительно-исторический метод* дал возможность сопоставить исследуемые феномены в различные периоды их существования на дореволюционном и советском Дальнем Востоке, выявить особенности в начальный и позднейший период их функционирования.

Для изучения экономических, социальных и культурных процессов в среде корейских мигрантов на протяжении с середины XIX до 1937 г. был использован *проблемно-хронологический подход*. Совокупность теоретико-методологических положений и конкретных методов исторического

исследования позволила провести научное исследование и лежит в основе полученных в диссертации выводов.

Источниковую базу исследования составляют комплекс источников, который по *видовому признаку* можно разделить на: законодательные источники, делопроизводные документы, справочные издания, мемуарные материалы (отчеты, дневники, путевые записки, мемуары и воспоминания современников) и материалы периодической печати.

По форме хранения их можно разделить на два вида: неопубликованные и публикованные документы, датированные временем в пределах исследуемого периода.

Неопубликованные источники представлены архивными материалами, хранящимися в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ). Основные документы, позволяющие реконструировать процесс переселения и закрепления корейцев на территории Дальнего Востока представлены в документах фондов Ф. 87. «Канцелярия военного губернатора Приморской области. (1843-1917)», Ф. 702. «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора (1861-1920)», Ф. 704 «Канцелярия военного губернатора Амурской области г. Благовещенск 1858–1918 гг.» Характеристику хозяйственной и общественной жизни корейцев-переселенцев мы подчерпнули из документов сосредоточенных в фондах Ф. 6. «Приморская областная чертежная Приморско-Сахалинского управления государственных имуществ. г. Владивосток» 1858–1922 гг., Ф. 65 «Крестьянский начальник Посьетского участка Приморского областного по крестьянским делам присутствия п. Посьет Южно-Уссурийского уезда Приморской области» 1902–1917 гг.», Ф. 803 «Амурский областной отдел Дальневосточного кустарного краевого комитета. г. Благовещенск 1912–1917 гг.», Ф. Р-2422. «Дальневосточный революционный комитет. г. Хабаровск (1920-1926)».

В условиях начавшейся в мире пандемии Covid-19, возможность работы для иностранцев в российских архивах была ограничена. Однако в Республике Корея существует уникальный Архив Центра Изучения истории и культуры Джоннам государственного университета (АЦикДГУ) в г. Кванджу, где сосредоточены цифровые копии архивных материалов, связанные с историей корейских переселенцев в России. Все копии выполнены по официальному запросу корейских специалистов и имеют необходимые верифицирующие отметки.

В нашей работе мы использовали папки АЦикДГУ с индексами «РД», «ГХ», «ГП» где хранятся архивные материалы в виде копирований и сканирований.

В папке «РД», отложились архивные материалы РГИА ДВ. Для анализа типологии корейских сел и волостей, специфики хозяйственной деятельности корейцев на русской земле и организации школьного образования среди корейских крестьян нами были изучены документы фондов Ф. 1. «Приморское областное правление. г. Владивосток (1818-1919)», Ф. 28. «Владивостокская городская управа. г. Владивосток (1870-1926)», Ф. 541. Пристав Суйфунского стана Никольск-Уссурийского уездного полицейского управления (1869-1917)».

В подборке «ГХ» сосредоточены документы из Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), которые позволяют реконструировать и исследовать процессы адаптации корейской диаспоры к изменениям в государственной политике советского Дальнего Востока. В этой связи мы изучили документы из фондов Ф. П-2. «Дальневосточный краевой комитет ВКП(б)», Ф. Р-58. «Дальневосточный революционный комитет (Дальревком)», Р-137. «Хабаровский крайисполком», Р-304 «Хабаровская переселенческая партия», Ф. Р-1228. «Представительство Дальнрайисполкома в Москве».

Материалы из папки «ГП» (Государственный архив Приморского края (ГАПК)): Ф.Р-25. «Владивостокская таможня. г. Владивосток (1900-1922)», Ф. Р-61. «Вольно-Надеждинский сельсовет» позволили нам оценить степень интеграции корейцев социокультурное и экономическое пространство юга Дальнего Востока.

Опубликованные источники представлены четырьмя основными группами.

1. Нормативно-правовые акты, представленные важнейшими законодательными актами, включающие в себя законы, указы, манифесты, законы, распоряжения, повеления, положения, уставы, инструкции и другие документы, которые определяли характер взаимоотношений власти и корейских переселенцев и регламентировали деятельность структур и организаций, создаваемых переселенцами.

2 Сборники документов и справочные издания составляют значительную группу использованных документов. В официальных сборниках документов¹ отражаются те или иные стороны развития Дальнего Востока России, и, в частности, жизнь корейцев.

¹ Сборник главных официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. IV. Инородческое население Приамурского края. Вып. 1. Инородцы Амурской области. Иркутск, 1883. 156 с.; Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. IV. Инородческое население Приамурского края. Вып. 2. Корейцы и инородцы Южно-Уссурийского края Приморской области. Иркутск, 1884. 478 с.; Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. IV. Инородческое население Приамурского края. Вып. 1. Инородцы Амурской области. Иркутск, 1883. 155 с.; Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края: По новому, 1902 г., изд. Положений о сел. состоянии (Свод. зак., т. 9, особ. прил. к Зак. сост.), ... с разъясн. по решениям Правит. сената и циркулярам министерств, сост. Г.Г. Савич. СПб., 1903. 336 с.; Владивосток: (Сборник ист. документов). (1860–1907 гг.) / сост.: Воронкова Г.М., Двинских З.И., Каширина И.Ф. и др. Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1960. 220 с.; Корейцы в Союзе ССР – России: ХХ-й в.: история в документах / сост. Н.Ф. Бугай. М.: ИНСАН, 2004. 300 с.; Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.): документы и материалы: в 2 кн. / сост. Н.А. Троицкая и др. Владивосток: Рос. гос. ист. арх. Дал. Востока, 2004.

Особый интерес представляют такие уникальные материалы, как ежегодные обзоры губернаторов Дальневосточной областей¹, которые издавались в качестве приложений к их ежегодным «Всеподданнейшим отчетам». Это наиболее систематические и объективные документальные материалы о том, какой была политическая обстановка во вверенных им административно-территориальных единицах, какими были результаты экономического развития за каждый год, а также какие проблемы необходимо было решать в регионе в первую очередь.

3. Отчеты, дневники, путевые записки, мемуары и воспоминания современников рассматриваемых событий являются ценным видом источников, использованных в работе. Часть из них рассматривались нами в историографии проблемы, но мы можем утверждать, что описания очевидцев, которые по долгу службы или частным образом посещали Дальний Восток² могут рассматриваться в качестве источника для исследования заявленной проблемы. Эти описания содержат богатейший материал по различным вопросам проживания корейцев в России, в том числе по землепользованию, школьному вопросу, культурной жизни и др.

4. Важной частью источниковедческой базы являются публикации в периодических изданиях, изданные в рассматриваемый период.

¹ Обзор Приморской области за 1890 год: прил. к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1891. 31 с.; Обзор Приморской области за 1891 год: прил. к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1892. 39 с.; Обзор Приморской области за 1892 год: прил. к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1893. 47 с. и др.

² Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело. 1928. 86 с.; Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1928. 84 с.; Барабаш Я. Сунгариjsкая экспедиция 1872 года // Военный сборник. СПб., 1874. Т. 1. № 3. С. 1–248; Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг. СПб., 1895. 214 с.; Веселовская Е.Д. Амурский край и наши переселенцы. М., 1901. 45 с.; Духовской В.Ф. Из моих воспоминаний. В 2 ч. Предисловие К.К. Случевского. СПб., 1900. Ч.1: 252 с. с порт.; Ч. 2: С. 253–599. с порт. и картой; Елисеев А.В. По Южно-Уссурийскому краю // Исторический сборник. СПБ., 1891. Т. 1, № 2. С. 435–456; № 3. С. 724–745; Т. 4, № 4. С. 86–109; Елисеев А.В. Южно-Уссурийский край и его колонизация // Русский вестник. СПб., 1891. Кн. V. С. 111–147; Кн. VIII. С. 118–158.; Кн. X. С. 78–113; Закревский В.А. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях: [С прил.]. СПб., 1911. 338 с. и др.

Публикации в центральной и региональной прессе, в газетах «Известия», «Крестьянская газета», «Приамурские ведомости», «Советское Приморье», «Владивосток», «Дальневосточный учитель» позволили восполнить более подробно описать ситуацию, выявить детали, которые опущены в официальных документах.

Самой большой группой источников стали газеты, издаваемые на корейском языке на территории Дальнего Востока. Публикации из этих газет впервые вводятся в научный оборот. Содержащиеся в них данные переведены на русский язык автором исследования.

Первая корейская газета «Хэзоцинмун» появилась только в 1908 г. и издавалась до 1937 г. Статьи в ней были написаны на корейском языке, что позволяет понять внутренние настроения среди корейцев, включая тех из них, кто не знал русский язык и не получил возможность представить свое мнение в публичном пространстве России/ СССР.

Газета «Дэдонггонгбо» издавалась с 1908 по 1910 гг. В сложной политической ситуации она старалась информировать корейских переселенцев в России о важных законах, местных новостях. В ее публикациях обращалось особое внимание на повседневную жизнь корейских переселенцев.

Газета «Квонопшинмун» показывает сложную ситуацию в среде корейских переселенцев с 1912 по 1914 году. После потери суверенитета Чосона в 1910 году, ее публикации акцентировали внимание читателей на стабильной жизни корейцев, российских поданных, способствуя поднятию национального самосознания.

Газета «Сонбонг» издавалась в период с 1923 по 1937 гг. Она была главной корейской газетой во время СССР, выпускаемой и финансируемой советскими органами власти. Специфической особенностью данной газеты можно считать литературные странички – в ней публиковались проза и поэзия корейских авторов.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его материалов при подготовке учебных пособий, аналитических сообщений и справок по миграции корейцев на российский Дальний Восток как для российского, так и для корейского научного сообщества и общественности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В процессе формирования корейской диаспоры на российском Дальнем Востоке выделяются два основных этапа:

- 1864–1917 гг. – с момента начала официального переселения корейцев на российский Дальний Восток до начала Гражданской войны;
- 1917–1937 гг. – советский период колонизации от установления Советской власти на Дальнем Востоке до насильственной депортации корейцев в Среднюю Азию.

2. В рамках первого периода российские власти создали для корейских колонистов благоприятные условия для натурализации на территории Дальнего Востока. Это было связано с необходимостью освоения присоединенных территорий и сохранения этих земель за Российской империей. При царском режиме корейцы, принявшие гражданство, обладали всем спектром социальных прав, присущих всем гражданам империи. Но специфической особенностью корейцев, заселившихся на Дальний Восток, было формирование и сохранение диаспоры как особой формы сохранения самоидентичности.

В рамках второго периода процесс натурализации корейских переселенцев идет под воздействием политических причин, в связи с чем учитывается прежде всего лояльность колонистов к режиму и их стремление реализовывать поставленные перед советским обществом задачи. В практике решения «корейского вопроса» региональные власти руководствовались принципом полезности в развитии экономики региона земледельческой системы хозяйств.

3. Решающим фактором в процессе адаптации корейцев на российском Дальнем Востоке стало развитие образования и культуры, как национальной, так и интегрированной в российское общество. Степень интеграции была выше на втором этапе заселения: это отвечало задачам ленинской национальной политики.

4. С середины XIX в. для корейской диаспоры сельское хозяйство было преобладающим сектором экономики. Корейские переселенцы оказали большое влияние на развитие сельского хозяйства на Дальнем Востоке России /СССР значительно увеличив посевные площади, повысив урожайность традиционных культур и расширив ассортимент выращиваемых зерновых и овощных культур на новых территориях.

5. Российские корейцы приняли непосредственное участие в развитии добывающей промышленности. Благодаря им дополнительное развитие получило ремесленничество и мелкооптовая торговля.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования получили отражение в 8 научных публикациях, шесть из которых вышли в журналах, рекомендованных ВАК, а также в выступлениях автора на 4 конференциях.

Структура диссертации определяется целью, задачами и концепцией исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. ВЛИЯНИЕ КОРЕЙЦЕВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

1.1. Основные этапы миграции корейцев на Дальний Восток России

Корейскую иммиграцию на Дальний Восток России можно разделить на несколько этапов, в рамках которых менялись и отношение российских властей к корейским переселенцам, и численность участвовавших в переселении, и сам характер миграции.

Первый этап переселения – с середины XIX в. до 1917 гг. – был обусловлен экономическими причинами.

Первые эмигранты из Кореи появились в регионе ещё до установления дипломатических отношений между двумя государствами¹. Жесточайший экономический и политический кризис в Корее стали причинами выезда корейцев, особенно занятых в сельском хозяйстве, в соседние страны, а именно в Россию и Китай. Поначалу это было небольшое число одиночек, которые по окончании летних заработков возвращались домой. Они нанимались на работы во Владивостоке, а также в сельской местности главным образом у своих сородичей в корейских селах. Но многие корейские отходники оставались в России на постоянное жительство, что приводило к возрастанию в крае оседлого корейского населения.

Хасанский район Приморья стал территорией, где первоначально стали оседать корейские переселенцы-земледельцы². Именно в долине р. Виноградная в январе 1864 г. было основано первое корейское поселение – с. Тизинхэ (совр. р. Виноградная)³.

¹ РГИА ДВ Ф. 87. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.

² Батаршев С.В., Крупянко А.А., Попов А.Н. Этноархеологические памятники Хасанского района (Приморье): проблемы и перспективы изучения // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 413–416.

³ Авилова И.К. Участие корейцев в хозяйственной колонизации юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. С. 111–142.

В 1865 г. в северной части Кореи было сильное наводнение, что побудило корейцев массово бежать в Южно-Уссурийский край. К началу октября границу с Россией пересекло 1850 чел.¹

Переселенческое движение корейских крестьян резко усиливается с конца 1869 г. вследствие стихийных бедствий в Северной Корее. В августе 1869 г. по стране прошел сильный тайфун, сильное наводнение в провинции Северный Хамген принесло многочисленные беды корейским крестьянам, а последовавшие затем очень ранние и сильные заморозки уничтожили на корню все оставшиеся на склонах гор хлеба и другие посадки. И в поисках средств к существованию корейские крестьяне устремились на свободные, необжитые земли русского Приморья. В сентябре 1869 г. близ границы с Кореей сосредоточилось большое количество желающих переселиться на территорию Российской империи. После долгих раздумий администрация Приморской области приняла решение о переселении корейцев. Причиной этого стало, в первую очередь, стремление освободить приграничные территории от всех осевших там иностранцев и выровнять плотность населения в Приморских районах. Новыми местами проживания корейцев были определены большие северные районы Посытского участка и территории около оз. Ханка, в долинах р. Суйфун, Лефу, Даубихэ, т. е. в глубине Приморской области. В последующие годы возникли поселения и в других районах. В 1869 г. на Суйфунском участке были основаны с. Корсаковка и Кроуновка, в 1870 г. в Верхне-Уссурийском участке – с. Казакевичево и Верхне-Романово (Фуругельмовка). В 1872 г. на Суйфунском участке возникло ещё с. Синельниково². Корейцам предоставлялось право получить продовольствие и семена на первое время их водворения на новом месте.

¹ РГИА ДВ Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 17

² РГИА ДВ Ф. 65. Оп. 1. Д. 20. Л. 40-21 об.

С лета 1871 г. часть корейцев в количестве 103 семей (431 чел.¹) по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова приняла решение переселиться в Амурскую область. Они нашли удобное место рядом с устьем р. Самары и основали село Благословенное.

По сведениям начальника Суйфунского округа, из перешедших на русские земли корейцев в 1869–1871 гг. в Южно-Уссурийском крае осело 3750, из них в долинах р. Суйфун, Янчихэ и Сидими – 1580, в деревне Тизинхэ – 1200, в окрестностях Новгородской бухты – 120, на островах залива Посьет – 150, на берегу бухты Находки и по реке Сучан – 500, в русских деревнях – 200².

И хотя в течение этих двадцати лет корейские переселенцы являлись, по сути, нелегалами, они активно осваивали дальневосточные земли и всеми силами стремились адаптироваться к новой социокультурной среде.

Чиновник по особым поручениям при губернаторе Приморской области М.П. Пуцилло, руководивший устройство хозяйств корейских переселенцев в конце 60-х – начале 70-х годов XX в., отметил: «Говоря о переселении корейцев, мы не можем умолчать о той пользе в экономическом отношении, какую оно без сомнения принесет для нас в недалеком будущем. Пользу эту мы видим прежде всего в заселении столь пустынной земли, как наш Южно-Уссурийский край, и притом заселении необременительном для нашего правительства, а также в развитии в крае земледелия и торговли. Корейцы, придерживаясь китайской, как известно, высокоусовершенствованной системы земледелия, не могут, однако, быть соперниками для русских колонистов при занятии земель, так как последние, привыкнув к многоземельному хозяйству, выбирают для себя ровные степные места, т. е. узкие долины, защищенные горами»³.

¹ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

² РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

³ Пуцилло М.П. Опыт русско-корейского словаря. Хабаровск, 1874. С.7.

После подписания в 1884 г. российско-корейского договора остро встал вопрос о статусе корейских иммигрантов в Приамурском крае¹. К концу 1887 г. была достигнута договоренность о включении в текст соглашения статьи, согласно которой все корейцы, переселившиеся в Россию до подписания договора 1884 г., могли получить русское подданство и пользоваться «всеми правами наравне с другими русскими подданными»².

Сибирским комитетом был выработан законопроект об условиях землеустройства переселенцев и налоговых льготах. Законопроект начинался так: «Государь Император по положению Сибирского комитета, высочайше соизволил для поселения в областях Амурской и Приморской Восточной Сибири, постановить следующие правила. 1. В сих областях дозволяется селиться всем вообще желающим, как русским, так и иностранцам, но с соблюдением условий, нижеизложенных...»³. Далее следовало ещё 12 статей, где разъяснялись дарованные переселенцам льготы.

В 1891 г. генерал-губернатор Приамурского края барон А.Н. Корф предпринял меры по правовому урегулированию положения корейцев, проживавших на территории края. Юридической базой для этого послужило заключение 7 июля (25 июня) 1884 г. Договора о дружбе и торговле, положившего начало официальным дипломатическим отношениям между Российской Империей и Королевством Корея.

В июле 1891 г. Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф распорядился всех проживающих в Приморской области корейцев разделить на три категории. Критериями деления стали дата переселения и срок проживания в пределах Дальнего Востока России. Вскоре началась проверка корейцев и работа над составлением посемейных списков.

¹ Петров А.И. Корейская диаспора в России 1897–1917 гг. ... С. 78.

² Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи... С. 66.

³ Полное собрание законов Российской Империи. № 36928. С. 682–684 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 01.03.2017).

К первой категории были отнесены те, кто мог принять русское подданство. Такие корейцы переселились на постоянное место жительство в пределы русской территории до 25 июня 1884 г., т. е. до дня заключения дипломатического договора между Российской империей и Королевством Корея (Чосен). Во вторую категорию вошли тех, кто оседло переживает на местах, но прибыл в Приморскую область после описанного срока, а равно и те, кто переселился в пределы России до 1884 г., но не желает перейти в русское подданство или исполнять правила, установленные для первой категории (см. ниже). И наконец, третья категория включает корейцев, которые временно проживают в области или прибывают сюда на заработки.

Для лиц первой категории надлежало принять следующие меры¹:

1) всем домохозяевам выдать особые свидетельства за подписью начальника округа с показанием в них года переселения домохозяев в пределы Приморской области, Дальнего Востока России и всех членов их семейств; затем на основании означенных свидетельств составить посемейные списки этих корейцев, которые хранить в местных сельских общественных управлениях.

2) корейцев названной категории привлекать к исполнению денежных и натуральных земских повинностей на одинаковых основаниях с местными крестьянами, проживающими в области не менее 20 лет.

3) означенным корейцам, если они образуют отдельные деревни или сельские общества, отмежевать особые земельные наделы в пользование из расчета 15 дес. на одно хозяйство, с обязательством ни в каком случае не отдавать надельной земли в аренду корейцам, временно приходящим в область.

4) корейские селения или ввести в состав ближайших крестьянских обществ, или образовать из них особые общественные управления на одинаковых основаниях с крестьянскими населениями.

¹ РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 811. Л. 14.

5) переход корейцев из одного сельского общества в другое допускать по общим правилам, установленным для крестьян.

6) потребовать, чтобы корейцы этой категории обрезали обычные у корейских подданных шишкы и косы.

7) привод означенных корейцев к присяге на русское подданство производить каждый раз с разрешения генерал-губернатора?

Относительно корейцев второй категории были даны такие указания:

1) объявить им собрав подписи, что они лишаются права на дальнейшее пользование казенной землей в пределах Приморской области, Дальнего Востока России. В течение двух лет, последующих за этим объявлением, они должны ликвидировать свое хозяйство, достать себе с родины национальные паспорта и оставить занятые ими казенные земли.

2) выдать им годичные русские билеты со взиманием притом такого же налога, какой установлен с приходящими к нам из-за границы корейцев с национальными паспортами.

4) находящиеся в пользовании у корейцев этой категории казенные земли, по окончании упомянутых 20 льготных лет, поступают в полное распоряжение казны.

4) с корейцами указанной категории, которые в течение двухгодичного льготного срока не предоставлят национальные паспорта, поступать так же, как с корейцами, временно приходящими к нам из-за границы без национальных паспортов.

5) на протяжении льготных двух лет корейцев второй категории привлекать к денежным и натуральным повинностям на одинаковых основаниях с корейцами первой категории.

Корейцы, причисленные к третьей категории, могли проживать в пределах Приморской области, Дальнего Востока России не иначе, как по получению установленных для того русских билетов на жительство.

В июне 1892 г. в Посытском участке производилась проверка каждой корейской семьи, после чего были выданы свидетельства, указывавшие на категории их владельцев. По окончании выдачи этих документов оставляемым корейцам объяснялись их обязанности по отношению к государству закону и власти; затем все крещеные корейцы из оставленных шли в церковь, где служилось благодарственное молебствие о здравии государя императора, причем местные священники поясняли значение факта об оставлении их у нас и объясняли, что корейцы должны делать, чтобы заслужить царскую милость и быть впоследствии принятыми в русское подданство. В Приморской и Амурской областях такие проверки корейцев на право подданства были совершены по распоряжению бывшего генерал-губернатора инженер-генерала Унтербергера в течение 1909–1910 гг.

В 1894 г. для лиц второй категории была сделана льгота – оставление еще на 2 года, но при условии обложения корейцев Посытского участка налогом в 10 руб. с семьи и Суйфунского – в 15 руб. на один год. При этом было объявлено, что они могут с весны 1895 г. перебираться на собственные средства на жительство на Амур, между Хабаровском и Николаевском, где их будут принимать по несколько семейств к русским селениям, и что по прошествии двухлетнего срока предоставленная льгота (оставаться в Южно-Уссурийском крае земледельцами) будет прекращена. Затем они в любом случае будут лишены права пользования в этом крае казенной землей, даже если они состоят в наделе корейских обществ первой категории.

В 1895 г. по распоряжению генерал-губернатора было сделано распоряжение, во-первых, о принятии в русское подданство корейцев с. Благословенного, где корейцы жили с 1879 г., во-вторых, корейцев первой категории в Приморской области. Принимаемых в русское подданство корейцев предполагалось оставить на тех же землях, где они проживали на тот момент, на общих правах государственных крестьян с пользованием землей с нашими крестьянами и с 1 января 1896 г. обложить их всеми

государственными и земскими сборами и повинностями, которые по общим государственным законам отбываются крестьянами, не пользующимися никакими льготами.

В исполнение этого распоряжения в августе 1895 г. были приняты в подданство и приведены к присяге корейцы, проживавшие на Суйфунском участке Корсаковской волости в с. Пуциловке, Корсаковке, Корсуновке и Синеловке числом 538 семей, душ обоего пола 3 196. Осенью 1896 г. в районе Посытского участка в 17 селениях принято в русское подданство 1 131 семей, 4 339 душ обоего пола¹. И этот процесс шел достаточно активно.

В 1905 г. в Приморской области насчитывалось уже 34 300 корейских иммигрантов, из которых 15 122 были приняты в русское подданство.

Таблица 1 – Динамика изменения легального положения корейцев.

Годы	Русско-подданные корейцы, чел. (% от общ.чис.кор.)	Нерусско-подданные корейцы, чел. (% от общ.чис.кор.)	Всего корейцев, чел.
1906	16 965 (49,4%)	17 434 (50,6%)	34 399
1909	14 799 (28,7%)	36 755 (71,3%)	51 554
1910	17 080 (31,6%)	36 996 (68,4%)	54 076
1911	17 476 (30,5%)	39 813 (69,5%)	57 289
1912	16 263 (27,2%)	43 452 (72,8%)	59 715
1913	19 277 (33,6%)	38 163 (66,4%)	57 440
1914	20 109 (31,2%)	44 200 (68,7%)	64 309
1923	34 559 (32,3%)	72 258 (67,6%)	106 817

Сост. по: Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. С. 27–29.

Приём в подданство определял правовое положение. Рост корейского населения совершался за счет, главным образом, нерусско-подданных корейцев. Особенно много было принято в подданство в 1910 и в 1913 гг. Это

¹ РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 811. Л. 14.

объясняется покровительственной политики генерал-губернатор Приамурья Н.Л. Гондатти, принимавшего корейцев в подданство без наделения их землей.

Неудачные попытки российского правительства вернуться к активной дальневосточной политике путем оказания давления на Японию в 1905 г. в вопросе о Корее закончились неудачей и заставили Россию ограничить сферу своих интересов на Дальнем Востоке Северной Маньчжурией.

В 1910 г. Япония аннексировала Корею и в 1911 г. российская сторона предложила токийскому кабинету решить вопрос о демаркации российско-корейской границы по р. Тумыньцзян (совр. р. Туманная).

В июле 1911 г. временный российский посол в Токио Броневский направил письмо в министерство иностранных дел Японии, где были выражены пожелания российского правительства относительно скорейшего решения вопроса о рыбной ловле в устье р. Тумыньцзян, а также о территориальном размежевании между Россией и Кореей. А.Н. Броневский предложил японскому правительству, взяв за основу договор между Россией и Румынией от 29 октября 1907 г., заключить подобный договор между правительствами России и Японии, пересмотрев и добавив некоторые пункты. Япония же хотела провести границу между обоими государствами по самому глубокому месту в устье реки¹.

Сложная ситуация в Корее и возможность закрытия российско-корейской границы стимулировала увеличение числа переселенцев на Дальний Восток России. Администрации региона необходимо было решить вопрос с занятостью корейских иммигрантов в сельском хозяйстве и промышленном производстве.

4 февраля 1911 г. состоялось заседание Комитета по заселению Дальнего Востока, где рассматривались вопросы об условиях принятия

¹ Пестушко Ю.С. Демаркация русско-корейской границы как один из аспектов разрешения русско-японских противоречий накануне первой мировой войны // Известия Восточного института. 2000. №3 . С. 127.

корейцев в русское подданство и о допущении их к работе на золотых приисках. Комитет предложил меры по облегчению перехода корейцев в русское подданство и трудоустройству их на промыслах золота¹. 25 апреля 1911 г. указанное постановление удостоилось высочайшего утверждения, и с этого времени в большом количестве стали поступать прошения корейцев о принятии их в русское подданство и на работу на золотых приисках. По последним данным, число корейцев, проживавших в Приморской области, насчитывало 45 000 чел. В 1911–1912 гг. принято в русское подданство 9 992 чел. обоего пола².

В 1910 г. в Южно-Уссурийском крае на 14 тыс. корейцев русского подданства приходилось почти 40 тыс. иноподданных, обслуживавших в основном «своих национальных эксплуататоров»³. Южная граница Приморья была сплошь заселена корейским населением. Также корейцы были разбросаны по территории Приморской области, Дальнего Востока и составляли около 30% всего населения. В начале XX в. до 90 % этого населения занималось земледелием. Большинство не являлось подданными Российской империи, но жило в крае десятки лет, обрабатывая землю на арендных началах. По данным земской переписи 1917 г., положение корейского населения было следующим (табл. 2)

Таблица 2 – Численность корейцев в Приморской области в 1917 г.

Территориальные образования	Корейцы, принявшие в росс. под.		Корейцы, не принявшие в росс. под.	
	количество хозяйств	количество человек	количество хозяйств	количество человек
Никольск-Уссурийский	4 794	31 855	5 466	29 255

¹ РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 811. Л. 15.

² РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 811. Л. 15.

³ Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье: отчет поручика 1-го СПБ. Стрелкового полка В.Д. Песоцкого. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. С. 84.

Ольгинский	-	-	293	1 614
Спасский	-	-	1 250	5 000
Сучанский район	123	986	2 494	13 115
Всего	4 919	32 841	9 503	48 984

В 1917 г. число домовладельцев среди корейцев, которые сдавали свои дома в аренду, составляло 511 чел. В числе зажиточной и привилегированной части корейского населения находились и подрядчики, владеющие капиталами, промышленными и торговыми предприятиями. Они поставляли казне и частным лицам материалы, продукты, рабочую силу и проч. В 1917 г. их насчитывалось во Владивостоке – 59 чел., в Никольск-Уссурийском – 17 чел.¹.

В одном хозяйстве корейцев – российских подданных в среднем было 7 чел., а в одном хозяйстве корейцев, не имевших российского гражданства, – 5 чел. Можно сказать, это было обусловлено нестабильностью жизни. Без гражданства и, следовательно, без права на получение земельного надела можно было устроиться только на тяжелую работу (например, чернорабочим на золотые прииски) с минимальным заработком. В таких условиях перейти границу с большой семьей и содержать ее было очень трудно.

Особенностью расселения корейцев по уездам Приморской области являлась неравномерность. Почти все, точнее 97% чел., из имевших подданство, проживали на Никольск-Уссурийском участке. Однако не перешедшие в подданство корейцы сравнительно шире распространились по другим местам, тем не менее около 60% остались в Никольск-Уссурийском уезде. Причиной такой плотности корейского населения на определенной территории является экономическая выгода.

Хотелось бы выделить в отдельную строку источники доходов корейских хозяйств. В начале XX в. в Приморской губернии корейское

¹ АЦикДГУ. РД. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2185. Л. 12, 24.

население имело разнообразные источники денежных поступлений. По данным 1923 г., среди корейцев самыми выгодными областями для заработка были полеводство, огородничество и луговодство. Особо крупные корейские хозяйства получали больше половины своих доходов от сдачи земли в аренду, а средние хозяйства – 47,26%. Бедные корейцы получали доход от найма на работу к собственникам земли (27%), от занятия лесными и прочими промыслами (36%) и случайных заработков (27%). Деньги, полученные в качестве кредита, составляли 12,84% доходов корейских хозяйств среднего уровня, в то время как у бедных крестьян эта сумма могла доходить до 34%, что приводило к зависимости от долгов¹.

Наличие надельных земель привлекало безземельных корейцев, желающих взять их в аренду, в Никольск-Уссурийский уезд. Из приведённой выше земской переписи 1917 г. следует, что на наделы корейцев – российских подданных приходилось в Никольск-Уссурийском уезде – 16 661 дес., в Сучанском районе – 617 дес. и в Спасском уезде – 157 дес. Всего общая площадь годных земельных наделов у корейцев–русских граждан достигала 17 435 дес.²

Второй этап переселения корейцев на российский Дальний Восток – 1917–1937 г. – носил в большей степени политический характер.

В период Гражданской войны и иностранной интервенции (1917–1922 гг.) приток корейских переселенцев на территорию Дальнего Востока России усилился. По данным переписи сельского и городского населения 1923 г., общая численность корейцев в крае составила 110 280 чел., а в Приморской губернии – 106 300 чел.³, из которых русско-подданных – 27 200 чел., а иностранно-подданных – 67 800 чел. В деревнях и селах Приморской

¹ АЦикДГУ. ГП Ф. П-61. Оп. 1. Д. 704. Л. 139.

² РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 94. Л. 16

³ В это число вошли мужчин – 28,2 тыс. чел., женщин – 24,5 тыс., детей до 12 лет – 29,8 тыс. и подростков 12–17 лет – 12,3 тыс. чел., а также 11,5 тыс. чел. без указания пола, возраста и подданства. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1501. Л. 14 об.

губернии проживали примерно 95 тыс. чел. После разгрома интервентов и окончания Гражданской войны ВЦИК объявил Дальний Восточный край России нераздельной частью РСФСР, образовал на её территории Дальневосточную область и утвердил состав Дальревкома¹, который осуществлял руководство административной и хозяйственной деятельностью.

До мая 1923 г. сохраняли силу постановления, согласно которым у иностранно-подданных корейцев для получения паспорта на проживание в Дальневосточной области отбирался показник. В нём содержались сведения о фамилии и подданстве, месте рождения, времени и цели прибытия, семейной положении и особых приметах. Паспорта выдавались на срок не больше одного года, по истечении которого надлежало испрашивать новый паспорт с уплатой гербового сбора 1 руб. 50 коп. и сбора 5 руб. на нужды социального обеспечения².

Все эти положения были отменены на основании постановления Дальревкома от 8 мая 1923 г. и была введена в действие инструкция НКВД от 14 февраля 1921 г. «О выдаче видов на жительство иностранным гражданам»³. Согласно этому документу, все проживающие на территории РСФСР корейские граждане иностранного подданства обязаны приобрести «вид на жительство», который выдавался губернским управлениями рабоче-крестьянской милиции на 6 месяцев, после чего местными органами он мог продлеваться всякий раз не более чем на такой же срок. Основанием для получения вида на жительство служили только национальные паспорта, выданные за границей и имеющие визы полномочных советских представителей. Все иные паспорта, а также охранные грамоты и другие

¹ Административно-территориальное деление Приморского края, 1856–1980. Владивосток, 1984. С. 13.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной республики. 1922 г. № 3. С. 166–167.

³ АЦикДГУ. ГХ Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 18. Л. 574.

удостоверения, выданные иностранными консульствами на территории РСФСР, в расчёт не принимались¹. Органами милиции выдавались также временные виды на свободное проживание в пределах РСФСР в течение трёх месяцев, после чего его владелец обязан был представлять национальный паспорт².

На основании директив НКИД и НКВД в июле 1924 г. Дальревком установил упрощенный порядок приема в советское гражданство корейских трудящихся, переселившихся до 1918 г.³ Это Постановление предусматривало освобождение корейцев от представления при заявлении о принятии в советское гражданство национальных паспортов. Достаточно было предоставить удостоверение, выдаваемое волисполкомами и сельсоветами, в котором подтверждался срок пребывания на территории РСФСР, род занятий и лояльное отношение к советской власти. Однако ожидаемый результат так и не был достигнут. Приём корейцев в советское гражданство шел чрезвычайно медленно. За 1923–1925 гг. в Приморской губернии стать советскими гражданами смогли получить лишь 12 783 корейца из 18 474 подавших заявления⁴, что составило 30% от общего числа корейцев, желавших получить советское гражданство. Хотя не понятно, 30% от какого конкретно числа?

В марте 1923 г. был создан Институт уполномоченного по корейским делам⁵. В докладной записке Дальревкома от 2 февраля 1923 г. отмечалось, что в Приморской губернии присутствует компактная масса корейцев. И в целях более успешного разрешения вопросов, касающихся этой группы населения, отдел управления Дальревкома предлагал учредить при отделе

¹ АЦикДГУ. ГХ Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 18. Л. 620–621.

² АЦикДГУ. ГХ Ф. Р-137. Оп. 12. Д. 1. Л. 129.

³ АЦикДГУ. ГХ Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 46. Л. 258.

⁴ АЦикДГУ. ГХ Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189. Л. 337.

⁵ АЦикДГУ. ГХ Ф. П-61. Оп. 1. Д. 339. Л. 60.

управления Приморского губревкома должность губернского уполномоченного по корейским делам на правах заведующего подотделом¹.

При региональных администрациях были также учреждены должности уполномоченных по корейским делам. Они были созданы при Приморском губернском исполкоме, Владивостокском, Сучанском, Никольском-Уссурийском, Спасском, Хабаровском и Иманском уездных, Посытском и Ольгинском районных исполкомах. Аналогичные должности имелись также в отделах народного образования, здравоохранения и земельном управлении губисполкома, в ряде других государственных учреждений².

В функции этих структур входило наблюдение за проведением в жизнь на местах национальной политики советской власти по отношению к корейскому населению, а также изучение экономического и правового положения корейцев и содействие их материальному и культурному развитию. Как отмечает исследователь Е.С. Вологдина, «с корейским населением работали инструкторы, которых не хватало. Найти в требуемом количестве русских, которые отлично владели корейским языком или политически грамотных корейцев, которые отлично владели русским, было очень сложно»³.

В связи с этим урегулировать вопросы переселения и наделения землей желающих корейских иммигрантов не удалось. Кроме того, сложная внешнеполитическая обстановка, вызвавшая непрерывный поток иммигрантов из Кореи и Манчжурии на советский Дальний Восток, требовала принятия решительных мер.

В январе 1925 г. Народный комиссариат иностранных дел постановил «принять все доступные меры для прекращения притока китайцев и корейцев на советскую территорию... и выработать, в первую очередь, колонизацию

¹ РГИА ДВ Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1493. Л. 5.

² АЦикДГУ. ГП Ф. П-61. Оп. 1. Д. 536. Л. 5.

³ Вологдина Е.С. Государственная политика в отношении корейских мигрантов... С. 179.

из внутренних губерний России, поскольку стихийное заселение Дальнего Востока китайцами и корейцами является серьезной опасностью»¹.

Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 28 января 1927 г. была утверждена «Инструкция об условиях и порядке предоставления земель для нужд сельскохозяйственной иммиграции». Согласно полученным директивам, Далькрайземуправление издало соответствующее распоряжение, где предписывалось всем корейцам, вселившимся в край до 15 ноября 1922 г. и доказавшим оседлый характер своего проживания, вне зависимости от гражданства, но при обязательном наличии у них политических прав, предоставлять землю в трудовое пользование по возможности на месте проживания и в потребностях, вполне обеспечивающих нужды хозяйства².

Тех же, кто прибыл после вышеуказанного времени, следовало наделять землей в местах расселения на условиях бесплатной аренды на договорных началах с последующим переводом на трудовое землепользование или на платную аренду. Но лицам, бежавшим на русскую территорию из-за преследований за политическую деятельность или религиозные убеждения, трудовые земельные наделы должны были быть предоставлены сразу, независимо от времени вселения.

Чтобы стимулировать расселение корейцев и обеспечить в новых местах приживаемость, на них были распространены льготы, установленные для обычных плановых переселенцев, а также:

- на каждую семью выдавался аванс в 30 руб. на месте выхода и 70 руб. по прибытии в Хабаровск, а общий размер долгосрочной ссудной помощи определялся в 270 руб., за вычетом 10% этой суммы, которая шла на общеполезные надобности;

¹ Бугай Н.Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности... С. 152.

² Кузин А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы... С. 68-69.

- устанавливалась 75% скидка на покупку лесоматериалов для возведения жилых и хозяйственных построек, а также пониженная такса на приобретение топлива;
- в течение 5 лет корейские переселенческие хозяйства освобождались от уплаты единого сельскохозяйственного налога; юношам (из числа корейских переселенцев давалась отсрочка от призыва в армию¹.

Сложные отношения с Японией в 1920–1930-е гг., нестабильная политическая обстановка в Сибири и на Дальнем Востоке оказывали негативное влияние на положение корейцев в этих регионах. Местные власти всё настойчивее ставили перед ЦК ВКП (б) и правительством СССР вопрос о депортации корейского населения. Политбюро ЦК неоднократно обсуждало этот вопрос: в августе 1927 г., в феврале 1930 г., в июне 1932 г. Результатом многочисленных обсуждений стало принятие директивы о массовом переселении корейского населения из пограничных районов Приморья. Партийная директива легла в основу совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. о депортации корейцев с Дальнего Востока в республики Средней Азии².

В атмосфере репрессий, слежки, подозрительности, шпиономании, характерной для политической обстановки в СССР в 1930-е гг., а также в связи с возрастанием угрозы со стороны набиравшего силу фашизма в Европе и захватнической политикой Японии в Азии районы расселения корейцев на Дальнем Востоке стали рассматриваться как местной, так и центральной властью СССР в качестве «благоприятной среды для деятельности японской агентуры». Эта формулировка проходит через доклады различных ведомств, в частности Управления НКВД по Дальневосточному краю³. Такой оценки ситуации оказалось достаточно для

¹ Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы... С. 68–69.

² Денисов В.И. Политико-правовой анализ депортации советских корейцев... С. 215.

³ Денисов В.И. Политико-правовой анализ депортации советских корейцев... С. 216.

того, чтобы поставить вопрос о применении в отношении советских корейцев репрессивных мер

21 августа 1937 г. принимается Постановление № 1428-326сс СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края». Документ, подписанный главой правительства В.М. Молотовым и секретарем ЦК И.В. Сталиным, содержит 12 пунктов, в которых подробно изложены цели принятого решения, определены конкретные меры и сроки переселения. Главная задача, отмечается в документе, – это «пресечение проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край»¹.

Выселение было приказано начать с Посытского района и Гродеково, где компактно проживали корейцы, и завершить его к 1 января 1938 г., т. е. за четыре месяца². Людей отправляли в Южно-Казахстанскую область и Узбекистан, где расселяли на неосвоенных землях, вблизи болот, на целинных землях (голая степь, низовые Амударьи)³.

Итоги операции по насильственной депортации корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию были изложены в письме наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова на имя председателя Совнаркома В.М. Молотова. Всего было выселено 171 781 чел. (36 442 семьи), которые были отправлены в Узбекскую ССР – 76 525 чел. (16 272 семьи) и в Казахскую ССР – 95 256 чел. (20 170 семей). Отправка корейцев осуществлялась по железной дороге, для чего потребовалось 124 эшелона. По своему юридическому статусу депортированные корейцы были определены как «спецпереселенцы»⁴.

¹ Денисов В.И. Политико-правовой анализ депортации советских корейцев... С.216.

² Постановление № 1428-326сс СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1937 г. «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» // Российские корейцы. 2012. Сентябрь. № 142. С. 9.

³ Денисов В.И. Политико-правовой анализ депортации советских корейцев... С.216.

⁴ Денисов В.И. Политико-правовой анализ депортации советских корейцев... С.216; Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950 гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 201-202, 211-228.

Принудительное переселение корейцев не завершилось к 1 января 1938 г., как требовало упомянутое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Небольшими группами корейцев продолжали депортировать в Среднюю Азию не только с Дальнего Востока, но и из других регионов России – Москвы и Московской области, Тульской области. Переселение шло также из лагерей, расположенных в европейской части страны. Этот процесс продолжался вплоть до 1946 г.¹

Таким образом, в процессе заселения корейцами Дальнего Востока выделяются два этапа: первый этап переселения – с середины XIX в. до 1917 гг. – был обусловлен экономическими причинами., а второй – 1917–1937 г. – носил в большей степени политический характер.

Процесс формирования дальневосточной корейской диаспоры проходил в период со второй половины XIX в. до первой четверти XX в. До 90 % корейцев проживали на юге Приморья. Корейские мигранты достигли больших успехов в хозяйствовании и за короткий срок превратились в зажиточных крестьян. Несмотря на принятие российского гражданства, члены корейской диаспоры не теряли связи с соотечественниками, проживавшими на родине, и всячески помогали им. Дальний Восток России был чрезвычайно привлекателен для мигрантов, а после аннексии Кореи Японией в 1910 г. поток корейских переселенцев значительно усилился. Это было не только добровольное переселение, но и депортация противников оккупационного режима японским правительством, которое поощряло льготами переход корейцев в Южно-Уссурийский край. Новая волна иммигрантов из Кореи хлынула в регион после подавления антияпонского восстания в марте 1919 г. и последовавших за ним жестоких гонений со стороны оккупационных властей. А после установления в конце 1922 г. советской власти на Дальнем Востоке иммиграция из Кореи приобрела

¹ Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 2 / Авт.-сост.: Ли У Хе, Ким Ен Ун. М.: МККА, 1997. С. 120–121.

постоянный характер. Корейцы прибывали и расселялись в южном Приморье фактически до конца 1925 г. Однако, к середине 1930-х гг., в условиях тоталитарного режима, а также в связи с возрастанием угрозы со стороны фашистской Германии в Европе и милитаристской Японии в Азии районы корейцы, как и представители других народов, выходцев из-за рубежа, стали рассматриваться властями СССР как потенциальные шпионы и враги. Это и стало причиной развертывания репрессий против дальневосточных корейцев и их депортации в Среднюю Азию.

1.2. Вклад корейцев в сельскохозяйственное развитие Дальнего Востока

На своей родине корейцы были хорошими земледельцами, при этом они практически не использовали какой-либо специальной сельскохозяйственной техники. Когда они только начали переселяться на Дальний Восток России, у них не было ничего, кроме собственных рук и трудолюбия. Несмотря на непростые климатические условия, корейские переселенцы достигли успеха в сельском хозяйстве. Так как первоочередной задачей российского правительства было освоение территории Дальнего Востока, можно утверждать, что корейские переселенцы оказали большое влияние на развитие сельского хозяйства в данном регионе.

В Приморской области земледелие является главным занятием населения лишь в ее южной части, т. е. в Никольск-Уссурийском, Ольгинском и Иманском уездах и на территории, принадлежавшей Уссурийскому казачьему войску. В особенности благоприятны для хлебопашества Приханкайская равнина и верховья р. Уссури, где почва покрыта более толстым слоем перегноя. В большинстве же северных уездов преобладали рыболовство, лесной и пушной промыслы.

Когда корейцы начали прибывать на российский Дальний Восток, то существовала тенденция селиться в Южно-Уссурийском крае, где рядом

находилась граница с Кореей. Близость к родине была хорошей эмоциональной поддержкой, но климатические условия в данном районе были неблагоприятны для сельского хозяйства: летом часто был туман, что плохо влияло на зерновые культуры, особенно во время их цветения, препятствовало развитию зерна – «колосья их пропадали, наполняясь каким-то черновато-бурым порошком»¹. А. Рагоза писал об этих местах: «Вообще должно сказать, что этот участок более всего удовлетворяет условиям для развития скотоводства, допуская в то же время и развитие земледелия, но только до весьма ограниченного продела»².

По сведениям чиновника генерал-губернаторства Восточной Сибири В. Висленевого, в 1878–1879 гг. в Приморской и Амурской областях имелось 21 корейское поселение, где проживало 6 766 душ³. На площади почти 3 тыс. дес. выращивались буда⁴, чумиза, чуза, гаоляни, рис, пшеница, ячмень, овес, гречиха, кукуруза, бобы, горох, просо. В хозяйствах имелось 687 лошадей, 1 656 голов крупного рогатого скота, 1 726 свиней⁵.

На основе этих данных можно сделать следующий расчет: что если в среднем 1 хозяйство состояло из 4 душ и 1 селении было в среднем 80 хозяйств, то там проживало 32 чел. На 1 хозяйство приходилось 37 дес., 8 лошадей, 20 голов крупного рогатого скота, 21 свинья.

Однако такие усредненные цифры не всегда соответствовали действительности.

¹ Рагоза А. Посытский участок // Сборник географических, типографических и статистических материалов по Азии; Посытский участок. Выпуск XIV. Издание военно-ученого комитета Главного Штаба. СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1891. С. 74.

² Рагоза А. Посытский участок... С. 73.

³ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи... С. 48.

⁴ Буда – вид проса.

⁵ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. IV. Иркутск, 1881. С. 77.; Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. IV. Инородческое население Приамурского края. Вып. 2. Корейцы и инородцы Южно-Уссурийского края Приморской области. Иркутск, 1884. С. 86, 260, 345.

Так, по сведениям газеты «Владивосток», в 1879 г. 612 хозяйств (2 958 чел.) на Посытском участке засевали 1 386,5 дес. пашни, т. е. на 1 хозяйство приходилось 2,27 дес. и, соответственно, 0,47 дес. на 1 чел. В 1886 г. 1 173 хозяйств, состоявшие из 5 364 чел., засевали уже 3 214 дес., следовательно, на 1 хозяйство приходилось уже 2,76 дес. и 0,6 дес. – на 1 чел.¹

С учетом того, что Посытский участок был территорией, где проживало больше всего корейцев, полученные на основе данных В. Висленевого результаты – 37 дес. на 1 корейское хозяйство, – являются преувеличением. По нашему мнению, необходимо обратить внимание на динамику увеличения площади посевных земель в корейских селах.

Если за период с 1879 до 1886 г. корейское население взросло в 1,8 раза, то засеваемые площади на Посытском участке увеличились в 2,4 раза, на 1 чел. – в 1,28 раза. Таким образом, в конце XIX в. рост посевных площадей в корейских селах шел быстрее по сравнению с ростом численности их жителей.

Особенно ярко это видно на примере селений Корсаковской волости. В 1876 г. число хозяйств равнялось 345, средняя площадь земли для пашни на 1 двор – 1,75 дес., а в 1892 г. число дворов увеличило в 2,1 раза (706 хозяйств), площадь посевов – в 7,8 раза (6,62 дес. на 1 хозяйство)².

В самом первом корейском селении Посытского участка – Тизинхэ – ситуация уже в 1867 г. была лучше (табл. 3).

Таблица 3 – Соотношение численности корейцев и обрабатываемой или пахотной земли

¹ Сведения о корейских поселенцах на Посытском участке // Владивосток. 1887. 29 марта. Л.5

² Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России ... С. 144.

Годы	Количество корейских семей	Общая численность корейцев, чел.	Общая площадь пахотной земли, дес.	Средняя площадь на 1 хозяйство, дес.	Средняя площадь на 1 чел., дес.
1867	124	661	395,5	3,18	0,59
1875	244	1 243	1 614	6,61	1,29

Как видно из результатов переписи Ф.Ф. Буссе, в 1867 г. в с. Тизинхэ на 124 корейские семьи (661 чел.) приходилось 395,5 дес. пахотной земли¹. А в 1875 г. там проживало уже 244 семей корейцев (1 243 чел.), которые обрабатывали 1 614 дес. и имели 1,68 головы крупного рогатого скота на одну семью². Таким образом, за 8 лет хозяйственное положение корейских переселенцев улучшилось почти в 2 раза.

В с. Мангугае Посытского участка, где Ф.Ф. Буссе побывал в сентябре 1867 г., насчитывалось 13 корейских семей из 58 чел. Они обрабатывали 24,5 дес. земли (в среднем 1,88 дес. на 1 семью, 0,42 дес. на 1 чел.)³ и имели 1,3 головы крупного рогатого скота на 1 хозяйство⁴. В это время в с. Сидими того же участка проживало 5 семей корейских крестьян общей численностью 20 чел. Площадь обрабатываемых ими полей равнялась 6 дес. земли (1,2 дес. на 1 семью, 0,3 дес. на 1 чел.)⁵.

Корейские переселенцы, благодаря своим знаниям в области земледелия, добились повышения производительности сельскохозяйственного труда.

Посытский район, примыкающий южной своей частью к Корее, ввиду частых туманов, расстилающихся по побережью, был более пригоден для посева разных сортов проса, бобов, гаоляна, кукурузы. Эти растения имели

¹ РГИА ДВ Ф. 87. Оп. 1. Д. 278. Л. 122–123.

² АЦикДГУ. РД Ф. 541. Оп. 1. Д. 61. Л. 133.

³ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России ... С. 91.

⁴ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России ... С. 91.

⁵ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России ... С. 91.

главенствующее значение для сельского хозяйства корейцев¹. Поэтому именно их корейские переселенцы сеяли на новых землях². В результате они получали высокие урожаи, так как эти культуры наиболее приспособлены к местным климатическим условиям. Привычные русскому населению зерновые – пшеница, ярица, рожь и ячмень – сильно страдали от туманов: сырость способствовала развитию разных микроорганизмов, разрушающих хлебные зерна, и появлению «пьяного хлеба»³.

По степени урожайности среди зернобобовых культур первое место занимает просо (буда), потом идут бобы, ячмень⁴. Просо являлось наиболее выгодной культурой, так как для обсеменения 1 дес. земли требовалось всего 18–20 фунт., а в результате получали 150–200 пуд. Для сравнения: при хорошем урожае пшеницы собирается 300 пудов с 1 дес., но после обмолота получается только 20 фунтов чистого зерна. Урожай проса (буды) с 1 дес. обеспечивал продовольствием целую семью в течение года или полтора лет⁵.

А. Рагоза писал: «... из употребляемых корейцами сортов хлеба наиболее сеется просо, или как его еще называют буда. Буда в большом употреблении – ей преимущественно питается бедный народ, она идет в корме скоту. Из нее гонят водку, а солома идет на крыши домов и решетки для потолка. Сорт буды, засеваемый корейцами, мельче маньчжурской и дает значительно меньший урожай. Он скорее подходит к мелкому просу, носящему название Сяо-ми-цзы, или попросту чумизы. Кроме чумизы должно еще упомянуть о Гал-лянь (род сорго), употребляемом по преимуществу в пищу скоту и о растении Су-цзу, зерна которого очень маслянисты и служат для добывания так называемого травяного масла,

¹ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. ... С. 100.

² Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края... С. 8.

³ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае // Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого Управления, А. А. Риттиха. – СПБ., 1899. С. 31–32.

⁴ Рагоза А. Посытский участок ... С. 77.

⁵ Обзор Приморской области за 1899 год ... С. 39.

которое имеет большое употребление среди китайского населения и почему засевается корейцами для продажи»¹.

Риттих также отмечал, что корейское население Посьетского участка возделывает, главным образом, виды проса – чумизу, пайзу и кицань, а также бобы, кукурузу и огородные растения. Кроме того, обычный у корейцев рядовой посев, ручная обработка, окучивание и полка всех этих хлебов значительно уменьшают вредное влияние туманов. Растения постоянно вентилируются при рядовой посадке, и лишняя влага не так задерживается².

Выбор корейцами подходящих для возделывания на данной территории культур привел к ожидаемым результатам (табл. 4). В отчете начальника Суйфунского округа за 1873 г. указывалось: «Народное хозяйство в смысле земледелия приняло довольно удовлетворительные размеры в корейских колониях, в которых благодаря трудолюбию и склонности к земледелию поселившихся в наших пределах корейских выходцев производительность развивается с каждым годом»³.

Таблица 4 – Урожай зернобобовых культур Посьетского участка в 1875 и 1889 г.⁴

Годы	Виды зернобобовых культур (пуд.)					
	Ячмень	Бобы	Чумиза	Буда	Кукуруза	Остальные зерновые культуры
1875	1 222,75	5 525	4 800	2 2367,5	2 723	-
1889	3 748	20 468	8 9467	-	-	14 567

Как видно из табл. 4, урожай ячменя увеличился почти в три раза, бобов – в четыре раза, чумизы – в 18 раз. Хотя в документах за 1889 г. не

¹ Рагоза А. Посьетский участок ... С. 74.

² Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае С. 31.

³ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России ... С. 91.

⁴ Сост. по: Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России ... С. 56; Рагоза А. Посьетский участок...С. 77.

отражено количество полученного проса (буды) и кукурузы, увеличение урожая других культур (ячменя, бобов и чумизы) говорит об общем росте сельского хозяйства среди корейских переселенцев в Южно-Уссурийском округе.

В разных работах отмечались трудолюбивый характер корейских крестьян и их способности к сельскому хозяйству. Например, В. Пьянков указывает на то, что в 1872 г. в Южно-Уссурийском крае корейские крестьяне-землепашцы собрали высокий урожай, и отмечает, что «это поразительное плодородие почвы объясняется в значительной степени трудолюбием корейцев»¹.

Автор писал, что у корейских крестьян на Посытском участке в 1875 г. пашни были под чумизой и кукурузой и что на том же участке в 1889 г. они не засевали пшеницу, рожь, гречу. И хотя не указываются остальные сорта хлеба, можно предположить, что в данные об урожае 1889 г. в столбце «Остальные хлеба» включено количество полученной кукурузы и чумизы)

В то же время нужно вспомнить, что с 1869 до начала 1872 г. корейским переселенцам в качестве пособия, которое могло бы поддержать их при обустройстве на новом месте, раздавались разнообразные зерновые (ячмень, ярица, просо, гречиха и т. п.) и мука. Так, за почти три года они получили 6 223 пуд. 3 фунт. муки, 2 179 пуд. 27,5 фунт. ярицы, 473 пуд. 12 фунт. ячменя, 575 пуд. 27 фунт. проса, 283 пуд. 20 фунт. гречихи, 18 пуд. 35 фунт. картофеля².

17 апреля 1871 г. Высочайше утверждено положение военного совета, согласно которому на продовольствие корейских переселенцев и обсеменение их полей со счетов казны выделено казенного провианта 35 тыс. пуд. за все

¹ Пьянков В. Несколько статистических данных об Южно-Уссурийском крае. – Известия императорского русского географического общества. Т. X, № 2.– СПБ, 1874 (1-го февраля 1874 г.), С.91.

² Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края...С. 7.

время их заселения¹.

Исходя из представленных выше данных, можем понять, что, хотя в табл. 4 не было упомянуто количество пудов каждого вида зерновых культур для посева, нетрудно рассчитать урожайность зерновых культур у корейских крестьян. Благодаря помощи со стороны администрации Приморского округа корейские переселенцы успели быстрыми темпами обустроиться и добиться хороших результатов, особенно в сельском хозяйстве.

Их достижения в хлебопашестве заметны в сопоставлении с результатами русских крестьян. Если сравнить количество зерна, посаженного и собранного корейцами и русскими, то будет очевидна высокая результативность деятельности первых в расчете на 1 жителя (табл. 5).

Таблица 5 – Урожайность зернобобовых культур на 1 чел. на Посытском участке за 1889 г.²

Виды зернобобовых культур	Корейские крестьяне			Русские крестьяне		
	Количество зерна на 1 чел. (пуд.)			Количество зерна на 1 чел. (пуд.)		
	валово й сбор	посев	чистый сбор	валово й сбор	Посев	чистый сбор
Пшеница	–	–	–	40,7	4	36,6
Рожь	–	–	–	19	3,8	15,2
Ячмень	21,2	1,9	19,3	43	4,3	39
Гречиха	–	–	–	38	15,3	22,7
Просо	506	4,6	502,3	149,5	5,6	143,6
Бобы	116	8,6	107,4	88	6,3	81,7
Остальные виды	82	3,5	79	50,5	1,6	48,9
Итого	725,2	18,6	708	428,7	40,9	389 ,7

¹ Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края... С. 7.

² Рагоза А. Посытский участок... С. 77.

Обратимся к табл. 5 и рассмотрим, сколько именно собиралось у корейцев хлеба на каждого жителя, сколько тратилось на посев и сколько оставалось для пропитания. Используя цифры чистого сбора всех видов зерновых культур, приходящихся на каждого жителя, можем увидеть, что для корейцев она составляет 177 пуд., а для русских крестьян 55,7 пуд. При этом должно заметить, что урожай 1889 г., благодаря отсутствию дождей и туманов, дал сбор хлеба, далеко превосходящий всякие ожидания. По словам местного населения, они лет 5 не помнили такого урожая¹.

На основе архивных данных можно проследить динамику получения урожая в селения корейских переселенцев в конце XIX – начале XX вв.

Таблица 6 – Урожай зерновых в д. Осиповка Софийского округа за 1892 г.²

Вид зерновых хлебов	Количество урожая зерновых хлебов	
	Собрано (пуд.)	В среднем на 1 хозяйство (пуд.)
Гречиха	80	1,8
Ячмень	120	2,7
Яр-буда	250	5,6
Буда	2 000	45,4

Д. Осиповка была основана в 1891 г. на правом берегу Амура, в 7 верстах от Хабаровки, и в начале XX в. число дворов в ней составляло 44. Корейские иммигранты хорошо обустроились на новом месте за год: «при больших урожаях, на баркасах отправляют на продажу в г. Николаевск. Проживающие в Осиповке корейцы весьма трудолюбивы и приносят большое подспорье для г. Хабаровска сбытом своих продуктов»³.

В 1893 г., как указывал начальник Софийского округа В.А. Башилов в

¹ Рагоза А. Посытский участок... С.79.

² РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 1. Д. 94. Л. 90.

³ РГИА ДВ. 702. Оп. 1. Д. 94. Л. 91 об.

докладе о корейцах д. Осиповки, «осиповские корейцы ожидались урожай хлебов лучше, чем в предыдущие годы. Но, к сожалению, они не получили ожидаемый результат: в конце июня того года появилось большое количество гусениц, которые съели более половины всех посевов. Но корейцы не перестали стремиться повысить урожайность. По сообщению осиповского корейского старосты, они увеличили количество обрабатываемой ими земли. С 1892 по 1893 г. в пользовании корейцев находилось 155 дес., а в 1893 г. к ним добавлено около еще 10 дес.»¹.

Урожай отдельных сельских хозяйственных культур по Приморской области увеличивался дальше. Перед Первой мировой войной средний урожай с 1 казенной дес. был таким: пшеница – 50–60 пуд., ярица – 50 пуд., овес – 65–75 пуд., ячмень – 45–50 пуд., гречиха – 35–40 пуд.² В 1914 г. в Никольск-Уссурийском уезде в целом было собрано 167 773 пуд. зерновых, что в несколько раз больше, чем в других уездах: например, в Иманском уезде – 65 805 пуд., Ольгинском – 28 488 пуд., Хабаровском – 15 070 пуд.³

Хотя корейские крестьяне и получали богатые урожаи, их результативность оценивалась не так высоко. Прежде всего это объясняется тем, что виды сельхозкультур, которые выращивались ими, мало ценились русским населением, особенно это касается зерновых.

После переселения корейцев в Уссурийский край начало развиваться хлебопашество. Высокая производительность сельскохозяйственного труда корейцев привела к возникновению хлебных излишков, которые можно было продавать. Так, в 1870-е гг., благодаря избытку хлебных продуктов, рыночные цены на них несколько снизились. Например, если до устройства корейцев в крае войска, расположенные в урочище Новокиевском, покупали весь овес и

¹ РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 1. Д. 94. Л. 90.

² Петров А.И. Корейская диаспора в России ... С. 164.

³ Сост. по: Бюллетень о состоянии сельского хозяйства в Приморской области за апрель-июнь 1914 года. Владивосток, 1914. С. 3; Петров А.И. Корейская диаспора в России ... С. 172.

ячмень в Хуньчуне, то в 1872 г. небольшая часть зерна была куплена у корейцев, в 1873 г. купили у них уже больше половины зерна, а в 1874 г. надобность в завозе хлеба из Хуньчуна вообще исчезла¹.

Что же касается Южно-Уссурийского округа, то нужно указать на соотношение разных национальных групп. С 1891 до 1904 г. население округа было многонациональным. Корейцы занимают второе место по численности после русских. В 1891 г. корейское население составляло 32,62% от общего числа жителей Южно-Уссурийского округа. После того, как П.Ф. Унтербергер принял строгие меры подавления притока корейских иммигрантов в Россию, количество корейцев уменьшилось. В 1904 г. их насчитывалось 12,43 % от общего числа населения в Южно-Уссурийском округе. Таким образом, среднее количество корейцев в этом округе равнялось 22,52%².

И хотя с точки зрения численности корейское население было небольшим, то по производительности в сельском хозяйстве оно играло важную роль в экономической жизни региона, особенно в деле создания хлебозапасных магазинов. Такие магазины были предназначены для предотвращения голода в крестьянских хозяйствах с помощью создания общественного амбара и поэтому были важным звеном в системе обеспечения продовольственной безопасности страны. «Устав о народном продовольствии» 1891 г. предусматривал два вида обеспечения продовольственной безопасности на уровне отдельных селений: натуральные запасы и денежные капиталы. Норма выдачи натуральных запасов составляла 1 четверть (примерно 9 пуд.) ржи или пшеницы и 0,5 четверти (примерно 3 пуд.) овса или ячменя на одну ревизскую душу. Ссуда на посев и пропитание выдавались по приговорам сельских обществ с разрешения уездной земской управы после «дознания о действительном положении нуждающихся членов

¹ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи, Иркутск: ИГПИ, 1994. С.44.

² Обзор Приморской области за 1891 год ... С. 7.; Обзор Приморской области за 1910 год ... С. 9.

общества»¹.

Сбор местных продовольственных средств в разных частях Российской империи различалась. Особые казенные хлебозапасные магазины были созданы в Сибири. В Приморских уездах никакой продовольственной организации не существовало. Отсутствовала она и на Сахалине. Во многих областях Средней Азии не имелось натуральных продовольственных запасов, их заменяли их денежными капиталами².

В Приморской области хлебозапасные магазины начали устраивать с 1889 г., а зерно было впервые засыпано на хранение в 1890–1891 гг.³ По сведениям из обзора Приморской области за 1891 г., зерновые запасы были «очень незначительны потому, что до 1883 года засыпка хлеба в магазины или не производилась вовсе или производилась в весьма ограниченных размерах. У корейского населения не было ни магазинов, ни сборов запасного хлеба до 1887 года. Вновь переселившиеся крестьяне освобождены от участия в засыпке хлеба на три года со времени их водворения в крае. Крестьяне, переселившиеся в край на казенный счет, не устраивали запасных магазинов до 1889 года, и вообще более правильный сбор запасов начался только с 1890 года. Сбор запасов в отчетном году (21 395 пуд. 38 фунт.) составляет 48,5% всего засыпанного хлеба»⁴.

Хлебозапасные магазины, за малым исключением, представляли собой небольшие амбары (обычно размером 6 x 6 x 3 арш.), крытые соломой, с закромами, не отделенными от внешних стен, а прямо в них врубленными, и, конечно, без всяких вентиляционных приспособлений. В некоторых магазинах за отсутствием закромов хлеб складывался прямо в мешках. Между тем хлеб,сыпаемый в эти амбары, требовал особо тщательного

¹ Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебный. // Свод Законов Российской Империи, Издания 1892 г., под ред. Волкова, Филиппова, Том 13, 1902, СПБ.

² Белокуров Е.В. Сельская хлебозапасная система в Российской империи (1891–1914 гг.)

³ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае... С. 60.

⁴ Обзор Приморской области за 1891 год ... С. 7.

сохранения и проветривания. Он собирался в самое сырое время в году, однако овинной сушки у крестьян нигде не было, и потому хлеб сдавался или сыромолотный, или высушенный на печи¹.

Уже отмечалось, что до начала XX в. корейские крестьяне предпочитали выращивать непривычные для русских зерновые культуры, поэтому администрации Приморской области пришлось разрешить им сдачу в магазины чумизы, которая пользовалась популярностью среди корейцев благодаря высокой урожайности.

Излишки зерновых, полученные благодаря эффективному сельскохозяйственному труду корейцев, теперь могли сбываться в хлебозапасные магазины. Это являлось хорошим показателем устойчивого развития сельского хозяйства среди корейских иммигрантов².

Рассмотрим сведения о запасенном в таких магазинах зерне в последующий период более подробно (табл. 7, 8).

Таблица 7 – Хлебозапасные магазины Южно-Уссурийского округа в 1891 г.³

Число	Виды запасенных зерновых
-------	--------------------------

¹ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае... С. 61–62.

² В материалах того времени можно найти упоминания о том, что высокая сельхозпроизводительность корейцев, заселявших Южно-Уссурийский край, была выгодна России. Приводим в качестве примера цитату из «Записки о корейском вопросе, составленной коллежским асессором К.А. Золотницким по поручению правителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 23 января 1913 г.»: «Между переселенцами Европейской России, которым было представлено право самим выбирать себе место для водворения, редко кто селился в Южно-Уссурийском участке, главным образом, вследствие господствующих там туманов от близости моря, характера местности, соответствующего больше фермерскому ведению хозяйства, чем водворению населения более или менее значительными деревнями. Между тем, проживающие там корейцы, которые вели более интенсивное и усовершенствованное хозяйство, принося нам немалую пользу, как значительным производством для продажи хлебных растений, так и отнесением разного рода земских повинностей, в особенности по проведению и исправлению дорог и по доставлению подвод». Цит. по: РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 811. Л. 10.

³ Обзор Приморской области за 1891 ... С.6.

магазин в							
	пшениц а	ярица	ячмень	гречих а	овес	чумиза	всего
85	9 009 пуд. 23 фунт.	11 879 пуд. 30 фунт.	1 298 пуд. 30 фунт.	106 пуд. 20 фунт.	7 454 пуд. 4 фунт.	14 058 пуд. 31 фунт.	43 892 пуд. 7 фунт.

Земледельческое население Южно-Уссурийского края определялось цифрой 34 541 чел. Таким образом, всего запасов в магазинах имелось по 1 пуд. 11 фунт. на чел.

Вклад корейских переселенцев в устройство хлебозапасных магазинов, особенно в Южно-Уссурийском крае, был значителен. Рассмотрим данные о сделанных корейцами запасах зерна после 1890 г. более подробно.

Согласно отчету начала 90-х годов XIX в.¹ на Посытском участке было 5 магазинов в селениях Янчихэ, Хаджида, Тизинхэ, Рязаново, Адими. В них хранились 2 202 пуд. чумизы, 350 пуд. овса и 50 пуд. бобов. С. Тизинхэ направило в амбар больше зерновых по сравнению с другими – 970 пуд. чумизы, 350 пуд. овса и 50 пуд. бобов². Учитывая, что в то время на Посытском участке существовало 21 корейское селение и число жителей достигло 7 058 чел., такое количество запасенного хлеба не соответствовало установленной норме и не могло бы спасти людей от продовольственного кризиса. Более того, в указанные цифры входили большей частью не реально сданное зерно, а числившееся как долги³.

Таблица 8 - Хлебозапасные магазины Южно-Уссурийского округа

¹ В приложении отчета А. Рагоза не указана дата составления таблицы состояния хлебозапасных магазинов. С учетом того, что в Приморской области магазины появились в 1889 г. и начали собирать запас в 1890–1891 гг., а отчет положения Посытского участка касается 1888–1891 гг., можно предположить связь данных табл. 7 с ситуацией в 1890–1891 г.

² Рагоза А. Посытский участок... Приложение № 14. С. 134.

³ Рагоза А. Посытский участок ... С. 107.

1892–1895 гг.¹

Годы	Количество в магазинах	Количество зерновых				
		Пшеница	Ярица и рожь	Ячмень	Овес	Чумиза
1892	85	9 273 пуд. 8 фунт.	12 035 пуд.	1 309 пуд. д. 30 фунт.	7 645 пуд.	14 211 пуд. . 36ф.
1893	85	10 900 пуд. д. 16 фунт.	17 406 пуд. д. 27 фунт.	2 146 пуд. д. 35 фунт.	10 141 пуд. д. 33 фунт.	16 563 пуд. . 28 фунт.
1894	87	10 592 пуд. д. 16 фунт.	17 424 пуд. д. 29 фунт.	2 147 пуд. д. 15 фунт.	10 141 пуд. д. 23 фунт.	16 563 пуд. . 28 фунт.
1895	87	12 016 пуд. д. 11 фунт.	17959 пуд. д. 4 фунт.	2 344 пуд. д. 5 фунт.	11 113 пуд. д. 14 фунт.	22 986 пуд. . 3 фунт.

При сравнении данных в табл. 8 видно, что в 85 магазинах Южно-Уссурийского округа в 1893 г. наличного хлеба было на 12 684 пуд. 25 фунт. больше, чем в предыдущем, 1892 г. Принимая во внимание численность земледельческого населения в этом округе (русских и корейских крестьян) – 41 207 душ., можно определить, что на 1 января 1894 г. на 1 жителя приходилось по 1 пуд. 8 фунт.²

Положение с запасами зерна постепенно улучшалось. Уже через три года после начала появления в Приморской области хлебозапасных магазинов количество зерна в них достигло необходимого уровня.

Всего по состоянию на 1 января 1895 г. в 87 магазинах Южно-Уссурийского округа хранилось 66 418 пуд. 37 фунт. хлеба (на 9 259 пуд. 18 фунт. больше, чем 1893 г.), что составляло 1,44 пуд. на 1 чел. На долю русского крестьянского населения приходилось 52 750 пуд. 10 фунт. (на 1

¹ Сост. по: Обзор Приморской области за 1892 год ... С. 7.; Обзор Приморской области за 1893 год ... С. 8.; Обзор Приморской области за 1894 год ... С. 10.

² Обзор Приморской области за 1893 год ... С. 8.

душ.), на долю корейцев – 13 668 пуд. 27 фунт. (на 1 душ.)¹ Своим собственным хлебом обеспечивались лишь Южно-Уссурийский и Уссурийский казачий округа. Остальные нуждались в привозе хлеба².

За три года магазинов стало на два больше, количество запасенного зерна (на 1 чел.) увеличилось с 1 пуд. 8 фунт. до 1,44 пуд. Такая тенденция продолжалась, и в 1897 г. количество запасов достигло 2 391 443 пуд.³ Благодаря высокой производительности, в Южно-Уссурийском округе население обходилось только собственным хлебом и имело возможность продавать часть урожая интендантству. Так, в 1896 г. оно купило у русских крестьян и корейцев Суйфунского и Ханкайского участков 111 881 пуд. зерна, 8 000 пуд. муки, 11 000 пуд. крупы⁴.

Таблица 9 – Количество зерна, купленного интендантством по селениям в 1898 г. (пуд.)

Волости	Ярицы и пшеницы	Овса и ячменя	Просо (чумиза)
Суйфунский, Ханкайский и Верхне-Уссурийский участки	22 615	5 640	-
Четыре корейских селения	5 493	6 600	12 091
Итого	28 108	12 240	12 091

Хлебозапасные магазины получили распространение и среди корейских крестьян. На 1 января 1898 г. в корейских волостях Южно-Уссурийского края Корсаковской (Суйфунский участок) и Янчихинской (Посытский участок) их насчитывалось 25⁵. С учетом незначительной численности населения в остальных корейских волостях (504 чел.), составлявшей менее 10% от общего

¹ Обзор Приморской области за 1894 год ... С. 10.

² Обзор Приморской области за 1894 год С. 8–10.

³ Обзор Приморской области за 1897 год ... С. 6.

⁴ Обзор Приморской области за 1897 год ... С. 6.

⁵ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае...С. 60.

числа корейского населения в Южно-Уссурийском крае (7 159 чел.), можно сказать, что почти во всех корейских селениях были хлебозапасные магазины.

Таблица 10 – Хлебозапасные магазины по волостям в Южно-Уссурийском округе в 1898 г.¹

Название волостей	Число магазинов	Запасы зерна на 1 января 1899 г.							
		Ярица и пшеница		Овес и ячмень		Гречиха		Просовые хлеба	
		пуд.	фунт	пуд.	фунт	пуд.	фунт	пуд.	фунт
Переселенческие (русские) деревни									
Суйфунская	12	11 189	-	2 963	-	-	-	-	-
Ивановская	11	7 477	20	3 421	-	-	-	-	-
Черниговская	17	5 250	-	2482	-	-	-	-	-
Григорьевская	6	3 420	-	1 370	-	-	-	-	-
Ханкайская	9	3 013	-	2 706	-	-	-	-	-
Цемухинская	10	4 933	-	1 671	-	-	-	-	-
Сучанская	9	4 624	-	2 000	-	-	-	-	-
Янчихинская	21	34 501		6 819	-	-	-	-	-
Ольгинская	1	187		86	-	-	-	-	-
Корейские деревни									
Посытский участок	2	325	-	243	-	-	-	-	-
Корсаковская	4	10 229	-	-	-	-	-	-	-
Итого	108	85 218	20	23 781	-	-	-	-	-

Всего в 108 магазинах Южно-Уссурийского округа на 1 января 1899 г. находилось 108,979 пуд. зерна, что на 38,588 пуд. больше, чем в предыдущем

¹ Обзор Приморской области за 1898 год ... С. 9.

году. С учетом численности русского и корейского крестьянского населения этот запас составлял около 1 пуда на каждую душу¹.

Таким образом, во всех переселенческих деревнях на 1 января 1898 г. в 60 русских хлебозапасных магазинах имелось 20 077 пуд. ярицы и пшеницы и в 4 857 пуд. овса и ячменя. И в 4 корейских хлебозапасных магазинах хранилось 5 493 пуд. ярицы и пшеницы, 1 907 пуд. овса и ячменя и 12 091 пуд. проса и чумизы².

Однако в 1899 г. в Южно-Уссурийском округе население вполне обошлось собственным хлебом и имело возможность продать часть урожая интенданству и на Павловский винокуренный завод³. По количеству проданного интенданству зерна четыре корейских селения занимают главное место.

С учетом общего числа русского крестьянского населения в переселенческих селениях в Южно-Уссурийском крае в то время – 21 532 лица мужского пола и 19 342 лица женского пола – получается, что на каждого человека приходилось по 27 фунт. продовольственного хлеба или при расчете на одни души мужского пола по 52 фунт., что составляло лишь незначительную часть нормы, установленной для ревизской души ст. 11 «Устава о народном продовольствии»⁴.

С другой стороны, имея в виду, что корейского населения в корейских селениях здесь же в то время насчитывалось 6 655 лиц мужского пола и 6 181 лицо женского пола (т. е. всего 12 836), можно рассчитать, что на 1 чел. приходилось по 4,1 пуд., т. е. по 7,9 пуд. на 1 лицо мужского пола отдавалось в хлебозапасные магазины корейских селений. Очевидно, что это количество

¹ Обзор Приморской области за 1898 год ... С. 9.

² В оригинальной таблице написано «просо (чумиза)». Но учитывая, что во многих работах, посвященных сельскому хозяйству у корейских переселенцев и изданных с конца XIX в. до начала XX в., указывали данные о количестве проса и чумизы отдельно, а синонимом слова «просо» была только «буда», здесь «просо (чумиза)» будем понимать как «просо и чумиза».

³ Обзор Приморской области за 1899 год ... С. 13.

⁴ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае...С. 61.

зерна больше по сравнению с отанным русскими селениями и нормой.

Небольшой запас хлеба объясняется тем, что в течение двух-трех предшествующих лет во многих селениях, значительно пострадавших от разливов, вовсе не было поступлений в магазины, и половина хлеба была роздана в ссуды и числилась в недоимке. Кроме того, крестьяне очень неохотно свозили хлеб даже в урожайные годы, и при отсутствии крестьянских учреждений и большого числа обязанностей, лежавших на местной полиции, дело было лишено необходимого надзора. В проанализированных материалах указывается, что, если бы даже этих условий не было, ссыпка хлеба в крестьянские магазины Южно-Уссурийского края в размере действительной потребности была бы невозможна и явились бы бесполезной тяготой для населения¹.

Разница запасов русских и корейских хлебозапасных магазинов со временем стала очевидной. Данные табл. 10 отражают только количественную разницу в наличии хлеба между селениями. Рассмотрим ситуацию более детально.

1 января 1898 г. в хлебозапасных магазинах Черниговской волости имелось в наличии 3 938 пуд. пшеницы и ярицы, 1 869 пуд. овса и ячменя, а в янчихинских хлебозапасных магазинах – 24 248 пуд. пшеницы и ярицы, 5 106 пуд. овса и ячменя. Количество зерна в пуд., которое должно было храниться в магазинах в соответствии с утвержденной уставом нормой, было таким: в черниговских – 62 118 пуд. пшеницы и ярицы, 20 706 пуд. овса и ячменя, а в янчихинских – 39 006 пуд. пшеницы и ярицы, 13 002 пуд. овса и ячменя². В двух волостях было запасено недостаточное количество зерна, но количество выданного зерна было больше в русских магазинах, чем в корейских. Янчихинские магазины недополучили 14 758 пуд. пшеницы и ярицы, 6 027 пуд. овса и ячменя, а черниговские – 58 180 пуд. пшеницы и ярицы, 18 837

¹ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае... С. 61.

² РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 83. Л. 77 об-78.

пуд. овса и ячменя, т. е. в 3–4 раза больше. Необходимо учитывать при этом, что большинство сел Черниговской волости были старожильческими. В деревнях, где в основном были новоселы, ситуация с хлебозапасными магазинами была еще более печальной. Они в течение многих лет не могли обзавестись общественными амбарами, обращая излишek произведенного хлеба в личную прибыль, что объяснялось необходимостью обустройства, расширения запашек и т. д.¹.

До русско-японской войны 1904–1905 гг. ситуация с хлебозапасными магазинами в селах и деревнях русскоподданных корейцев была довольно хорошей. Основываясь на прямых и косвенных данных, можно сделать вывод о том, что почти во всех этих населенных пунктах в общественных закромах хранилось установленное законом количество зерна. Однако война внесла свои корректизы: во время боевых действий по условиям военного времени почти все общинное зерно было продано корейцами интендантству. Пополнение запасов встретило определенные трудности. Одной из причин этого, помимо периодических неурожаев, являлось то, что почвы на корейских наделах значительно истощились, были испорчены наводнениям, коррозией и т. д.². После войны потребность в магазинах стала сомнительной, и скоро они прекратили существование.

В последующие годы (вплоть до установления советской власти) уровень жизни корейцев постепенно снижался, что подтолкнуло их начать разводить на Дальнем Востоке России другую традиционную азиатскую культуру – рис.

В 1917 г. корейцы впервые завезли в Приморье рис для посадок. Хотя ими в районе Никольска-Уссурийского был получен прекрасный урожай, власти придали этому не особого значения, так как успех культуры в местных условиях казался сомнительным. Это сказывалось на общей площади

¹ Петров А.И. Корейская диаспора в России ... С. 177.

² Петров А.И. Корейская диаспора в России ... С. 178–179.

посевов. В 1919 г. в Приморье засевалось рисом до 230 дес., в 1920 г. – до 250 дес.¹

В публикациях «Крестьянской газеты» 1921 г. указывается, что, по подсчетам, на Посьетском участке общая площадь арендованных под возделывание риса земель, по-видимому, уже превышает 15 000 дес. и самые посевы достигают размера до 5 000 дес., распространяясь буквально по всей площади Приморской области в современных ее границах (районы Сучана, Шкотово, Угольной, Раздольного, Никольска, Гродеково, Посьета, Славянки). Результаты трех лет показывают, что культура риса вполне отвечает местным условиям, и лишь вопрос правильного устройства оросительной сети, а также затруднения, создающиеся на местах из-за землеиспользования, несколько уменьшают успех этого дела².

Там же сообщалось, что «вследствие трудности обработки и ухода за полями среди русского населения рисовые посевы, пока не пользуются большим распространением. Однако наблюдается и у русских известный интерес к этому делу, и делаются попытки освоить культуру риса, создавая русско-корейские предприятия на половинных началах в таких местах, как Назаренко, находящееся около Никольска, и Калуги около Раздольного и др.»³.

Этот результат вынудил подотдел землеустройства (бывшее Переселенческое управление) обратить особое внимание на это дело. Однако в 1918, 1919 и 1920 гг. у корейцев также были получены хорошие урожаи риса. В 1926 г. впервые такой результат был достигнут в Благовещенске. Газета «Известия» того времени писала: «Пионерами в деле посева риса стали корейцы – жители Амурской губернии. Урожай риса дает в среднем 300 пудов с десятины. Доход владельца рисового поля выражается в среднем в

¹ Новости с ДВК // Известия. 1926. 3 декабря. Л.4.

² Корейцы на Российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX - нач. XX. вв.). Документы и материалы. Книга 2. Владивосток, 2004, С. 231.

³ Корейцы на Российском Дальнем Востоке...С.231.

700 руб. с десятины¹. В публикации указывалось, посевы риса в Приморье увеличились с 5 000 дес. в 1922 г. до 12 000 дес. 1926 г.²

И среди корейского населения возделывание риса было популярно: на Посытском участке около 700 дес. было занято им. Наибольшие по площади посевы были по р. Чурухэ, в наделе с. Тихинхэ, Чайгоу, Барановка, Нижняя и Верхняя Адими и Нижняя и Верхняя Сидими, а также на участках Протяжный I и II. В этих местах было засеяно по 50–70 дес., в других местах – значительно меньше, но достигают 15–10 дес., особенно же распространены посевы в 2–3 дес., имеющие характер опытных³.

В большинстве случаев разводили рис арендаторы, а не владельцы земли, причем для этого были использованы как казенно-оборочные статьи, так и надельные земли русских и корейских поселков. Только в единичных случаях рисовым плантаторами являлись непосредственно сами владельцы земли (например, Нижняя Сидими, Сухановка), но и тогда фактически дело находилось в руках наемных рабочих, иностранных подданных, пришлых корейцев. Как русско-поданные корейцы, имевшие наделы земли, так и арендаторы казенно- оборочных статей были вынуждены в первые годы разведения этой новой культуры использовать знание и опыт пришлых рабочих, хорошо знавших это дело на родине. Арендаторы здесь, по-видимому, вследствие недостатка средств, избегали заключения сделок на аренду земель за денежную плату, предпочитая уплачивать оборок натурой после урожая и уборки посевов⁴.

Средняя цена годовой аренды колебалась от 7 до 15 пуд. риса с десятины, что соответствовало 20–40 руб. Большинство предприимчивых арендаторов казенно- оборочных статей, получив землю от казны за ничтожную сравнительно плату, передавали аренду рабочим на

¹ Успехи крестьян на берегах Амура // Известия. 1926. 12 октября. Л. 6

² Новости с ДВК // Известия. 1926. 3 декабря. Л. 4.

³ Новости с ДВК // Известия. 1926. 3 декабря. Л. 4.

⁴ Новости с ДВК // Известия. 1926. 3 декабря. Л. 4.

вышеуказанных, а часто еще более выгодных условиях, причем такие сделки часто маскировались тем, что субарендатор числился по документам доверенным арендатором, который, однако фактически никакого отношения к рисовым посевам не имел и часто проживал совсем в другом месте.

Однако стоит отметить единичные случаи разумных сделок по аренде земель под рис. Например, общество инвалидов, находившееся на участке Протяжном, сдало корейцу Юну участок в 60–70 дес. под рис с условием – за счет аренды устроить проселочную и хуторские дороги¹.

Та же «Крестьянская газета» в 1921 г.: «В последнее время в периодической печати появляется ряд заметок, что в связи с наблюдаемой засухой в текущем году погибли все произведенные в области посевы риса. Более того, в некоторых случаях даже делаются выводы о сомнительности этой новой культуры в местных климатических условиях. Непосредственный осмотр плантаций раса и некоторое знакомство с историей этого вопроса заставляют, однако, внести в эти сообщения существенные поправки.

Прежде всего, производство посевов риса наблюдается уже четвертый год, причем можно указать места, где урожай удавался три года сряду (например, плантации Ана у города Никольска). Целый ряд арендаторов Гродековского района получали хорошие сборы риса в прошлом и в позапрошлом году и даже открыли торговлю семенным рисом местных плантаций. Далее у нас имеется много сообщений, главным образом из Посытского района, об удачном произрастании риса и в нынешнем году (плантации Юна на Протяженном участке, Эма, затем плантации у Тизинхэ, Чапигону, Фаташи, Адими, Сидими и другие). Таким образом, более правильным будет заключение о гибели части произведенных посевов.

Главнейшей причиной такой частичной гибели посевов риса, совершенно независимо от засухи, было крайнее несовершенство оросительных сооружений, главным образом запруд, что подтверждается

¹ Новости с ДВК // Известия. 1926. 3 декабря. Л. 4.

осмотром полей, орошаемых из одной и той же речки, причем устанавливается, что в местах, где запруда кое-как выполняет свое назначение, давая необходимый подпор воды, плантации уцелели. Наоборот, где перемычка вод не сдерживает или канал, построенный без нивелировочных изысканий, воду до полей не доводит, посевы, естественно, погибли (например: по реке Спутнике у арендаторов Арсентена и Ким – Суени посевы сохранились. А у Лименбока из 16 десятин удается сохранить лишь 11 и т.д.)

Даже на источниках, где в данное время на поверхности течения воды не наблюдается, при условии устройства непроницаемых запруд с заложением замков у подошвы, можно было бы и теперь удерживать значительное количество воды, протекающей по галечному или песчаному дну и спасти от гибели посевы.

Таким образом, при надлежащем выборе источника для орошения и изучения его водных ресурсов, правильно устроенными опреснительными сооружениями, безусловно, возможно разведение риса поставить вне зависимости от засушливых лет, которые, кстати говоря, здесь в Приморской области бывают крайне редко, как исключение. Наоборот, нормальным для Приморской области является лето, страдающее избытком влажности»¹.

Постепенно выращиванию риса в Приморье стало уделяться должное внимание, и произошло это прежде всего благодаря трудолюбию корейских переселенцев.

В хозяйственной деятельности корейских семей культивирование риса играло значительную роль. Например, в 1928 г. 41,4% корейских семей, 10 182 хозяйства, занимались его производством².

В 30-е годы XX в. рисоводство распространяется от Дальнего Востока России до Северного Кавказа. По данным статьи в газете «Известия», 10

¹ Корейцы на Российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX - нач. XX вв.)... С. 231.

² Васильченко О.А. Корейская семья на Дальнем Востоке России...С.60-69.

октября 1933 г. в Ростове-на-Дону 107 корейцев-переселенцев из Средней Азии организовали в Славянском районе коммуну по рисосеянию. В распоряжение коммуны было выделено 230 га земли. Партийные и советские организации Славянского района придавали большое значение освоению опыта корейской коммуны в обработке риса. Как показало обследование, в районе Ивановской МТС была организована коммуна и имелись все возможности для постановки высокоинтенсивного рисосеяния¹.

Земля и ее аренда были важным вопросом для корейских переселенцев, так как что они занимались преимущественно сельским хозяйством. В начале XX в. состояние корейской diáспоры было следующим. В 1910—1911 гг. из 54 тыс. учтенных официальной статистикой корейцев торговлей и мелким предпринимательством было охвачено 0,5–0,6 тыс. чел., трудились по найму в разных сферах промышленности 8,5 тыс., остальные 45,0 тыс. занимались сельским хозяйством². Вследствие этого, когда обострилась конкуренция, многие корейцы стремились захватить и сохранить за собой землю, даже дорого платя за аренду или рискуя получить штраф за нелегальное ее использование.

В 20-х гг. XX в. корейских крестьян, которые не имели земли вовсе или арендовали ее на «тайных кабальных началах», насчитывалось 70% от числа всего корейского населения в Приморье.

Их экономическое положение было катастрофическое. Все земли, арендованные корейцами у русских крестьян, казаков, даже своих сродников – русско-подданных корейцев, должны вспахать сами арендаторы. Они покупали за свой счет семена для посева, сельскохозяйственное оборудование, вследствие этого оказались в весьма тяжелом положении. Кроме того, по своей бедности они не смогли приобрести русские паспорта, которые до сих пор стояли около 15 рублей золотом и ввиду просроченности

¹ Рисоводство на берегах Черного моря // Известия. 1933. 10 октября. Л. 3.

² Кузин А.Т. Корейская эмиграция на русском Дальнем Востоке... С. 104.

старого паспорта им грозила высылка в Корею, где их ожидают японские тюрьмы и голод.

Экономическая ситуация безземельных корейцев становилась хуже и хуже. В начале 1920-х гг. они были охвачены голодом. Особенно сложное положение создалось в Посытском районе, где в 1922 и 1923 гг. г. подряд был неурожай. В течение 1922 г. 30 тыс. корейцев, составлявшие 85% населения района, питались исключительно овощами и травами¹. Многие корейские крестьяне переходили на китайскую территорию. По приблизительному подсчету, весной 1923 г. покинуло Приморье 500 хозяйств, в Маньчжурию переселилось до 5 000 чел.²

Арендные отношения в сельском хозяйстве приняли устойчивый характер в начале 90-х гг. XIX в. Существовали две основных формы взаиморасчетов. В одном случае устанавливалась твердая арендная плата и арендатор был заинтересован в получении высокого урожая, в других – действовала испольщина, при которой арендатор получал землю, рабочий скот и сельхозинвентарь для ее обработки, семена для посева и отдавал за это половину урожая³.

По сведениям А. Рагозы, система землевладения для всего Посытского участка одинакова и может быть отнесена к разряду мелкой, так как средняя величина владения для каждого владельца, составляет около 15 дес. на корейскую семью и около 100 дес. на русскую. Причем к числу лиц, владевших землей, должно быть отнесено все население; не землевладельцев, кроме нескольких человек, занимавшихся торговлей, совсем не было⁴.

Общая площадь арендуемых безземельными корейскими крестьянами у русских крестьян, казаков и частных владельцев земель с 1 658 дес. в 1897 г.

¹ РГИА ДВ Ф. Р-2422 Оп. 1. Д. 1488. Л. 16–17.

² РГИА ДВ Ф. Р-2422 Оп. 1. Д. 1488. Л. 19.

³ Кузин А.Т. Корейская эмиграция ... С. 122.

⁴ Рагоза А. Посытский участок...С. 71.

и с 10 055 дес. в 1909 г. возросла до 16 470 дес. в 1917 г.¹ Число арендаторов с 30% от общего количества корейских крестьянских хозяйств в 1910 г. увеличилось до 70% в 1917 г., что свидетельствует об абсолютном обнищании корейского сельского населения². И в то же время площадь арендуемых земель возросла до 16 470 дес.³

По количеству посевных площадей корейские хозяйства Никольского-Уссурийского, Сучанского и Ольгинского уездов Приморской области распределялись следующим образом: безземельные крестьяне составляли 1917 дома (11,6%), имевшие менее 1 дес. – 2776 домов (14%), 1–4 дес. – 11 556 домов (67%), 5–9 десятин – 1 123 дома (7%), 10–14 десятин – 59 домов (0,3%) и 15 и выше десятин – 5 домов (0,1%).⁴

Процесс выделения зажиточной части наблюдался прежде всего в среде корейцев русского подданства. Зажиточные корейские крестьяне вкладывали свои средства и в строительство домов. В 1917 г. число домовладельцев среди корейцев, которые сдавали свои дома в аренду, насчитывалось 511 чел. В числе зажиточной и привилегированной части корейского населения находились и подрядчики, владеющие капиталами, промышленными и торговыми предприятиями. Они поставляли казне и частным лицам материалы, продукты, рабочую силу и пр.

В период Гражданской войны и иностранной интервенции (1917–1922 гг.) усилился приток корейских переселенцев на территорию Дальнего Востока России. По данным переписи сельского и городского населения 1923 г., общая численность корейского населения в крае составила 110 280 чел., а в Приморской губернии – 106 409 чел., из которых 94 082 чел. проживали в деревнях и селах. Из общего числа корейского населения

¹ Сивол хуйкмёнг сивбджунён ква кореё минджок [Десятая годовщина Октябрьской революции и корейская нация]. Хэсам, 1927. С. 17. (на корейском языке)

² Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С. 55.

³ Пак П.Д. Корейцы в Российской империи... С. 138.

⁴ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С. 55.

(106 409 чел.) русско-поданных – 27, 2 тыс. чел., а иностранны-поданных – 67, 8 тыс. чел.¹

Среди корейских корейцев по-прежнему острой оставалась проблема пользования землей.

8 февраля 1922 г. Владивостокскому городскому голове уполномоченный Владивостокского корейского общества Л.П. Цой от лица корейского населения Ново-Корейской Слободки доложил прошение². Основное содержание связано с использованием участков земли в том селении.

«Согласно прежним договорам на сдачу городом в аренду участков земли в Ново-Корейской Слободке возведенные на арендованных участках арендаторами постройки по окончании срока аренды поступают в собственность города. В настоящее время истек срок большинства означенных арендных договоров и 1 апреля с. г. истекает и дополнительный срок, на который были продолжены эти договоры. Ввиду этого город уже сейчас приступил к выяснению количества и характера имеющихся на этих участках построек и к оценке их, предполагая, как мы слышали, в дальнейшем эксплуатировать их непосредственно, сдавая в аренду их не целиком – всем участком вместе с постройками, а отдельными домами.

Осуществление этой меры грозит полным разорением арендаторам этих участков и бывшим владельцам этих построек и идет, несомненно, в разрез с общим принципом, положенным Владивостокской Городской Думой в основание урегулирования отношений с арендаторами его и так называемыми засельщиками.

Городской Думой решено предоставить всем арендаторам и засельщикам право выкупа в собственность арендуемых участков.

¹ Из них 11, 5 тыс. чел. без указания пола, возраста и подданства. Мужчин – 28, 2 тыс. чел., женщин – 24,5 тыс., детей до 12 лет – 29,8 тыс. и подростков от 12 до 17 лет – 12,3 тыс. чел. Цит. по: РГИА ДВ Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1501. Л. 14 об.

² АЦикДГУ РД Ф. 28. Оп. 1. Д. 1094. Л. 1–1 об.

Члены нашего общества, арендаторы земель в Ново-Корейской Слободке, являются такими же гражданами города Владивостока, как и остальные засельщики и арендаторы, живущие только в городе уже много больше лет, чем другие, и это право выкупа должно быть, безусловно, в целях самой элементарной справедливости распространено и на них.

Вся разница между нами и большинством так называемых засельщиков заключается в том, что последние, не вступавшие до сего времени ни в какие соглашения с городом, сохраняют право собственности на возведенные ими постройки, мы же, всегда исполнявшие свои обязательства перед городом, таковое должны утратить.

Далекие от мысли и на этот раз отказаться от выполнения своих обязательства перед городом жители уполномочили меня просить Земельный отдел Владивостокской городской Управы:

1. сдать участки в Ново-Корейской Слободке в аренду теперешним их арендаторам сроком на 10 лет с правом выкупа их в собственность;

2. предоставить им и право выкупа возведенных ими на этих участках до сего времени построек по приемлемой умеренной оценке, рассрочив причитающуюся за них сумму на ежегодные уплаты в течение тех же 10 лет;

3. в случае невозможности применить эти положения ко всем арендаторам-корейцам, предоставить эти права корейцам-арендаторам – русским-подданным;

4. в этом случае корейцам-арендаторам – нерусско-подданным предоставить арендуемые ими участки в аренду вместе с постройками еще на 10 лет, предоставив им в случае вступления в русское подданство право выкупа таковых на общем основании»¹.

А через две недели (22 числа того же месяца) Гласный Д.Т. Колбин в заседании городской земельной комиссии озвучил следующее мнение на представленное заявление.

¹АЦикДГУ РД Ф. 28. Оп. 1. Д. 1094. Л. 1–1 об.

«1. Ввиду того, что участки в Ново-Корейской Слободке сдавались на особых условиях во временное арендное пользование, сдачу там участков с правом выкупа в собственность не допускать.

2. Иностранным подданным участки с правом выкупа в собственность вообще сдаваться не могут.

3. Всем корейцам, проживающим на арендуемых ими участках в Ново-Корейской Слободке, сдать участки и строения, каковые согласно договоров перешли в собственность города, в аренду сроком на 6 лет за плату по установленной расценке за землю и по 81 к. золотом за 1 куб. саж. жилого помещения, причем, плата за нежилые строения устанавливается по особому соглашению. В договорах необходимо обусловливать, что ремонт строений, накладные расходы по домовладению, а также страхование построек на имя города и др. расходы производились бы за счет арендатора.

4. Просить городскую управу начать работу по подысканию особого квартала или района под туземный поселок»¹.

К началу XX в. почти две трети всего корейского населения не имело российского гражданства. Они, как иностранно-подданные, не наделялись землей и арендовали ее у русских и русско-поданных корейцев. По сути, они были совершенно бесправны.

Нерусско-подданные корейцы не были объединены ни в экономическую, ни в административную единицу. Только в Сучанском и Раздольнинском районе были организованы группы содействия советской власти, куда вошла часть корейского населения, не обладавшая правами российского гражданства. Советское корейское население, жившее на надельных землях в Посытском районе, было объединено в сельсоветы и волисполкомы. Параллельно с ними организованы и комитеты комсомола².

Ситуация с арендой земли корейским населением, не имеющим прав

¹ АЦиДГУ РД Ф. 28. Оп. 1. Д. 1094. Л. 2–2 об.

² Нам Мачхун // Наш путь. Ежемесячный журнал Дальнего Востока ЦК РКП. 1923. №11. С. 13.

российского гражданства, оставалась сложной. 20 Марта 1923 г. некоторое успокоение было внесено среди населения: Дальневосточный земельный отдел представил решение, согласно которому допускалась сдача земель нерусским гражданам в арендное пользование¹. Но провести в жизнь его полностью в этом году не удалось.

В 1923 г. наделение землей на началах аренды в Приморской губернии выражается в следующих цифрах.

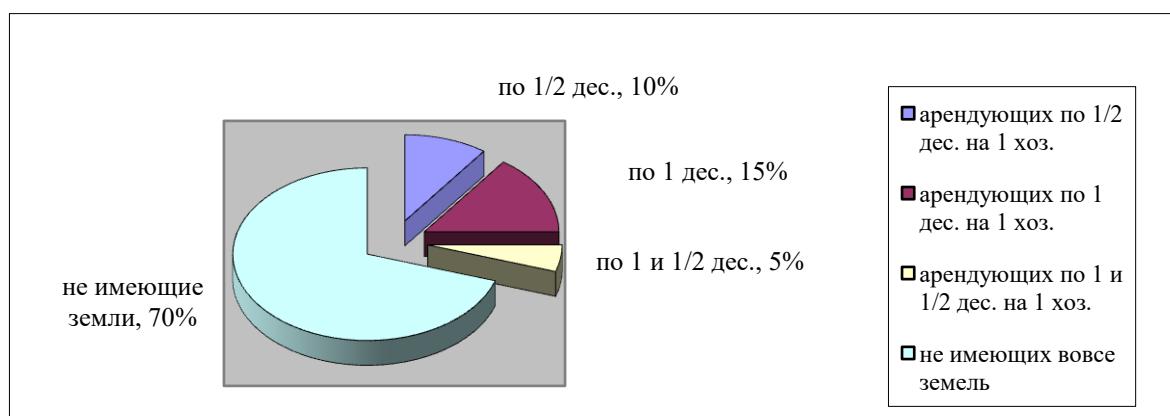

Рисунок 1 – Количество корейцев, имеющих и арендующих земли в 1923 г.²

По данным табл. (рис. 1), число всех корейских в 1923 г. достигло 14 431 (81 825 чел.), которые разделяются на две группы: имеющие российское гражданство – 4 919 хоз. (32 841 чел.) и не имеющие его – 9503 хоз. с 48984 чел. Но с учетом эмигрантов это количество увеличится.

Такое положение и создало острую земельную проблему у корейского населения.

При советской власти число корейских хозяйств, наделенных землей, с каждым годом росло. Располагая примерно 20% посевной площади

¹ Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (по данным совещания секретарей Обкомов и председателей Губисполкомов 3-го августа 1923 г.). Чита, 1923. С. 66.

² Сост. по: Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию ... С. 66.

Приморской губернии, они производили 28,6% всей губернской продукции полеводства¹.

В 1925 г. в Приморской губернии арендовавших землю корейцев насчитывалось 11,8 тыс., а средний надел на 1 хоз. составлял 1,43 дес.² Арендная плата ложилась тяжелым бременем на корейцев. Согласно сведениям по восьми сельсоветам Владимира-Александровской волости Владивостокского уезда, в полевом сезоне 1925 г. корейцами было арендовано 1620 дес. за 50 915 пуд. бобов. Если учесть, что пуд бобов на рынке оценивался в 1 руб. 50 коп., то средняя арендная плата составляла более 47 руб. за 1 дес. В Никольск-Уссурийском уезде за арендное пользование 1 дес. земли плата составляла 14–20 пуд. пшеницы или риса³, а в Сучанском районе, где 95% корейских крестьян арендовали землю, арендная плата доходила до 50 руб. за 1 дес.⁴

Рассмотрим эту ситуацию на примере жизни корейского села Благословенное на Амуре в 1924 г.⁵

Благословенное считалось «самым кулацким и сплошь кулацким селом в этом районе». Его посевые площади в 1924 г. составляли 701 3/8 дес. В 1925 г. они увеличились до 803 1/4 дес., что дает увеличение посевной площади против прошедшего года на 14,4%. Эти цифры взяты из списков обложения по сельскохозяйственному налогу, так что преувеличения посевов, по всей вероятности, нет⁶.

По свидетельству местного населения, вся сельскохозяйственная продукция, за исключением риса и бобов, уходит на нужды самих сельчан и никуда не сбывается, не вывозится. В 1924 г., перед посевом, часть населения

¹ Кузин А.П. Корейская эмиграция ... С. 118.

² Кузин А.П. Корейская эмиграция ... С. 118.

³ АЦикДГУ ГП Ф. П-61. Оп. 1. Д. 556. Л. 24.

⁴ АЦикДГУ ГП Ф. П-61. Оп. 1. Д. 556. Л. 23 об.

⁵ Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск: Издательство Дальневосточного Экономического совещания. 1925. № 11. С.143–144.

⁶ Экономическая жизнь Дальнего Востока... С. 143–144.

села не имела семян и хлеба для пропитания. Вследствие этого, было закуплено 700 пудов чумизы на китайской стороне по лицензии. Надо полагать, больше этого было ввезено без лицензии. Кроме того, местный кооператив «Дело» весьма бойко торгует пшеничной мукой несмотря на то, что эта мука стоит очень дорого. Цена на этот продукт (к моменту обследования) была 4 руб. 64 коп. за пуд. Это говорит о том, что хозяйство села является, безусловно, потребительским с внутриселенным перераспределением. Товарной частью из посевных культур является только продукция мака¹.

По данным 30-х гг. XIX в., корейское население более или менее плотными массами расселено по Владивостокскому уезду (56% от общего количества населения), а затем по Никольск-Уссурийскому уезду – 36,7%. Спасский и Хабаровский уезды сравнительно мало заселены корейцами: в Спасском уезде – 4,2% и в Хабаровском – 2,2%².

При обзоре экономического положения корейского населения, прежде всего, необходимо отметить, что основным занятием корейцев (85,5%) являлось сельское хозяйство – почти исключительно земледелие с обработкой земли кропотливым грядковым способом, со слабым применением или почти без применения сельскохозяйственных машин и орудий. Только небольшая часть корейского крестьянства занята в промыслах: рыбном, лесном, мелкокаботажном и обрабатывающе-промышленном³.

Общее количество крестьянских корейских хозяйств, по данным Уполномоченного по корейским делам Губернского земельного управления, на 1 октября 1925 г. равно 21 199 (по данным переписи 1923 г. – 17 192). Причем надельных дворов – 6 071 и безземельных – 15 128. В том числе

¹ Экономическая жизнь Дальнего Востока...С. 143–144.

² Киммангем И. Советское строительство среди корейского населения...С.200; Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918-1937 гг., Отв. ред. Ю.В. Ванин, М.: ИВ РАН, 2004. С.44.

³ Корейцы в СССР... С.200.

корейцев – граждан РСФСР – 11 624 двора и не оформивших гражданства – 9575 дворов¹.

Кроме указанного количества корейских дворов, в районе города Владивостока насчитывалось 563, члены которых имели гражданство РСФСР.

Из общего количества корейских крестьянских хозяйств (21 199) еще не имели трудового надела 15 128, большая часть которых (около 11 000 дворов) проживало на крестьянских надельных землях, платя высокую аренду.

До 1922 г. из общей массы корейского земледельческого населения пользовалось надельной землей только 2 860 дворов, получивших ее в 1894 г.

С момента восстановления советской власти в Приморье главное внимание в работе среди национальных меньшинств было обращено, прежде всего, на землеустройство корейского населения в пределах, позволяемых состоянием местного бюджета.

В результате землестроительной работы 1923 и 1924 гг. устроено 2 808 дворов безземельных и 1 616 дворов малоземельных. По плану Губернского земельного управления в полевой период 1925 г. началось землеустройство еще около 3 000 корейских дворов. Какое значение имеет землеустройство для экономики корейской группы крестьянства, видно из следующих данных. По данным сельскохозяйственной переписи 1923 г., в Приморской губернии арендуют землю 11 851 корейских хозяйств площадью 16 644 дес. В среднем на 1 хозяйство падает 1,4 дес.²

Если принять среднюю существующую арендную плату за десятину у частников 20 руб. и 8 руб. у государственных учреждений, то годовая арендная плата определяется в 200 000 руб. за частновладельческие земли и 32 000 руб. за земли государственного фонда что в итоге составляет 232 000 руб. Если сумма сельскохозяйственного налога, уплаченная

¹ Корейцы в СССР... С.200.

² Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды центрального статистического управления. Т. 5. Вып. 2. Отдел сельскохозяйственных переписей. М.: Издание ЦСУ СССР, 1923. С.163.

корейским населением в 1924 г., составляла 108 669 руб., то арендная плата безземельных корейских крестьян превышала общую для всех корейцев сумму сельскохозяйственного налога вдвое. Такое ненормальное положение предлагалось изменить только ускорением корейского землеустройства.

Поэтому, ввиду особо ударного характера этого вопроса, было организовано несколько комиссий. Последняя комиссия, созданная во Владивостоке по инициативе областного центра, работала с участием представителей областных органов. Выработанный этой комиссией проект, почти исчерпывающий землеустройство корейского населения, рассчитанный на трехгодичный срок и предусматривающий расход в сумме 306 000 руб. был принят и утвержден Дальневосточным революционным комитетом¹.

По мере прибытия в край русских переселенцев возникала конкуренция между русскими и инородцами, а также китайцами и корейцами в деле аренды земли у старожилов. Это явление наблюдалось уже в самом начале XX в. во многих волостях Южно-Уссурийского края.

В этой связи 7 августа 1903 г. крестьянский начальник Черниговского участка князь Л.А. Крапоткин на четвертом Хабаровском съезде отмечал: «Отдача земли в аренду китайцам в Черниговском участке почти не практикуется ввиду того, что земли постоянно требуют в аренду новые переселенцы, которые по прибытии в край в большинстве случаев стараются немедленно взять сколько-нибудь распаханной земли в аренду; берут уже засеянную; условия аренды самые разнообразные, за наличные деньги наем совершается сравнительно легко, но обыкновенные условия найма связывают нанимателя с уборкой всего хлеба у хозяина, а такое положение обоюдно выгодно как для переселенцев, имеющих возможность обеспечиться хлебом по крайней мере на зиму, так равно и хозяину, обеспечивающему себе уборку всего хлеба, что при недостатке рабочих рук очень важно. Отдача земли

¹ Проект землеустройства корейских поселений в Приморском крае // Советское Приморье. 1926. № 1-1. С.200–201.

китайцам и корейцам в общем не превышает 200 десятин во всем участке и падает преимущественно на Черниговку и Спасское, где большая потребность в огородных овощах, которыми крестьяне торгуют в крайне ограниченном количестве, потребляя почти все продукты лично сами. Условия отдачи земли в аренду китайцам и корейцам совершаются на таких условиях; за наличные деньги 15 руб. за десятину или, если поле занято хлебом и для его обработки дается скот, орудия и семена, то половина урожая»¹.

Более того, антагонизм между корейским и русским населением на почве землепользовании усиливался. Обществами выносились приговоры о выселении корейцев, сносились их жилища и проч. под благовидным предлогом обвинения их в японофильстве (с. Кондратенково Суйфунской волости, Сучанский район)².

Согласно сборнику материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока 1923 г., положение корейцев – российских граждан, живших на надельных землях, было сносное. Главная масса их была сконцентрирована в трех районах – Адиминском, Янчихинском и Суйфунском (Корасаковка, Пуциловка, Кроуновка, Синельниково) и была объединена в сельские советы и волостные исполнительные комитеты. Параллельно с ними был организована комсомольская ячейка. В наиболее крупных населенных пунктах существовали школы (до 50-ти чел.), частично содержавшиеся из казны³.

Резко противоположное положение было у корейцев – нероссийских граждан. Из общего количества в 9 503 двора только 2 494 густо расположены

¹ Переселенцы. Доклад кн. Крапоткина. Ответы по программе вопросов IV Хабаровского съезда // Труды IV Хабаровского съезда, созданного Приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем в 1903 г. Под ред. Н. В. Слюнина. Хабаровск, 1903. Приложения. С. 50.

² Нам Мачхун. Корейский вопрос как часть национальной проблемы... С. 17.

³ Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (по данным совещания секретарей Обкомов и председателей Губисполкомов 3-го августа 1923 г.). Чита, 1923. С. 64.

по Сучанскому району; остальные разбросаны по 10–20 дворов, ются на крестьянских землях почти каждого русского селения. Экономическое положение этой группы корейского населения катастрофично¹.

Школы существуют только в крупных поселениях и содержатся на подачки от деревенских кулаков. Все они – национальные, частные, пропитанные консервативными идеями. Никаких учебников и учебных пособий. Преподавательский состав – всех оттенков и направлений вплоть до японофильской. Заметен некоторый антагонизм между корейским и русским населением на почве землепользования².

Положение этого вопроса у нероссийских граждан корейцев еще хуже. Эта категория земледельческого корейского населения обрабатывала землю на началах аренды у крестьян. В нынешнем году (1923 г.), с введением земельного кодекса, они стеснены стихийным стремлением русского крестьянства к самозапашке, вызванным желанием наибольшего захвата земель³.

Революционные события, Гражданская война и интервенция завершились на Дальнем Востоке только в конце 1922 г. Они нанесли значительный урон экономическому положению корейским иммигрантам.

В первые годы советизации удалось укрепить корейские хозяйства. Но по-прежнему самым сложным оставался земельный вопрос. При его проработке возникло такой вариант решения данной проблемы:

- а) Всех наделенных землей корейцев оставить на месте, никуда не переселяя.
- б) Всех остальных корейцев наделить землей в Хабаровском и Амурском округах, не останавливаясь даже принудительным переселением.
- в) Дальнейшее переселение из Кореи регулировать, не допуская стихийности, а разрешая его только в зависимости от подготовки земельных

¹ Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию...С. 64.

² Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию ... С. 65.

³ Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию...С. 65

участков в северной части края¹.

Президиум ВЦИК 6 декабря 1926 г. наметил особый порядок корейского землеустройства².

«Первое. Прекратить дальнейшее землеустройство иммигрантов-корейцев в районы Уссурийского края до города Хабаровска (от границ с Кореей до 48 1/2 параллели).

Второе всех проживающих в этих районах корейских иммигрантов и не получивших в трудовое пользование землю переселить севернее 48 1/2 параллели Хабаровского округа и в Благовещенский округ.

Третье. Установить трехлетний срок для ликвидации корейскими иммигрантами своих хозяйств на временно занимаемых ими землях.

Четвертое. Ускорить заселение переселенцами из малоземельных районов РСФСР, освобождаемых корейскими иммигрантами земель.

Постановлением СНК РСФСР от 28 января 1927 г. была утверждена инструкция об условиях и порядке предоставления земель для нужд сельскохозяйственной иммиграции»³.

Согласно этому Дальнрайземуправление предписало своим органам на местах:

– Ввиду отсутствия свободных земельных участков сельскохозяйственного назначения во Владивостокском округе и южной части Хабаровского округа, за исключением уже предназначенных к заселению колонизационных фондов, дальнейшее землеустройство иммигрантов в этих районах прекратить.

– Учитывая наличие в крае значительного количества безземельных самовольных корейских вселенцев, землеустроить их на участках свободного колонизационного фонда Хабаровского и Амурского округов.

– Всем корейцам, вселившимся в пределы края до 16 ноября 1922 г. и

¹ Аносов С.Л. Корейцы в Уссурийском крае. С. 62–63.

² АЦикДГУ ГХ Ф. Р-137. Оп. 10. Д. 100. Л. 43.

³ Цит. По: Кузин. А.А. Корейская эмиграция... С.136.

доказавшим оседлый характер своего проживания вне зависимости от гражданства, но при обязательном наличии у них политических прав, предоставлять землю в трудовое пользование по возможности на месте проживания и в потребностях, вполне обеспечивающих нужды хозяйства. Тех, кто прибыл после вышеуказанного времени и не оформил советского гражданства, наделять землей в местах расселения на условиях бесплатной аренды, на договорных началах с последующим переводом на трудовое землепользование или на платную аренду, в зависимости от проявленного желания к оседлости и формы хозяйствования.

– Лицам, бежавшим на русскую территорию из-за преследований за политическую деятельность или религиозные убеждения, предоставлять трудовые земельные наделы сразу, независимо от времени вселения¹.

В феврале 1927 г. президиум Дальнрайисполкома признал необходимым переселить безземельных корейцев в течение трех лет². В качестве желательных для переселения определялись Кур-Даргинский и Биджано-Бирский районы Хабаровского и Урмийский район Амурского округов³.

Более того, безземельному крестьянству представлялась возможность добровольно вступать в старожильские колхозы с правом на земельные наделы. Но оно вновь в принудительном порядке выселялось в хабаровские колонизационные районы.

В 1923 г. в Дальневосточной области проживало 110 480 корейцев⁴, но значительная часть из них не имела советского гражданства. Только небольшое количество корейцев – не граждан СССР – имело возможность получить землю. На 1 хозяйство в среднем приходилось 3,5 дес. земли⁵. Остальная большая часть корейцев (без гражданства), арендовала землю у

¹ Кузин А.А. Корейская эмиграция... С.137.

² Кузин А.А. Корейская эмиграция... С.137.

³ Кузин А.А. Корейская эмиграция... С.137.

⁴ Ткачева Г.А. Иммигранты на Дальнем Востоке в 20-30е годы XX века // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1997. № 5. С. 102.

⁵ Васильченко О.А. Корейцы на Советском Дальнем Востоке (1923–1937 гг.)... С. 5.

казаков, крестьян, а также у государства. Средняя величина арендуемого земельного надела этой группы корейского населения составляла 1,2 дес. на 1 хозяйство. Такая ситуация сдерживала развитие сельскохозяйственного производства.

Величина арендной платы за использование земельных угодий колебалась в зависимости от районов Дальнего Востока. Тем более, Размеры земельных угодий не обеспечивали прожиточного минимума корейским семьями. Случавшиеся неурожаи обрекали их на голод. Безземелье подталкивало корейцев к активным действиям с целью получить дополнительные земельные наделы и снизить арендную плату, что противоречило интересам местных крестьян, опасавшихся лишиться земельных излишков.

23 января 1923 г. Земельные кодекс РСФСР входил в действие. Советская власть ожидала улучшение земельной ситуации среди безземельных корейцев¹. Но был получен противоречий результат. Введение кодекса породило антагонизм между зажиточными русскими и корейскими населением².

В 1924 г. получили земельные участки почти 3 тыс. корейских хозяйств. К концу 1928 г. их число достигло 10 658. При этом среди корейского населения еще насчитывалось около 132 тыс. безземельных хозяйств.

Наделение корейского населения земельными участками происходило путем перераспределения имевшихся кулацких земельных угодий и переселения части корейских семей на целинные земли в другие районы Дальнего Востока. По этому поводу в 1925 г. на пленуме Дальбюро ВКП (б) было принято решение: «Считать своевременным и вполне целесообразным начать расселение крестьяне-корейцев из Посытского района и южной части Никольск-Уссурийского уезда вглубь Приморской губернии, а главным

¹ АЦиДГУ ГП Ф. 25. Оп. 5. Д. 10. Л. 58.

² Собрание кодексов и уставов РСФСР с дополнениями и постановлениями Дальревкома. Чита: Издание Дальневосточного Революционного комитета, 1923. С. 58.

образом в Амурскую губернию»¹.

Переселения корейских семей вглубь Дальневосточного региона преследовали еще одну цель: рассредоточить многочисленное корейское население, скопившееся в приграничных районах. Например, в 1928 г. в Посытском районе оно составляло 89,2% от числа всех жителей.

Переселенческие мероприятия проводились также внутри Хабаровского округа. Для безземельных корейцев советского гражданства, а также для прибывших до 15 ноября 1922 г. и для всех политических иммигрантов, проживающих в Калининском районе, предназначались следующие участки: Серебряный, Цилимбаевский, Рисовый, Коордоновский, а для проживающих в Ленинском районе – Самурский участок и Корневский по берегу р. Уссури, близ п. Козловского. На все эти участки зачислялось 2 318 чел. Корейские крестьяне иностранного подданства Ленинского, южных частей Некрасовского, Семеновского и Советского районов, прибывшие после 16 ноября 1922 г. и не оформившие права на трудовое пользование землей, подлежали выселению к Кур-Даргинский и Синдинский подрайоны Хабаровского округа². Таким образом начиналась коллективизация корейских крестьян.

В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 11 апреля 1925 г. обязательным условием предоставление иммигрантам земли являлась организация их в колективные сельскохозяйственные группы-коммуны, артели или кооперативные переселенческие товарищества (по существовавшим в РСФСР уставам)³. Имевшие гражданство СССР колективизировалось на общих основаниях путем создания как исключительно национальных, так и смешанных русско-корейских колхозов. Не имевшие гражданство СССР объединялись в поселковые товарищества и

¹ Васильченко О. А. Корейцы на советском Дальнем Востоке... С.5.

² Кузин А.А. Корейская эмиграция... С.119.

³ Устав сельскохозяйственной группы-коммуны // Известия ЦИК СССР И ВЦИК. 1925. № 105. Л.4.

сельхозартели с таким расчетом, чтобы в случае необходимости переселять их целыми селениями и артелями. Прием корейцев, подлежавших переселению, в смешанные корейско-русские хозяйства производить запрещалось¹.

Общее представление об итогах коллективизации дано в таблице 11.

Таблица 11 – Коллективизация корейских крестьян в 1925–1929 гг.²

Трудовые объединения	По Владивостокскому округу (на 1 января обозначенного года)				По ДВК (на 1 апр. обозначенного года)
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	
Сельхозкоммуны	1	2	3	2	4
Сельхозартели	8	11	16	15	81
Товарищества по совместной обработке земли	-	-	10	-	2
Мелиоративные товарищества	4	11	17	15	21
Шелководческие товарищества	5	8	8	9	9
Итого	18	32	44	41	117
В % к 1925 г.	100	177,8	244,4	227,8	

По данным таблицы видно, что скорость коллективизации корейцев была удовлетворительной. Более того, в 1924 г. в с. Удгоу была создана сельхозартель «Коммунистическая жизнь», которая достигла больших успехов. Через три года после образования она была полностью обеспечена землей. На 314 едоков (60 бедняцких семей) имелось 175 га пашни, 16 лошадей и один трактор. Но она распалась через 6 лет³.

Процент коллективизации корейских хозяйств в Дальнем Востоке России постоянно увеличивался. Например, в 1928 г. было

¹ Кузин А.А. Корейская эмиграция... С.152.

² Кузин А.А. Корейская эмиграция... С.153.

³ Кузин А.А. Корейская иммиграция... С.153.

коллективизировано 6% корейских крестьян, в 1929 г. – 7%, а через год, в 1930 г. – 24%. В составе национальных колхозов 4% являлись батраками, 67,8% бедняками, 26,7 середняками.

К весне 1933 г. «высоко коллективизированными» районами были Посытский, Никольск-Уссурийский и Хасанский¹. В 1934 г. по Дальнему Востоку в целом насчитывалось 203 корейских хозяйства², из них более 80% были коллективными³.

Исторические документы позволяют посмотреть динамику роста кооперирования в хозяйственной деятельности корейцев. В 1931 г. 149 корейских колхозов объединяли 7 442 хозяйства. Кроме того, органы советской власти активно старались преодолеть техническую отсталость корейских крестьян. До тех пор их основными орудиями полевого труда оставались серпы, мотыги, кирки и т. д., почти не использовались механические двигатели, не хватило плугов и молотилок. Из 15 259 корейских сельских хозяйств пахотных орудий не имели 11 280 хозяйств, значит, 73,9% от общего числа⁴.

Органы власти предоставляли корейскому населению кредиты для закупки сельскохозяйственного инвентаря и механизмов. Например, в 1925 г. Дальревком принял решение, согласно которому финансовые органы открыли кредит для этих целей корейцам Приморской губернии. По мнению властей, действенным способом подъема хозяйственной деятельности корейских семей могло стать их объединение в сельскохозяйственные артели и кооперативы. В 1923 г. среди корейского населения уже насчитывалось 9 кооперативных объединений, а через год в Приморской губернии их было 23.

Для роста привлекательности кооперативов местные органы власти оказывали им материальную и финансовую поддержку, например их в

¹ Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России... С. 38.

² Кузин А.А. Корейская иммиграция... С.154.

³ Кузин А.А. Корейская иммиграция... С.154

⁴ Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х г.)... С. 171.

первую очередь снабжали инвентарем и сельскохозяйственными машинами. Так, в Суйфунском и Посытском районах в 1925 г. на колективные хозяйства корейского населения приходилось 70% реализуемой сельскохозяйственной техники. Таким образом, характеризуя экономическую политику советских органов власти в отношении корейских семей, следует выделить ее основную направленность – привлечение корейской бедноты на сторону Советов путем наделения землей безземельных и малоземельных крестьянских семей, организации среди них колхозов, преодоления технической отсталости корейских хозяйств.

Наряду с сельскохозяйственными объединениями получили развитие колективные хозяйства корейских рыбаков. Корейское население активно участвовало в рыболовецкие артели по причине высокой доходности.

Например, в Посытском районе стоимость полученной в 1928–1929 гг. рыбной продукции составляла 3 млн руб., тогда как в сельском хозяйстве – почти в 3 раза меньше. Общий капитал действовавших здесь 23 рыболовецких артелей, объединивших 509 чел. и более 2 тыс. членов их семей, превышал 120 тыс. руб.¹

Широкую перспективу развития имел промысел краба, трепанга, устриц, морской капусты. В 1926 г. во Владивостокском округе присутствовало 5 рыболовных артелей, а к 1 января 1928 г. их число достигло 57². Среди них были известными рыболовецкими колхозами «Посыт-1», «Достижение» в Посытском районе, «Сучан» и «Десятое января» в Сучанском районе, «Гигант» в Ольгинском районе. В начале 1930-х гг. 2 тыс. корейских хозяйств с численностью 5 тыс. чел. были объединены в рыболовецкие колхозы, среди которых наиболее результативно трудились «Аскольд», «Новая искра», «Сучанский партизан», «Ленинский маяк»³.

Таким образом, можно отметить, что миграция корейцев на российский

¹ Кузин А.А.Корейская эмиграция ... С.157.

² Кузин А.А.Корейская эмиграция ... С.157.

³ АЦикДГУ. Папка «ГХ» с архивным индексом Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 159. Л. 65.

Дальний Восток носила экономический характер и была вызвана необходимостью получения земель для обработки. Основную массу корейских колонистов составляли крестьяне. В 1919–1925 гг. экономические мотивы переселения корейцев были дополнены политическими, связанными с японской аннексией Кореи. Значительный наплыв мигрантов требовал от властей создания нормативно-правовой базы, регламентирующей натурализацию мигрантов и наделение их землей. Нерешенность «земельного вопроса» в среде корейских колонистов могла привести к дестабилизации дальневосточного общества, но спектр средств для его решения у местных властей был крайне скучен. Социально-экономический эксперимент по созданию коллективных хозяйств, начатый советской властью в середине 1920-х гг., нашел отклик в среде корейцев. Последние получили легальную возможность обрести землю и расширить сферу занятости представителей корейской диаспоры, а власти – отрапортовать об успехах в процессе коллективизации.

1.3. Вклад корейцев в развитие промышленности Дальнего Востока

Корейцы внесли определенный вклад в развитие дальневосточной промышленности. Особенно заметным был вклад в развитие золотопромышленности.

Золото встречалось во всех четырех областях Дальневосточного края, но добыча его производилась только в Амурской и Приморской областях¹. В Амурской области золотое дело началось в конце 1860-х гг. и за 40 лет приобрело значительные размеры. Прииски были расположены по главным левым притокам р. Амура, Зеи и Буреи, впадающим в них рекам и речкам, а также по мелким притокам Амура². В Приморской области золото было найдено в Удском уезде и части Южно-Уссурийского уезда.

На золотых приисках корейцы трудились преимущественно на

¹ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг... С. 127.

² Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг... С. 128.

сезонных работах. Их появление относится к концу XIX в., когда незначительное число корейцев, от 6 до 15 чел., были наняты в качестве прислуги для служащих. Затем их число неуклонно увеличивалось. В 1891 г. общая численность корейских рабочих на приисках составляла уже 4 247 чел., в 1895 г. достигла 12 982¹.

Причинами резкого увеличения числа корейских рабочих на приисках были сравнительно высокая зарплата для корейских рабочих и их трудолюбие. С точки зрения владельцев приисков, корейцы были эффективной рабочей силой. Они получили гораздо меньше по сравнению с русскими рабочими. Поэтому, корейские рабочие трудились на наиболее бедных приисках в Хинганской, Джалинской, Уньинской, Бомской и отчасти Зейской долинах, на которые русские рабочие шли неохотно².

Среди русских существовало мнение, что экономическая эффективность использования иностранных рабочих состоит не столько в низкой стоимости их услуг, сколько в наличии у них хороших качеств – терпения, трудолюбия, неприхотливости, трезвости³.

Корейцы работали в качестве золотников, заработка которых зависит от добываемого ими золота. После прибытия на прииски они строили скромные жилища и начинали разведку золота на назначенному им участке. Они выбивали в породе шурф и, если в нем золота не оказывалось или его содержание было крайне мало, то переходили в другое место. Шурфы закладывались вновь и так до тех пор, пока не удавалось найти хорошее золото. За всю эту разведочную работу корейские золотники ничего не получали. Если они не находили золота совсем, их труд пропадал даром, и они уходили с пустыми руками. Оплата производилась непосредственно за

¹ Ли Санггун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России] Сеул: Тамгуданг. 1996. С.177. (на корейском языке)

² Добыча золота //Приамурские Ведомости. Хабаровск. 1898. 15 мая. Л.6.

³ Отчёт по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. Т. II. Амурская область. Ч.I. – Санкт Петербург: Типо-Литография «Якорь», 1905, С. 361.

добытое золото при сдаче его в приисковую контору. Начисление денег производилось по установленной таксе за один сданный золотник¹.

На приисках корейцы работали не только на добыче золота. Очень часто они были заняты и на других работах, без которых прииски не могли обойтись. Например, они охотно нанимались на так называемую «выделку кирпичей», которая чаще всего сдавалась «с отряда рабочим» по 10 руб. с 1 тыс. штук сырца и по 16 руб. с 1 тыс. штук обожжённого кирпича. С 1896–1897 гг. на Воздвиженском прииске, зарегистрированном под номером 261/396, 10 корейцев были заняты производством кирпича и ремонтом дороги. Площадь прииска составляла 185,95 дес.² В.Д. Рязанов отмечал, что «по этим ценам выделка кирпича сдавалась часто и нехозяйским рабочим, например, корейцам на Дождоивом прииске группы Олонгро-Бургали и на Воздвиженском прииске группы Уианджа-Улягир Зейской Компании»³.

Вышеупомянутое значительное повышение численности корейских рабочих на приисках привело к обострению конкуренции между рабочими и напряжению среди владельцев приисков. Рост численности китайских и корейских рабочих беспокоил администрацию Приамурского края. Она предлагала обсуждать вопрос о рабочих инородцах – сдерживать их наплыв на прииски.

Впервые вопрос о рабочих китайцах и корейцах начал обсуждаться в 1893 г., вскоре по прибытию на Амур вновь назначенного генерал-губернатора Сергея Михайловича Духовского, инициатором выступил С.К. Оранский. В мае 1893 г., при объезде округа, он обнаружил, что половину рабочих на Джилиндинских промыслах составляют китайцы и корейцы и они работают нежелательным золотничным способом. 16 июля на Зее Оранский

¹ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем... С. 165.

² Отчёт по статистико-экономическому техническому исследованию. Золотопромышленности Амурско-Приморского района. Т. I. Амурская область. Ч. II. СПб., 1908, С. 586.

³ Отчёт по статистико-экономическому техническому исследованию... Т. I. Ч. II., С. 815.

указал, что корейцы, как «иностранные подданные, на основании приложении 1 прим. К 110 ст. уст. частн. зол.¹, не могут быть допускаемы без ограничения на прииски в качестве рабочих. Более того, в октябре 1893 г. генерал-губернатор Восточной Сибири С.М. Духовской доложил военному губернатору Амурской области о том, что русские рабочие с Зейской пристани жалуются на конкуренцию со стороны китайцев и корейцев, препятствующую им наниматься на прииски»².

Почти год продолжалось обсуждение³. 24 февраля 1894 г. губернатор представил генерал-губернатору Духовскому подробный доклад о допущении корейцев на золотые прииски, в результате было разрешено нанимать иностранных рабочих в размере не более 1/2 всего числа рабочих⁴.

Однако такое требование не сразу было выполнено. В сезон 1891–1892 гг. на приисках Амурской области корейцев было: на Хугдере – 320 чел., а на Унье – 150 чел., всего же в Верхне-Амурским горно-полицейском округе на Зее – 470 чел. В сезон 1892–1893 гг. их число возросло до 1 050 чел.⁵. За 1894–1897 гг. только в Буреинском округе Амурской области число корейских рабочих возросло от 51 до 190, т. е. почти в 4 раза⁶.

В начале 1898 г. с сокращением работ на приисках Ниманской компании число китайских и корейских рабочих превысило 1 000 чел., китайцы и корейцы появились на Селемдже, как верхней, так и средней, где находились прииски Средне-Амурской компании⁷. Таким образом, число

¹ Потом изменится на приложение 2 к статьи 5. Прил. Ст. 661 Устава Горного, по продолжению 1902 г.

² Отчёт по статистико-экономическому и техническому исследованию... Т. 2. Ч. I. С. 356.

³ 25 октября того года со стороны корейцев было представлено заявление. Староста корейцев Сеханимо обратился к военному губернатору Амурской области с просьбой разрешить наниматься на прииски Верхне-Амурской компании и арендаторов на зимние работы. На просьбу губернатор изъявил согласие. Отчёт по статистико-экономическому и техническому... С. 357.

⁴ Отчёт по статистико-экономическому и техническому... С. 359.

⁵ По сведениям канцелярии генерал-губернатора – до 2 000 чел. Отчет по статистико-экономическому и техническому... С. 359.

⁶ Отчёт по статистико-экономическому и техническому... С. 361.

⁷ Отчёт по статистико-экономическому и техническому... С. 362.

иностранных рабочих выросло, область их распространения расширилась от верховьев до среднего течения р. Амур.

Впоследствии было принято решение о полном запрете доступа иностранцев к приискам, чтобы предупредить преобладание иностранной рабочей силы в важной отрасли народного хозяйства. Однако результат был достигнут только через нескольких лет после этого.

Рассмотрим динамику изменения количества корейских рабочих на приисках Амурской области, где в определенные годы заметно его резкое повышение.

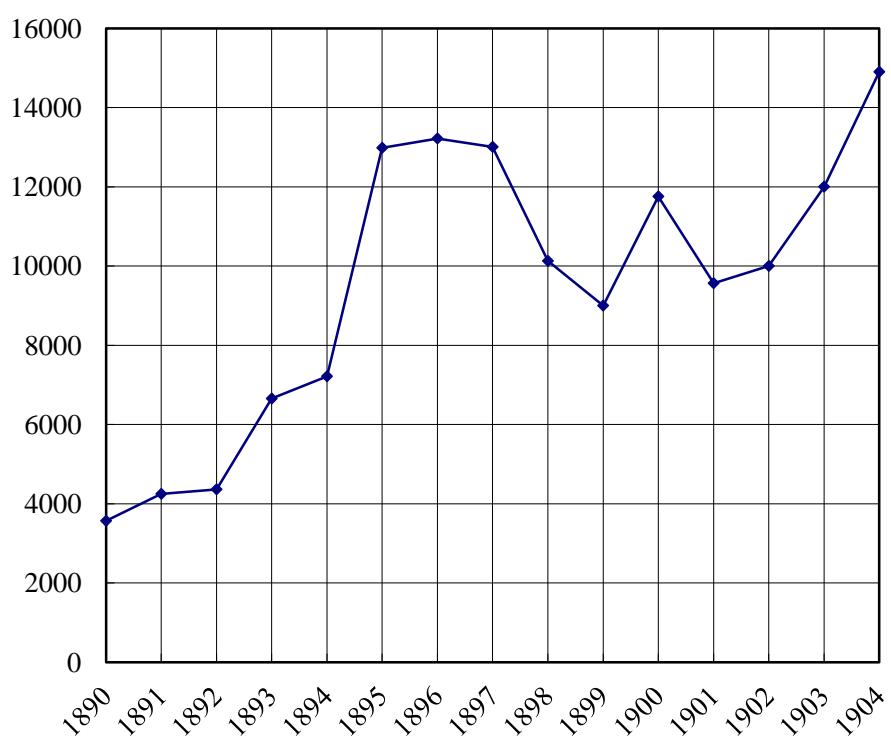

Рисунок 2 – Численность корейских золотников Амурской области за 1890–1904 гг.¹

В 1890 г. корейских рабочих на приисках Амурской области насчиталось 3 567 чел. Их число увеличилось примерно в 4 раза к 1897 г. и составило 13 218 чел. В 1897 г. число корейских рабочих на приисках стало

¹ Хён Гю Хван, Хангук юминса: Гукдонзиёк [История корейских переселенцев: Дальний Восток России] Т.1. 1967, Омунгак, С. 867 (на корейском языке)

медленно уменьшаться. Такая тенденция продолжалась до 1903 г., что можно считать результатом действия ограничений, принятых Духовским. Более того, в 1902 г. установлено процентное соотношение русского и иностранного труда. Согласно ему, численность корейцев не должна была превышать 25% от общего количества рабочих, русские должны составлять 50% всех старателей на прииске¹.

Однако в 1907 г. количество корейцев на приисках резко увеличилось. Причиной такого изменения явилась русско-японская война 1904–1905, которая сопровождалась мобилизацией рабочих, в том числе в горной отрасли. Поэтому для функционирования приисков вновь стали нанимать иностранных рабочих. После русско-японской войны на Дальнем Востоке России добычей золота занималось значительное количество корейцев, иногда они составляли 40–60% всей рабочей силы на золотых приисках. Это соотношение сохранялось вплоть до 1908 г., пока их труд в этой отрасли не был запрещен Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером. Власти стремились избавить Приамурье от «желтой расы».

«Приморский горный округ является самым молодым в ряду прочих округов Восточной Сибири. Особенность местных условий заключается, главным образом, в сравнительно большей доступности водных путей, в малой абсолютной высоте площадей, даже расположенных в системе среднего течения Амгуни, в более мягком климате и почти повсеместном отсутствии вечной мерзлоты. Именно отсутствие таких условий является главной помехой для введения усовершенствований в правильной разработке приисков»². Благодаря таким условиям Приморская область считалась более благоприятной для развития золотопромышленности, поэтому там можно было быстрее найти работу на приисках.

¹ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье С. 116–117.

² Отчет статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. Т.1. Приморская область. СПб.: Типолитография «Якорь», 1902. С. 1.

В 1892 г. в Приморской области золотых приисков насчитывалось только 3. На приисках осуществлялась «открытая» добыча золота. Число всех рабочих на приисках достигло 885 чел., средний заработка простого рабочего был разным – в зависимости от площади приисков – от 16 до 40 руб.¹ В 1893 г. золотых приисков разрабатывалось уже 4, работы велись «открытым» способом, число рабочих достигло 1 183 чел. Средний заработка – от 18–50 руб.² До конца XX в. золотые прииски Приморской области успешно и постоянно развивались. Проиллюстрировать эту тенденцию можно данными ниже приведенной таблицы (табл. 12).

Таблица 12 – Число рабочих и количество добываемого золота с 1892 до 1899 г.

Годы	Число работавших приисков	Число рабочих	Количество добываемого золота	
			Пуд.	Фунт.
1892	3	885	37	10
1893	4	1 183	70	39
1894	6	1 697	119	6
1895	12	1 939	82	20
1896	14	1 975	81	35
1897	15	689	132	9
1898	16	836	158	10
1899	20	2 394	149	14

Сост. по: Обзор Приморской области за 1892 год... С. 16.; Обзор Приморской области за 1899 год... С. 37.

Появление корейских старателей связывается с формой разработки приисков. В конце XIX в. на приисках Приморской области является доминирующей формой разработки приисков – старательская работа.

До тех пор работы были организованы только в одной Амгунской

¹ Обзор Приморской области за 1892 год... С. 16.

² Золотые прииски сосредоточены были в Удском округе. В 1895 г. там разрабатывалось 35 приисков, а в 1899 г. их число повышалось на 49. Сравнительно в Южно-Уссурийском округе золотые прииски не превышали более 10 в 1898 г. и через год число приисков сократило на 3 // Обзор Приморской области за 1899 год... С. 37.

компании и на приисках Приамурского золотопромышленного товарищества, находившегося на арендном содержании этой компании, где главным образом и была добыча, а именно намыто 42 пуд. 27 ф. 25 з. 80 долей., т.е. более половины добытого всеми предприятиями золота.

Несмотря на такую довольно крупную добычу золота план Амурской кампанией был не выполнен, и она вынуждена была ликвидировать хозяйские работы и перейти на старательские наравне с другими предприятиями¹. В обзоре Приморской области за 1908 г. отмечалось, что хотя старательские работы большой прибыли не дадут, они не принесут и значительных убытков, так как весь риск лежит на самих старателях, которые ведут все работы своими силами и на свой риск, не вовлекая в расход предприятия.²

Более того в начале XX в. очень многие из заявленных и отданных под золотые прииска участков вообще не разрабатываются, так как для эксплуатации данных участков требовались дорогие машины. Поэтому в начале XX в. все «золотое дело» сводилось, главным образом, к поискам богатых месторождений.

Такое нестабильное положение золотопромышленности сопровождалось еще и изменением формы разработки приисков с хозяйствской формы на старательскую.

Что же касается времени появления корейских рабочих на приисках Приморской области, то предположительно это произошло в 1894 г., когда на прииске Степано-Дмитриево Харалмниевского была допущена старательская работа по добыче золота³. Старательской работой на приисках занимались в это время преимущественно корейцы, так как заработка плата была ничтожной. Суточный средний заработок старателя за 6 рабочих месяцев,

¹ Польза при таком способе работ получается от 1 руб. 15 коп. до 2 р. 4 коп. с каждого добытого старателями золотника золота // Обзор Приморской области за 1908 год... С.21.

² Обзор Приморской области за 1908 год... С.21.

³ Обзор Приморской области за 1894 год. С. 2.

составлял 1 руб. 50 коп, а рабочего на хозяйственных работах в 2 руб. Русского рабочего такой заработка не утешало, поэтому они неохотно, только в крайнем случае, занимались на эту работу.

Для корейцев такой заработка считался довольно значительным, особенно по сравнению с тем, сколько они могли бы заработать на своей исторической родине. Именно этим можно объяснить громадный прилив корейцев на прииски.

В 1900 г. на прииски всего было нанято 3 526 рабочих, из них свыше 1 500 человек корейцы и китайцы¹. Доля их от общего числа рабочих приисков постоянно увеличивалась. В 1905 г. доля корейских рабочих составляла 66,97% от общего числа рабочих приисков, в 1906 г. – 74,71%².

Вскоре ярко проявились недостатки работы на приисках старательским способом. Это было отмечено даже в Обзоре Приморской области за 1909 г. В нем говорилось, что добыча золота с каждым годом падает вследствие перехода с хозяйственной формы эксплуатации на старательскую; что при старательской форме работы много золота проходит мимо приисковой конторы, не проводится по книгам; что большинство золота остается у старателей на руках, не сдается в контору, а продается скупщикам или сдается в лабораторию; что только за право выхода на работу рабочие вносят установленную посующую плату от 20 коп. до 1 руб. с человека. Поэтому. Например, Николаевская казенная лаборатория получает свободно сданного золота больше, чем приискового³.

При старательской организации работы на приисках, отмечалось в Обзоре Приморской области за 1911 г., хотя нет большой прибыли, но нет и больших убытков, так как весь риск лежит на самих старателях, они ведут все работы своими силами, не привлекая средства предпринимателей.

¹ Обзор Приморской области за 1901 год. Приложение: Ведомость о добыче шлихового золота на приисках Приморской области за операцию 1900–1901 года. С. 36.

² Обзор Приморской области за 1905... С.75; Обзор Приморской области за 1906... С. 109.

³ Обзор Приморской области за 1909 год. Владивосток, 1911. С.19.

Старатели, сдавая чистое золото, получают от 1 руб. 15 коп. до 2 руб. 40 коп. с золотника. Средний суточный заработка старателя от 1 до 2 руб. При дорогоизнне жизни на приисках такой заработка можно считать незначительным. Именно поэтому, отмечалось в Обзоре, «русские рабочие на старательские работы идут неохотно, и все эти работы в руках китайских подданных»¹. Хотя в Обзоре говориться только о китайские рабочий, не так трудно предположить, что это было характерно для оплаты труда всех иностранных подданных.

Тем не менее старательская форма работы была эффективной в экономическом плане для владельцев золотых приисков. Переход с хозяйствской формы на старательскую отразился только на рабочих. При хозяйствских работах преимущественно использовался труд русских рабочих, а при старательских, на которые русские не шли, - иностранцы.

Увеличение числа иностранных рабочих беспокоило администрацию Приморской области. Так П.Ф. Унтербергер считал главной целью уберечь границу и приграничные земли от иностранных сил. Он ввел в Горный устав (ст. 5, прим. 2, прил. К ст. 661 Уст. Горн., по прод. 1906 г.) соответствующие правила. Их главное содержание заключается в том, чтобы нанимать на работу на золотые промыслы в пределах Амурской и Приморской областей только китайцев. Кроме них, прочие же иностранцы каждый раз должны были допускаться к этим работам по отдельным разрешениям Приамурского генерал-губернатора².

В 1908 г. было запрещено нанимать корейцев на прииски. Резульат не заставил себя долго ждать. В 1907 г. на золотых приисках Приморской области число корейских рабочих составляло 1 524 чел., т.е. 66,6% от всех

¹ Обзор Приморской области за 1909 год. Владивосток, 1911. С.19.

² Подробнее см. Приложение къ статьѣ 661. «Правила о найме рабочих на частные золотные и плативные промысли», Свод законов Российской империи, Т. 7, СПБ.: Издательство Деятель, 1911, С.165.

рабочих приисков Приморской области¹, а в 1908 г. их число сократилось до 362 чел., что составляло всего 20,67% от всех рабочих золотых приисков области².

При старательских работах было трудно следить за тем, чтобы все добытое золото сдавалось в приисковую контору, почти половина добытого золота утаивалась старателями. Ввиду свободного обращения золото продавалось скопщикам китайцам, которые отправляли полученное золото в Китай³.

До запрещения принимать на старательские работы корейцев все старательские работы на приисках были в их руках. Корейцы, также утаивали часть золота от владельцев приисков, но они продавали его в России, преимущественно в магазинах, а на вырученные деньги покупали европейскую одежду, поэтому золото оставалось в России и не уходило за границу. Китайцы же, отмечалось в Обзоре Приморской области за 1909 г., «не потратит на себя не копейки и с золотом не расстанется или продаст своему китайцу»⁴. С ростом количества китайцев на приисках, резко возросло количество преступлений, совершаемые ими (грабежи и убийства), чего при корейцах не было никогда⁵.

Наплыв китайцев на прииски был крайне нежелателен для предпринимателей⁶. Это можно было устраниТЬ только разрешением допуска

¹ Обзор Приморской области за 1907 год. Приложение №12 к годовому обзору Приморской области за 1907 год. Владивосток, 1908. С.74.

² Обзор Приморской области за 1908 год. Приложение к годовому обзору Приморской области за 1908 год. Владивосток, 1910. С.103-110.

³ Обзор Приморской области за 1909 год. С. 19.

⁴ Обзор Приморской области за 1909 год. С. 19.

⁵ Обзор Приморской области за 1909 год. С. 19.

⁶ По данным Справки №46 Междуведомственному Совещанию по делам Дальнего Востока, главной причиной не предпочтения китайских рабочих на приисках является «организованная кража золота и унос их в Китай». «На ряду с легально существующими приисками, которые подлежат действию определенных, общих для всех золотопромышленников, правил и техническому контролю со стороны чинов горной инспекции, существуют еще хищнические китайские артели, которые рассеявшись по всей тайге, ускользают от всякой регистрации, от всякого контроля, от всякого в пользу

к работам по добыче золота корейцев, чего и добивались золотопромышленники, которые не рассчитывали на приход на прииски русских рабочих, так как заработка плата старателей них не устраивала, они занимались на такую работу только в крайних обстоятельствах¹, о чем мы говорили выше.

Для решения этой проблемы было решено изменить форму работы на приисках. Новым способом работы на приисках стала дражная работа.

Золотопромышленникам рекомендовали перейти на дражные работы, где при сравнительно малых затратах (до 100 руб.) получалась значительная производительность (промывка до 70 кубов породы в сутки при 30 рабочих). Это должно было поднять на более высокий уровень золотой промысл в крае и сократить материальные затраты золотопромышленников, доходившие в 1909-1910 гг. до 15000 руб. с добываемого пуда золота при максимальной стоимости такого в 18000 руб. за пуд.

В 1911 г. дражные работы были организованы на одном из приисков Амгунской компании «Гонгрень» и, несмотря на недоброкачественность драги, результаты дражных работ были блестящими, поэтому Амгунская компания выписала себе вторую усовершенствованную драгу. Особенность дражных работ заключалась в сравнительно небольших затратах (до 12 тыс.) за круглые сутки работы, при самом малом количестве рабочих (32 чел.). Рекомендовалось в скором будущем все приисковые компании перевести на дражные работы и отмечалось, что только это может поднять золотопромышленность в крае. С введением дражных работ, по мнению авторов Обзора Приморской области, само собой должны были быть

государства обложения, и все добываемое ими золото безданно-безпошлино уносят в Китай. По данным Амурской экспедиции, из Приамурья уходит в Китай ежегодно не менее 75-125 пуд. краденного и добываемого тайно золота. В будущем, с развитием колонизации прилегающей к нам Маньчжурии в ней возникнут золотосплавочные лаборатории, и тогда, при наличии китайских рабочих на наших приисках, золото неудержимым потоком потечет в Китай, так как там, вследствие постоянного колебания курса на серебро золото дороже, чем у нас». РГИА ДВ Ф.702. Оп.2. Д. 398. Л. 5-6.

¹ Обзор Приморской области за 1909 год. С. 19.

свернуты старательские работы¹.

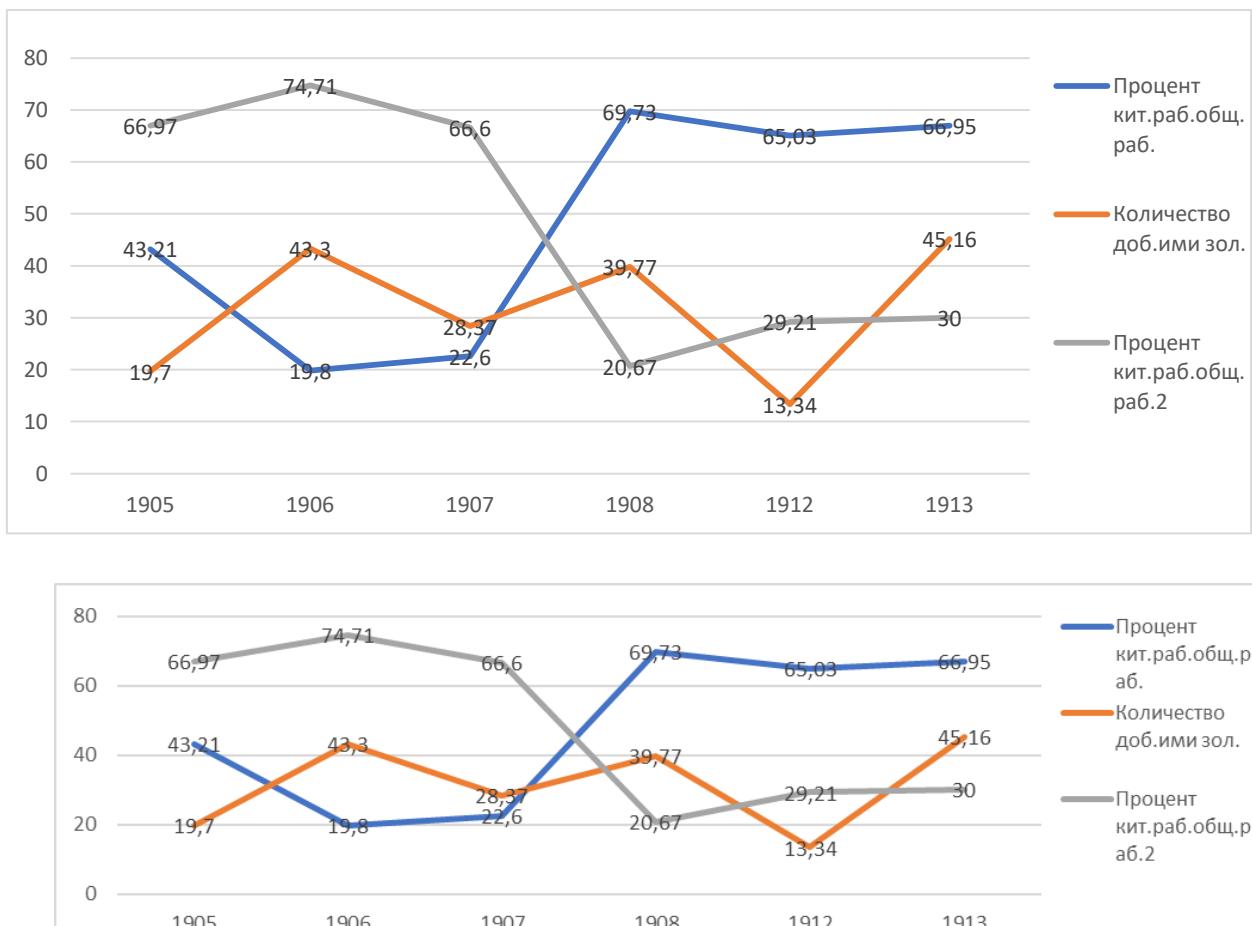
На некоторых приисках начали проводить опыты с драгами и экскаваторами, а также вскрывать торфы гидравлическим способом. При рациональной постановке этих усовершенствований ожидалось оживления золотопромышленности. Драги, при большей производительности, требуют значительно меньшего числа рабочих, что давало, в свою очередь, возможность разрабатывать площади со слабым содержанием золота.

Сокращение рабочих на приисках, разрабатываемых хозяйственным способом, имело в экономическом отношении чрезвычайно важное значение. Рабочие нанимаются обыкновенно на целую операцию и на все это время должны быть для них заготовлены припасы. Если затем по недостатку воды, при засухе или по другим причинам приходилось работы по промывке золота на более или менее продолжительное время приостанавливать, предприятие терпело убытки, неся значительные расходы по содержанию рабочих, между тем при работах драгами или гидравлическим способом, убыток уменьшался пропорционально сокращению числа рабочих на них.

Хотя новый способ добычи золота активно внедрялся, но проблемы в золотопромышленной отрасли оставались. Производительность золотых приисков снижалась.

¹ Обзор Приморской области за 1909 год... С.19.

Рисунок 3 – Динамика процента иностранных рабочих на золотых приисках и количества добытого ими золота за 1905–1913 гг.¹.

*1 пуд равен 40 фунтам, 1 фунт равен 96 золотникам. 1 пуд равен 16 килограммам. 1 фунт равен 0,41 килограммам (400 граммам), и 1 золотник равен 0,042 килограммам (4,266 граммам).

Из данных вышеуказанной диаграммы видно, что изменение численности корейских рабочих на приисках связано с динамикой добычи золота. В 1906 г., когда корейцы составляли значительную часть всех рабочих, количество добытого золота тоже было большим. После запрета нанимать корейцев на прииски в 1907 г. их число уменьшилось, количество

¹ Сост. по: Обзор Приморской области за 1905 год... С. 75; Обзор Приморской области за 1906 год... С. 109; Обзор Приморской области за 1907 год... С. 74; Обзор Приморской области за 1908 год... С. 103–110; Обзор Приморской области за 1911 год... С. 119–120; Обзор Приморской области за 1912 год... С. 107; Обзор Приморской области за 1913 год... С. 95.

добытого золота также снизилось. Даже если число китайцев на приисках увеличивалось, то количество добытого золота, наоборот, неуклонно понижалось. Когда корейцев опять стали принимать на прииски, количество добытого золота снова увеличилось. Исходя из этого, можно говорить об эффективности корейских рабочих на приисках и их влиянии на добычу золота Приморской области.

4 февраля 1911 г. состоялось заседание Комитета по заселению Дальнего Востока. Темой обсуждения был допуск корейцев на работы на золотых приисках и условия их принятия в русское подданство¹. Была подтверждена значимость корейцев как эффективной рабочей силы, и в 1911 г. корейцев вновь допустили к приисковым работам, на приисках Приморского горного округа их насчитывались 1 395 чел. Количество рабочих корейцев на приисках быстро увеличилось. В 1913 г. их насчитывалось уже 1 669 чел., в 1914 г. – 1 730 чел., а в 1915 г. работали уже 2 117 корейцев².

В ряде случаев правительство само вынуждено было прибегать к большому найму корейских рабочих. Так, после забастовки и расстрела рабочих на Лене в 1912 г. предприятие «Лензолото» с разрешения правительства завезло на прииски свыше 1 500 корейских и китайских рабочих³. Тем не менее число корейских рабочих увеличивалось не очень резко, так как на некоторых приисках использовались вместо старателей, дражные машины.

Во время Первой мировой войны крупные заказы интендантства стимулировали развитие военных заводов и мастерских, мукомольной и рыбной промышленности. В то же время в результате уменьшения количества рабочих из-за мобилизации наблюдался спад в золотопромышленности, для подъема которой с 1916 г. активно

¹ РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 1. Д. 640. Л. 242.

² Обзор Приморской области за 1909 г.... С. 70.

³ Обзор Приморской области за 1909 г.... С. 70.

использовались иностранные, особенно китайские и корейские, рабочие.

Увеличение количества корейских старателей привело к неожиданной ситуации – появлению корейских артелей. Согласно официальным сведениям на золотых приисках Амгуньской системы Удского округа в 1896 г. не было корейских рабочих артелей, но в 1897 г. их насчитывалось 6, в 1898 г. – 29, а в 1899 г. – уже 39¹.

Рыбный промысл по значимости в Приморской области следует после земледелия, а в районах, расположенных по р. Амуру и на морских побережьях, являлся главным источником пропитания и благосостояния населения. Корейцы не стали исключением.

В 1880-х гг. много корейцев занимались *крабовым промыслом*. Крабы подходили к берегам бухт в марте для метания икры, что позволяло корейцам добывать его в больших количествах на продажу. К тому же лов осуществлялся сетями, сплетенными из травы и прикрепленными к верхней и нижней бечевам толщиной менее мизинца из такого материала², который легко найти. Это позволяло участвовать в добыче крабов корейским переселенцам, у которых почти не было никаких средств к существованию на чужбине. В 1882 г. крабов ловили только «несколько корейцев», весной 1883 г. их насчитывалось сорок (они в разных местах занимались добычей и приготовлением крабов и раков). А весной 1884 г. их было уже более 100 чел.³.

Причиной популярности крабового промысла среди корейцев была большая прибыль. По данным А. Рагозы, в 1890 г. цена на крабовое мясо составляла в 16 руб. за 1 пуд⁴. В то время объемы добычи этого ценного продукта корейцами составляли 2,5–3 тыс. пуд. готового крабового мяса. При этом доход государства от выдачи промысловых свидетельств за 1891 г.

¹ Петров А.И. Корейская диаспора 1897–1917 гг... С. 183.

² Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России... С. 158.

³ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России... С. 156.

⁴ Рагоза А. Посытский участок... С. 55.

составил всего 1 184 руб., из которых 843 руб. (71,5%) были собраны с корейцев (234 руб. с 47 шлюпок и 612 руб. – сбор с 204 промысловиков)¹.

Однако большие доходы, получаемые иностранцами от промысла краба, и потенциал этой деятельности были замечены и руководством области, в частности А.А. Фельдгаузеном, Владивостокским военным губернатором адмиралом. В 1885 г. он предлагал Приамурскому генерал-губернатору барону Ф.Г. Корфу установить налог за промысел краба иностранцами в размере 3 руб. за 1 душу и 5 руб. за 1 шлюпку в год².

Но это предложение не нашло поддержки. Наоборот, для увеличения доходов государства в 1891 г. выдавались разрешения иностранцам на лов рыбы по всему побережью Татарского пролива, причем ввиду трудности контроля сбор по 5 коп. золотом с пуда взимался со всей вместимости судна перед отправлением его на промысел. К полученной сумме прибавлялось еще 25% по числу регистрационных тонн³. Таким образом, корейское население вносило ощутимый вклад в увеличение российской казны.

В конце XIX в. большинство корейцев считались иностранцами, так как не получили русского подданства и, соответственно, не имели никаких прав, поэтому русское правительство старалось ограничивать их деятельность, чтобы защитить экономические интересы России и обеспечить безопасность приграничной территории. Весной 1886 г. были отмечены попытки создания в городе Владивостоке артели корейских рабочих-землекопов, грузчиков и т.д. Владивостокский военный губернатор адмирал А.Ф. Фельдгаузен представил Приамурскому генерал-губернатору барону Корфу на рассмотрение «Проект временных правил Владивостокской корейской рабочей артели». Его целью было ограничить рост числа корейских рабочих⁴. Но проект не был поддержан.

¹ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России... С. 159.

² Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России... С. 157.

³ Обзор Приморской области за 1891 год. С.3.

⁴ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России... С.155.

Кроме лова краба, корейцы нашли еще другие источники заработка в море – *добыча трепанга*. По данным из «Обзора Приморской области» за 1899 г., трепанговый промысел был распространен в тех же местах, что и крабовый. Трепанговый промысел давал занятие китайцам и корейцам, которые ловили моллюсков, принадлежащих к породе морских кубышек или голотурий, вдоль морского берега от залива Посьета до бухты Врангеля. Трепанги варились, сушились и шли в продажу, в зависимости от их качества от 60 коп. до 1 руб. 50 коп. за фунт. Размер пошлины на ловлю трепанов был 3 руб. с пуда продукта¹.

До начала XX в. численность корейцев, занимавшихся рыболовством на Дальнем Востоке России, постоянно увеличивалась и достигла 3 тыс. Однако к 1910 г. их число резко сократилось: осталось только 938 чел. Причиной стали новые правила. В ноябре 1899 г. были утверждены Приамурским генерал-губернатором «Новые временные правила для производства морских промыслов в территориальных водах Приамурского Генерал-Губернаторства».

Генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер считал важной задачей защиту интересов России и ее приграничной территории от действия иностранных сил. В 1898 г. в Южно-Уссурийском округе Приморской области рыбные богатства рек, впадающих в Японское море, эксплуатируются пока почти исключительно местными китайцами и приезжими японскими рыбаками. Кэту и горбушу вывозили в Японию в засоленном виде. Из селедки же, появляющейся весной в громадном количестве по берегам Японского моря, варили удобритательный тук, который дорого стоил в Японии².

Установлены были следующие правила. В целях развития русской промышленности при сдаче участков для рыбных и других промыслов

¹ Обзор Приморской области за 1899 год... С. 23.

² На вывоз за границу рыбы установлена пошлина в размере с пуда 7 коп. кредитных для иностранцев и 5 коп. для русских подданных // Обзор Приморской области за 1899 год... С. 19.

предпочтение отдавалось русским подданным¹. Также в некоторых районах необходимо было нанимать исключительно русских рабочих². Участки для рыбной ловли распределялись на торгах. Кроме того, за приготовленную сухим способом (без посуды) соленую рыбу и за селедочный тук взимался в доход казны налог по 5 коп. каждого пуда с русских подданных и по 7 коп. с иностранных.

Промысел морской капусты, трепанга, крабов и прочих беспозвоночных русским подданным разрешался бесплатно, если промысел производился ими лично, без найма рабочих. Иностранцы же должны были платить за билет на лодку в течение года 6 руб. при средней подъемной силе лодки до 40 пуд.; 12 руб. за манзовскую шаланду до 80 пуд.; и 25 руб. за лодку японского типа и шаланду китайского и корейского типов со средней подъемной силой до 200 пуд³.

Иностранцы не имели права на лов рыбы: оно было предоставлено исключительно русским подданным. Иностранцам разрешалось лишь покупать рыбу у местных жителей и заготавливать ее впрок на так называемых засольных участках – особых сдаваемых казной в аренду территориях⁴.

Тем не менее корейцы продолжали заниматься рыболовством. В некоторых районах корейцы стали единственными среди местного населения,

¹ Обзор Приморской области за 1900 год. С. 13.

² Например, в Северном, Удском и Сахалинском (от мыса Елизаветы до мыса Терпения) районах производство рыбного промысла разрешалось «с обязательством предпринимателя содержать для сего рабочих только русских подданных». В Юго-Западном районе от устья р. Туманган до мыса Поворотного промысел разрешался лишь «мелким судам и сбывающим ее на местные рынки, без различия подданства нанимаемых рабочих». В арендное содержание промысловые участки в этом районе сдавались «с обязательством предпринимателя содержать для сего в числе рабочих не менее 20 процентов русских подданных». В Сахалинском районе от мыса Терпения до мыса Погоби разрешался наем рабочих, как русских подданных, так и иностранцев // Петров А.И. Корейская диаспора в России... С. 198–199.

³ Обзор Приморской области за 1900 год... С. 13.

⁴ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПБ.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. С. 140–141.

кто добывал рыбу. В 1906 г. в г. Никольском-Уссурийском среди русского населения этим видом промысла постоянно почти никто не занимался. Во время хода рыбы на р. Суйфун ее ловили преимущественно китайцы и корейцы¹. В г. Николаевске Сучанского участка они занимались на своих шаландах, шампуньках и баржах ловом и сбытом на местный рынок разнообразной соленой рыбы. Кроме того, они доставляли свежую рыбу к местам, где производилась ее обработка или засолка.

В 1905 г. в Южно-Уссурийском уезде морской промысел производился в Сучанском лесничестве. Доход казны от этой деятельности показан в нижеприведенной таблице (табл. 13).

Таблица 13 – Доход казны от морских промыслов в начале XX в.²

Название морского промысла	Занятые промышленники			Вырученн ый доход (руб.)
	Русские подданные	китайски е подданн ые	корейски е подданн ые	
1905 г.				
Рыбный	6	-	17	323
Трепанговый	-	-	-	306
Крабовый и раковый	-	-	-	12
Капустный	-	273	2	8 901
Итого	6	273	19	9 542
1908 г.				
Рыбный	29	-	-	462
Трепанговый	-	28	21	294
Крабовый и раковый	-	26	36	1 240
Капустный	1	104	5	17 678
Итого	30	158	62	19 664

¹ Обзор Приморской области за 1906 год... С. 13.

² Сост. по: Обзор Приморской области за 1905 год... С. 8.; Обзор Приморской области за 1908 год... С. 9.

Сост. по: Обзор Приморской области за 1905 год... С. 8.; Обзор Приморской области за 1908 год... С. 9.

Из данных таблицы следует, что корейцы ловили то, что не ловили русские. Благодаря корейским рыбакам российская казна получала доход от тех видов промысла, которыми русские не занимались.

Нужно отметить, что в то время корейцы, занимавшиеся выловом рыбы, продолжали ходатайствовать о принятии в русское подданство. Они хотели не только заработать, но и стать российскими гражданами. Для казны это было прибыльно.

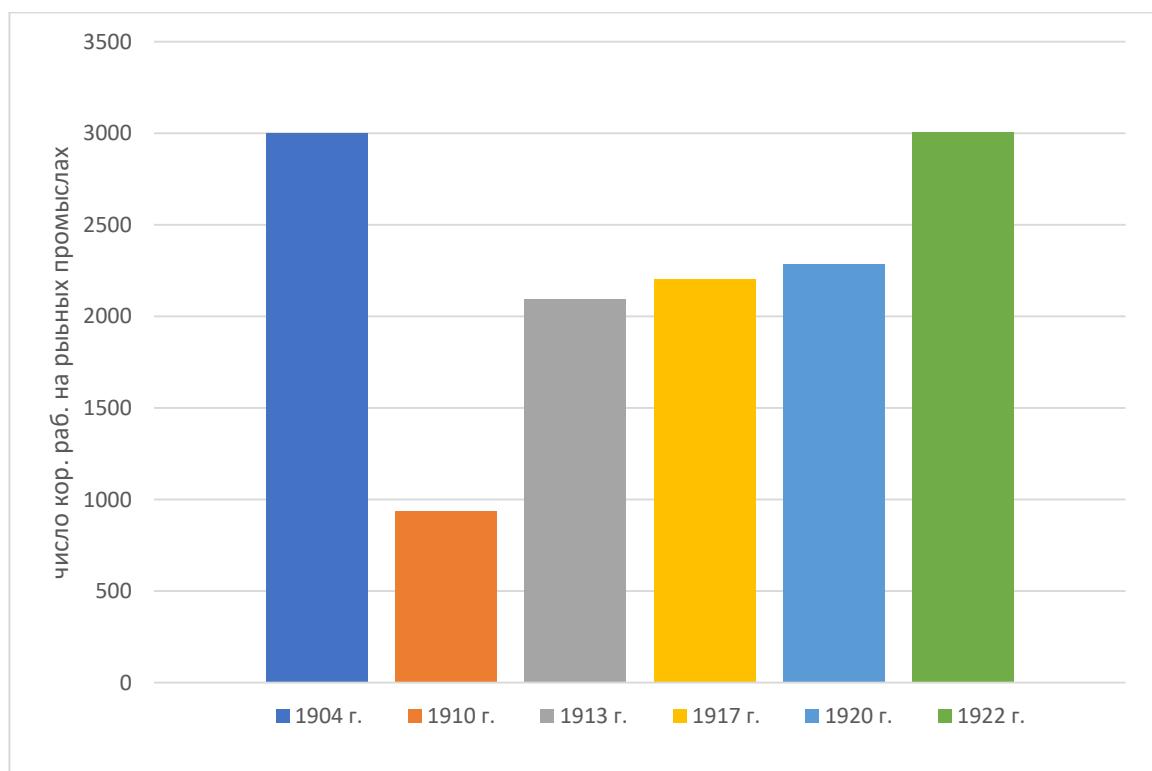

Рисунок 4 – Динамика численности корейских рабочих на рыбных промыслах с 1913 по 1922 г.¹.

По данным вышеуказанного рисунка, корейцы постоянно занимались

¹ Сост. по: Отчет Дальэкосо экономическому совещанию РСФСР. Владивосток: Дальэкосо, 1924. С. 351.

рыболовством в Приморской области, их число же неуклонно увеличивалось. В 1910 г. Япония захватила Чосон и много корейцев мигрировали на Дальний Восток. Благодаря этому в 20-х гг. XX в. стали возникать корейские рыболовные артели. В 1925 г. их насчитывалось 18, а в 1926 г. – 41¹.

До 30-х годов XX в. рыболовство для корейцев остается главным способом получения дохода. Их деятельность и влияние на саму отрасль народного хозяйства также продолжается. В 1932 г. в одной из статей газеты «Известия», посвященной морям Дальнего Востока России и крабовому промыслу, отмечалось следующее:

«Дальневосточные моря – колыбель недобытых миллионов. Они баюкают младенчество первичных промыслов по добыче и переработке моллюсков. Моллюски носят название второстепенных видов морепродуктов. Их оттесняет рыба. Они ведут существование пасынков – эти беспозвоночные, из которых Япония извлекает миллионы. До 1903 года их ловили у нас лишь кустарными способами корейцы и китайцы Приморья. Ими не занимались наши дальневосточные тресты. Мы теряли миллионы. Только с этого года впервые ставится дело их широкой добычи... На берегу бухты Разбойник я встречаю людей, которые отдали этому делу свой энтузиазм. Старик-кореец сидит на земле. У него заплетена седая косичка. Он вскрывает раковины и ведет нараспев свой счет. Его однообразная песня повышается на десятках. Возле него сидят корейские женщины и тоже вскрывают раковины мидии и гребешка. Водолазные кунгасы и лодки привозят добычу. Это – трепанг и шрамс, дальневосточная креветка. Девушки за длинным столом очищают креветок. Креветки и мускул гребешка сушатся и вялятся на солнце. В таком виде они идут на экспорт»².

Таким образом, корейцы занимались выловом тех видов, которые не

¹ Хён Гю Хван, Хангуку юминса: Гукдонзиёк(История Корейских бродячего народа: Дальний восток России), Т.1. Омунгак, 1967. С. 875.

² Дальневосточные моря – колыбель недобытых миллионов // Известия. 1932. 20 января. Л. 6.

интересовали русских рыбаков, а казна страны от этой деятельности получала дополнительный доход.

В 90-х гг. XIX в. огородничество было распространено повсеместно в Приморской области и удовлетворяло собственные потребности населения в продуктах питания. Огородничеством с целью дальнейшей продажи урожая занимались в селениях, прилегающих к Хабаровску и Владивостоку, а также в районах сосредоточенного расположения войск. В Южно-Уссурийской округе выращивали овощи для продажи на рынке преимущественно корейцы¹.

В начале XX в. коммерческое огородничество еще оставалось в руках корейцев. «В 1906 году огородничество распространено по всей области, кроме Анадырского уезда и Командорских островов. Вблизи городов, например, в селе Больше-Михайловском, селе Вятском и на Русском острове, в окрестностях города Никольска, Хабаровска и в таких пунктах, где сосредоточены войска, корейцы доминируют в возделывании предметов огородничества и сбывте их в рынок»².

Таблица 14 – Цена на продукты огородничества в городах за 1900 г.³

Города	За сотню		За пуд					
	капуста	огурцы	картофель	лук	морковь	редька	горох	овес
Владивосток	10 к. - 20 к.	35 к. - 4 р.	40 к. -70 к.	1 р. 40 к. - 4 р.	60 к. - 2 р.	5 к. - 12 к.	1 р. 25 к. - 6 р.	65 к. - 85 к.
Хабаровск	4 к. - 15 к.	-	45 к. - 55 к.	до 4 р.	90 к. - 1 р. 20 к.	-	2 р. - 2 р. 50 к.	75 к. - 1 р. 10 к.
Николаевск	-	-	65 к. -2 р.	-	-	-	2 р. - 2 р. 50 к.	80 к. - 1 р. 60 к.

¹ Обзор Приморской области за 1891 год. С. 4.

² Обзор Приморской области за 1906 год... С. 4.

³ Сост. по: Обзор Приморской области за 1900 год ... Приложение № 11. Справочные цены на предметы первой необходимости в городах Приморской области за 1900 г. С. 80–83.

Цена на капусту и картофель почти одинаковая во Владивостоке и Хабаровске. Учитывая то, что Владивосток и Хабаровск отличались по площади и численности населения, это интересная ситуация. Город Хабаровск был меньше Владивостока, а цена на такие ходовые продукты, как капуста и картофель, не выше, чем во Владивостоке. Причина – корейское население. В 1909 г. овощи доставлялись на хабаровский рынок из мест, населенных корейцами, вниз и вверх по Амуру и по р. Уссури. Поэтому русские жители ни в ближайших к городу селениях, ни в более отдаленных огородничеством совершенно не занимались. «Хабаровский рынок своей сравнительной дешевизной на овощи обязан исключительно корейцам»¹. Они были главными поставщиками овощей в войска. В 1910 г. такая же ситуация наблюдалась в уезде Никольск-Уссурийском, Ольгинском, Иманском.².

В Хабаровском уезде разным образом русскими игнорируется огородничество, несмотря на благоприятные климатические условия и вполне пригодную для этой цели землю, имеющуюся в достаточном количестве в самой черте города. Все необходимые овощи разводятся арендующими у города земельные участки китайцами и корейцами, которые снабжают ими местный рынок и гарнизон по довольно доступным ценам³. Более того, в Никольском-Уссурийском уезде, где огородничество пока составляет особой промышленной отрасли сельского хозяйства, и русские крестьяне занимаются огородничеством только для удовлетворения личных потребностей. Жители пригородных селений и селений, лежащих близ стоянок войсковых частей, занимаются культурой огородных овощей для продажи, но эта отрасль сельского хозяйства главным образом находится в руках корейцев, арендующих у крестьян земли»⁴. В Ольгинском уезде

¹ Обзор Приморской области за 1909 год ... С. 7.

² Обзор Приморской области за 1910 год ... С. 13–14, 16, 18.

³ Обзор Приморской области за 1913 год ... С. 25.

⁴ Обзор Приморской области за 1913 год ... С. 32.

огородничество у населения уезда не составляет особого промысла. Сбытом огородных продуктов отчасти занимаются корейцы»¹.

В Иманском уезде само производство всех, идущих в продажу, овощей, так и торговля ими находится, главным образом, в руках и корейцев, арендующих для производства овощей много земель в районах волостей Спасской, Зеньковской, Успенской и Лутковской². В Хабаровском уезде огородничеством занимаются преимущественно корейцы, живущие вблизи Города Хабаровска; садят картофель, капусту, свеклу, огурцы и прочие овощи, сбываемые в город³.

Таким образом, почти во всех селениях Приморской области, кроме Удского уезда⁴, выращиванием овощей на продажу занималось преимущественно корейское население. Благодаря этому овощи на рынке Хабаровска стоили недорого.

Таблица 15 – Средние цены на ходовые продукты по городам 1910 г.⁵

Название	Никольск-Уссурийск	Владивосток	Хабаровск	Николаевск
Капуста (за пуд)	25 к. – 1 р. 40 к.	60 к. – 3 р.	35 к. – 1 р. 50 к.	1 р. 60 к. – 3 р. 20 к.
Масло коровье (за пуд)	10 р. – 17 р. 50 к.	14 р. 20 к. – 17 р.	18 р.	16 р. – 22 р.
Мясо телятины свежее (за пуд.)	3 р. 6 к. – 6 р. 40 к.	4 р. – 6 р. 80 к.	5 р. – 8 р.	8 р. 80 к. – 12 р.

По данным таблицы 15, в Хабаровске продукты первой необходимости продавались по более высокой цене, чем в других городах. За исключением

¹ Обзор Приморской области за 1913 год ... С. 35.

² Обзор Приморской области за 1913 год ... С. 40.

³ Обзор Приморской области за 1913 год ... С. 247.

⁴ В Удском уезде русское и инородческое население уезда, живущее по берегам реки Амур, главным образом, занимается рыболовством, которое здесь составляет главную статью их доходов // Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток. 1915. С. 49.

⁵ Сост. по: Обзор Приморской области за 1910 год ... Приложение № 15. Справочные цены на предметы первой необходимости в Приморской области в 1910 году. С. 4–6.

Николаевска, где все продукты были дороже. Хабаровск являлся самым дорогим городом по всем продуктам. Мясо и масло были дороже чем во Владивостоке, масло было дороже даже, чем в Николаевске. Только цена на овощи была ниже, чем в других городах. Низкие цены на овощи были благодаря корейцам, которые занимались коммерческим огородничеством.

В начале XX в. торгующий кореец стал обычным явлением не только в городах, но и на различных промыслах и даже в селах и деревнях. В крупных корейских селениях все больше появлялось различных магазинов, или так называемых мелочных лавок. Это были, по существу, супермаркеты. В них продавались то, что производили в этих селениях, и то, что завозили из близлежащих городов и даже из-за границы. Уже в 1870-е гг. у корейцев появились лавки с заграничными товарами из мяса и дерева, а также соли¹.

Подобные лавки открывались в разных корейских населенных пунктах Приамурского генерал-губернаторства. Это имеет важное значение, так как сфера экономической деятельности корейцев стала не только географически шире, но и более разнообразнее по роду бизнеса.

Таблица 16 – Распределение корейских торговцев по уездам к 1907 г.²

Название селения	Число корейских лавок
г. Владивосток	26 (из них 6 кабаков)
г. Никольск	3 (из них одна мясная)
Черниговка	10
Славянка	8 (из них одна мясная)
Посьет	10
Бурусь	5

По данным в 1907 г. в Приморской области всего было 62 корейских лавки. Из них 42% лавок находилось в г. Владивостоке, где всего проживало

¹ Ханимисангоп соипэ [Упадок коммерции у корейцев] // Дэдонггонгбо. 1909. 22 марта. Л.4. (на корейском языке)

² Сост. по: Хён Гю Хван, Хангук юминса: Гукдонзиёк... С.87, 812-835.

2 764 корейца, т.е. 5,95% из общего количества представителей этой национальности в Приморской области¹. Более того, во Владивостоке из 26 лавок было 6 кабаков, в Никольске из 3 лавка была 1 мясная лавка, а в Славянке из 8 лавок была 1 мясная. Учитывая то, что в то время большинство корейцев проживало в Южно-Уссурийском округе, посетителями лавок были те, которые приезжали в город купить предметы первой необходимости.

Наличие кабаков объясняет тот факт, что среди корейцев уже появились настоящие предприниматели, которые открывали лавки для получения прибыли, а такая форма торговли считается капиталистической.

С течением времени распределение корейских переселенцев по роду занятий стало более широким. В 1917 г. в г. Хабаровске работало более 600 корейцев, из них торговцы – 30, мастера золотых дел – 30, прачки – 8, плотники – 8, кузнецы – 2, но большая часть корейцев работали чернорабочими - 529 чел.² В начале XX в. среди корейцев появились те, кто имел опять и денежные средства для организации торговли.

Таким образом, все приведенные данные доказывают, что корейские переселенцы успешно устроились на новой земле, имели определенное экономическое и социальное влияние, стали важной частью российского общества на Дальнем Востоке, как участники в рыночной экономике.

¹ РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 2. Д. 398. Л. 13.

² Ли Санггун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России]... С. 188.

Глава 2. ВЛИЯНИЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ НА КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

2.1. Развитие культуры и образования в среде корейского населения Дальнего Востока России в середине XIX в. – 1937 г.

В середине XIX в. Дальний Восток России представлял собой регион с очень низкой плотностью населения и для его освоения требовались беспрецедентные меры по привлечению переселенцев. Среди мигрантов, прибывавших в регион, были и иностранцы, в большой степени из ближнего зарубежья, в частности из Кореи.

По данным переписи населения, проведенной в 1897 г., на Дальнем Востоке в то время проживало 12 818 корейцев¹. Для корейцев, живших на Дальнем Востоке России, было характерно стремление приобщиться к русской культуре. Порывы корейцев «обрусить» своих детей и тем самым сблизить с русским народом, были продиктованы желанием продемонстрировать свою лояльность к местным властям, получить моральную и материальную поддержку и закрепиться на принимаемой территории. И сделать это было возможно только при условии создания сети образования, так как школа выполняла роль транслятора культуры как для мигрантов, так и для принимающего сообщества².

Первое документальное упоминание о нуждах школьного образования в корейских поселениях Приморской области относится к 30 августа 1866 г. В отношении за № 544 военному губернатору Приморской области И.В. Фуругельму генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков предлагал выделить средства на создание школы для корейцев. «В бытность мою, вместе с Вашим Превосходительством, в гавани Посьета, Вы выражили мне

¹ Народное образование на Дальнем Востоке... С. 33.

² Федирко О.П., Бэ Соён. Первые корейские школы на Дальнем Востоке... С. 84; Федирко О.П. Колонизационная политика на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. С. 326.

свое намерение об учреждении в этой гавани особой школы для обучения русскому языку детей, переселившихся к нам корейцев. ... я имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству на первоначальные расходы по учреждении школы ... сто рублей серебром...»¹.

Как выше указанно, администрацию интересовало вовлечение корейских переселенцев в гражданское общество Дальнего Востока России. Чиновники понимали, что если корейские переселенцы успешно будут адаптироваться, то они будут оказывать положительное влияние на развитие русского общества. Такое понимание происходящих в обществе процессов мотивировало правительство к основанию первых корейских школ.

Первая официальная школа² для детей корейских переселенцев открылась в 1868 г. в с. Тизинхэ Приморской области³. Однако данная школа просуществовала чуть более года, а затем была закрыта в связи с отсутствием учителя и средств на её существование⁴.

Через год появилась вторая в с. Янчихэ Посьетского округа⁵. В 1875 г. в Приморской области обучалось всего 41 корейский ребёнок, 31 из них – в Тизинхэ, остальные 10 – в Янчихэ⁶. В 1872 г. появилась первая корейская школа в Амурской области, в с. Благословенном, где в 1884 г. учились 59

¹ РГИА ДВ Ф. 87. Оп. 1. Д. 1007. Л. 1.

² В диссертации понятие «корейская школа» включает в себя все школы, созданные для корейских детей русской администрацией и приходской церковью. В разных исследованиях объясняется разница между русской школой для корейских детей и церковно-приходскими школами. В этой главе обращается внимание на различную реакцию корейцев на школы в зависимости от их учредителей. Здесь понятие «Корейская школа» включает в себя все школы, построенные по инициативе русской стороны. Школа же, построенная по инициативе самих корейцев - «Корейская национальная школа» и «Сеоданг» (секретная частная маленькая школа).

³ Вагин В. Корейцы на Амуре... С.109.

⁴ Сон Т.А. Система образования корейского населения на Дальнем Востоке России... С. 109

⁵ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 212.

⁶ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 212.

корейских мальчиков¹. Данная школа стала одним из центров православия корейцев Приамурья².

Принимая во внимание, что появление первых корейских переселенцев отмечено уже в 1864 г., школа для корейцев появилась сравнительно быстро, что объясняется характером корейской иммиграции. Корейцы переходили границу семьями для того, чтобы найти новую родину и обосноваться здесь. Школа представлялась им не только возможностью учить своих детей, но перспективой комфортной адаптации к жизни на чужой земле и вовлечения в новое гражданское общество.

Тем более, корейцы относятся к образованию своих детей с большим энтузиазмом. В селах Корсаковской волости (Корсаковка, Кроуновка, Пуциловка и Синельниково) школы с начала 1870-х по начало 1880-х гг. функционировали периодически с большими перерывами. Так более или менее регулярно школа в с. Корсаковка стала работать лишь с 1883 г.³ Поэтому до открытия первой официальной корейской школы зимой 1871-1872 г. 11 корейских мальчиков были отправлены в русскую школу, которая находится в Михайлово-Семёновской станице. В ней обучались корейские дети вместе с детьми казаков. И ещё три корейских мальчика воспитывались в Благовещенском духовном училище⁴. В 1885 г. уже 32 корейских мальчика из сел Корсаковской волости обучались в школах, расположенных рядом с их домами⁵.

Необходимо обратить внимание на типы корейских школ, существовавших в 70-80-х гг. XIX в. на Дальнем Востоке. До 1880-х гг. в России существовали разнообразные типы начальных школ: церковно-приходская школа для поселянских детей, министерская и земская. Получая

¹ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 212.

² Федирко О.П. Очерки истории православного образования... С. 12.

³ Новости // Владивосток. 1886. 2 июня. Л.2.

⁴ Августин (Никитин), архимандрит. Православие у корейцев Забайкалья и Приамурья... С.18.

⁵ Новости // Владивосток. 1886. 2 июня. Л.2.

финансовую и методическую поддержку, они соперничали друг с другом в области начального образования народа.

В 1884 г. после вступления в силу «Правил о церковно-приходских школах» появляется новый тип начального образования – церковно-приходская школа, которая разделялась на два вида: одноклассные с двухлетним сроком обучения и двухклассные с четырехлетним сроком обучения. В одноклассных церковно-приходских школах преподавались Закон Божий, церковное пение, чтение, письмо, начальные сведения по арифметике. В двухклассных к этой программе добавлялось изучение основ церковной и гражданской отечественной истории. В начале XX в. срок обучения в них был увеличен: для одноклассных до трех лет, для двухклассных до пяти. Такое обучение было соотносимо с программой начальных училищ Министерства народного просвещения. Учителями в них были местные священники, а также выпускники духовных учебных заведений. Кроме того, Святейшему Синоду принадлежали школы грамоты с двухлетним курсом обучения, не имевшие статуса полноценной начальной школы, а представлявшие собой самый низший тип начального учебного заведения. Они занимали значительное место в системе образования сельского населения, работали временно. После обучения детей основам элементарной грамотности, т.е. чтению и письму, арифметическим действиям, необходимым в крестьянском труде, школы грамоты закрывались¹.

Церковно-приходские школы и школы грамоты на Дальнем Востоке находились в ведении Камчатской епархии, которая в 1899 г. территориально разделилась на Благовещенскую епархию Амурской области и Владивостокскую епархию Приморской области. При них были созданы Епархиальные училищные советы, решавшие такие проблемы начального

¹ Федирко О.П. Образование и пропаганда на Российском Дальнем Востоке (Государственно-конфессиональные отношения в Советской России и СССР в 1917-1939 годах). Saarbrucken, Deutschland: LAP, 2012. С. 31.

образования, как открытие новых школ, отпуск средств на пособие школам, их оборудование и т.п.

Учебные заведения, находившиеся в ведомстве Министерства народного просвещения (МНП), в Российской империи чаще всего именовались училищами. Наиболее распространенным типом начальной школы являлись сельские одноклассные и двухклассные училища МНП с трехлетним и пятилетним курсом обучения, которые финансировались в основном местными земствами, сельскими обществами и частными лицами. Обязательными предметами преподавания были: в одноклассных училищах – закон Божий, русский язык с чистописанием, арифметика и, наряду с этим, история, география, естествоведение, церковное пение и черчение – в двухклассных. На каждое одноклассное училище полагался один учитель и один законоучитель¹.

На Дальнем Востоке, в отличие от центральной европейской части Российской империи, земства так и не были созданы до 1917 г., поэтому забота об образовании возлагалась на местные власти – на Думу города и на крестьянские сходы (общества) в селах и деревнях. Но вообще начальное образования на дальневосточной территории опиралось на церковь и священников. Причиной такой ситуации является обширность территории России, густая сеть церквей на ее пространстве и высокий уровень образования священников. Церкви занимали первое место по количеству учителей и помещений, царское правительство опиралось на нее при обучении народа, что отражено в «Правилах о церковно-приходских школах» 1884 г.

После вступления в силу указанного документа было осуществлено полное подчинение корейских школ церковному ведомству в лице Камчатской духовной миссии, в которой действовал корейский отдел. Он был разделен на три миссионерских стана: Среднеамурский (включал с.

¹ Федирко О.П. Очерки истории православного образования...С.16.

Благословенное), Корсаковский (с. Корасакова, Кроуновка, Пучиловка и Синельниково) и Янчихинский (объединял села Посьетского участка)¹. С этого времени процесс развития корейских школ приобрел поступательный характер. Сеть корейских школ постоянно расширялись. По данным, приведенным Н.А. Насёкиным, можно представить как происходил рост количества корейских школ.

Таблица 17 – Корейские церковно-приходские школы на Дальнем Востоке России в 1894 г.²

	Село	Число уч-ся	Год открытия	Учитель	Управляющая структура
П О С Ь Е Т	Янчихэ	25	1891	1(Довровский)	Община
	Тизинхэ	28	1893	1(Семён Мин)	Волость, община
	Адими	38	1893	1(Низковский)	Волость
	Красное село	19	не известно	1(Павел Ким)	не известно
	Заречье	26	не известно	1(Николай Югай)	не известно
	Новая деревня	мало	не известно		не известно
С У Й Ф У Н	Корсаковка	39	не известно	1(Михайловский)	не известно
	Кроуновка	32	1885	1(Иван Кунс)	не известно
	Синельникова	28	1888	1(Священник)	не известно
	Пуциловка	35	не известно	2(Священники)	не известно

По представленным данным (табл. 17), в 1894 г. в Приморской области насчитывались 10 корейских школ. На Посьетском участке их было 6, а учащихся - 136. На Суйфунском участке были 4 школы, а учащихся - 134. На Сучанском и Верхне-Уссурийском участках школ не было.

¹ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России... С. 213.

² Сост. по: Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края... С. 20-22.; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук. 1904. С. 352.; Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С. 178.

Земля в Суйфунских селах являлась более плодородной и более плотно заселённая русско-корейским населением¹. При этом, можно отметить, что суйфунские жители относились к воспитанию своих детей более тщательно. Те, кто имели русское подданство, понимали, что знание русского языка и посещение церковно-приходской школы гарантируют детям лучшее будущее.

В 1892 г. в Приморской области в школах обучалось 225–240 детей корейской национальности, т.е. на 73 корейских жителей приходился один учащийся, что было большим прогрессом. В русских селах один учащийся приходился на 123 чел.²

Ситуация в Амурской области была схожа. Так в 1895 г. число учеников школы с. Благословенного Амурской области составляло 40 чел.³ О развитии корейской школы в данном селе упоминалось в отчете С.М. Духовского: «Корейцы с. Благословенного, поселившиеся в Амурской области еще в 1871 г., исповедующие православную веру и воспринявшие уже более или менее русский язык и русские обычаи, в 1894 г. приняты в русское подданство»⁴.

По мнению ученых, до вступления Дальневосточной области (с 1926 г. – Дальневосточный край (ДВК)) в РСФСР среди корейских переселенцев на местах существовали школы разных типов, среди которых особую популярность приобрели миссионерские школы, в которые поступали дети русскоподданных корейцев. Обучение в этих школах обеспечивало упрощенный вариант получения русского подданства и поэтому было весьма популярно среди корейцев⁵.

¹ Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края... С.21.

² Петров А.А. Корейская диаспора в России ... С.218.

³ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 212.

⁴ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора за 1893–1895 гг. С. 28.

⁵ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С.176.

Таким образом, школа играла заметную роль в жизни корейцев. Она была средством воспитания детей корейцев и давала возможность им успешнее устроиться на чужой земле, чем удалось их родителям. Школа была для корейских родителей толчком, который побуждал ассимилироваться в русской системе и обществе. Стремление корейцев к образованию своих детей и подготовки их к максимально комфортной адаптации к жизни на новой родине дополняли друг с друга.

Нельзя утверждать, что все, проживающие на Дальнем Востоке России корейцы, приветствовали создание корейских школ, открытых по инициативе российского правительства. Вышеуказанные данные свидетельствуют лишь о том, что корейские школы строились и незначительное количество корейских детей в них обучалось.

В статье одной из корейских газет «Доклиип шинмун», наоборот отмечается, что корейские переселенцы относились к корейским школам, созданным по инициативе российских властей, негативно и не хотели, чтобы их дети в них учились. «Некоторые родители не хотели учить своих детей в корейской школе. Они даже наняли детей соседа присутствовать в школе, вместо своих детей после того, как администрация приняла их в школу. Хотя родители решили учить своих детей в корейской школе, их дети слушали только урок русского языка и возвращались домой»¹.

Такая отрицательная реакция на российскую корейскую школу основывалась на специфике профессиональной подготовки выпускников корейских школ. «Несмотря на то, что корейские дети окончили начальную или среднюю школу, они работали только писарем, приказчиком, подрядчиком или переводчиком. За 50 лет (после начала корейского переселения-Бэ) не было выпускников с профессиональными знаниями.

¹ Арёнгсилги, [Иммиграция корейцев в Россию] // Доклиип шинмун. 1898. 3 апреля. Л.3.

Только некоторые приобрели знание педагогического и военного характера»¹.

Вместе с тем, невозможность преподавания корейской литературы, заставляла корейские газеты критиковать российские корейские школы. «Российское правительство запретило преподавать «Нон-о» [Рассуждения Конфуция], «Мэнг-за» [Менций], «Шинбокан» [Зеркало разума] в корейской национально школе Соданг. Нам пришлось преподавать эти предметы секретно»². Отмеченные книги являются традиционными учебниками по корейскому языку. Но они были написаны не на корейском языке Хангул, а на старо-корейском языке Ханза.

В то время в Корее существовали два типа корейского языка - письменный и устный. Они различаются не только по типу, но и по форме использования. Устным языком является *Хангул* (современный корейский язык) и письменным - *Ханза* (старо-корейский язык, заимствующий буквы из китайского языка). В конце XIX в. корейцы говорили на *Хангулу*, но писали на *Ханзе*.

Хотя многие люди старались пользоваться *Ханглом* в разговоре и письме, печатные работы осуществлялись на *Ханзой*. Использовали *Хангул* только в тех случаях, когда сообщение ориентировалось на публичность или приобретение популярности, например, официальное объявление правительства, художественное произведение и т.д. При этом, *Ханза* был монополизирован высшим классом *Янгван* (корейской интеллигенцией), который имел и материальные и интеллектуальные основы для приобретения знаний *Ханзы*. Знание *Ханзы* требовалось государственным чиновникам, которые сдавали государственный экзамен *Гоа-го* на *Ханзе*. Тот, кто сдавал *Гоа-го*, мог работать государственным чиновником и назывался *Яннвагом*. Подготовка к экзамену *Гоа-го* занимало долгое время – минимум 10 лет. Для

¹ Арёнгсилги, [Иммиграция корейцев в Россию] // Доклип шинмун. 1898. 3 апреля. Л.3.

² Норёнгзосонин ноннчонзонхвёнги гумсок [Настоящее и будущее формирования корейской деревни на российской территории] // Гэвёк, 1925. 16 июля. Л. 2. С.100-101.

корейского народа *Ханза* и древнекорейская литература на *Ханзе* были признанным, но не обязательным условием для нормальной жизни, при этом эксклюзивным для *Янгван*.

Под влиянием ряда факторов формируется отношение корейских переселенцев к корейской школе и изучению русского языка. По данным Императорского Русского Географического Общества, корейские жители хотели своих детей учить в русской школе в с. Владимир-Александровское, а мест не хватало¹. Несмотря на вышеприведенную статью «*Доклип шинмун*», корейские переселенцы хотели учить своих детей русскому языку и элементарным знаниям арифметики. С 1890-х гг. до 1905 г. сеть корейских школ расширилась, и были открыты школы разных типов.

В конце XIX в., среди корейских переселенцев появляется новый класс «*Он-хо*», русско-корейцы (российские корейцы), которые получили русское подданство. По мнению Ким Донгзина, «они получили землю и занимали более выгодную позицию для обустройства на чужой земле. Они бегло говорили по-русски и гордились тем, что принимают европейский образ жизни»². Однако, нельзя утверждать, что российские корейцы осознавали себя не корейцами, а русскими или европейцами. Это будет поспешный, безосновательный и неакадемическим вывод. Можно констатировать лишь только то, что корейцы всячески стремились облегчить себе жизнь на чужой и новой родине.

Необходимо отметить, что среди корейских иммигрантов существовало два противоположных взгляда на необходимость обучения детей русскому языку. Часть корейских переселенцев хотела учить своих детей русскому языку для их будущего в российском обществе. Другая часть иммигрантов,

¹ Труды Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества... С.11.

² Ким Донггин, Зенодонгпоуй гоаго и хёнзе [Прошлое и настоящее корейцев в России] // Синдонга. 1932. № 7. С.22.

та которая хотела вернуться в родину, отказывалась учить новый язык и обустраиваться на чужой земле.

Первая группа - корейские крестьяне, вторая – политические активисты, борцы за освобождение родины. Конечно, и среди корейских крестьянских семей были те, кто скучали по родине и хотели вернуться домой. Многие из них решили пересечь границу только из-за жизненных трудностей. Знание русского языка было для них обязательным для работы в России. То есть стимулирующих факторов учить русский язык у корейских крестьян было больше, чем у корейских активистов, которые отказывались учить чужой язык ради сохранения чистоты своего родного. Тем не менее, такая разница взглядов сопровождала процесс переселения.

В начале XX в. ситуация резко меняется. Несмотря на поддержку со стороны корейских родителей, корейские школы столкнулись с двумя наиболее острыми вопросами: недостаток финансирования и нехватка учителей.

О финансовых трудностях можно судить по докладу чиновника, командированного в Посытский участок для изучения постановки школьного дела. «Бедное же корейское население, – писал он, – не могло только на свои средства открыть необходимое количество школ и оборудовать их соответствующим образом. Поэтому корейские школы в большинстве своем помещались в неприспособленных помещениях, не имея учебного оборудования и учебных пособий»¹. Многие корейские школы строились в форме фанзовой постройки². Из-за этого корейские школы периодические закрывались.

Большая часть общих расходов приходских школ покрывалась за счет средств православного миссионерского общества. Другим источником для содержания школ были средства, собранные сельскими обществами. В конце

¹ Федирко О.П. Очерки истории православного образования... С. 42.

² Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края... С. 19.

XIX в. все чаще практиковалось отчисление на начальное образование корейских детей определенной суммы с одной обработанной в данной общине десятины¹.

Поддержка со стороны правительства существовала, но была явно недостаточной. На нужды просвещения Приморской области Правительством в 1889 г. было выделено всего 23 769 руб., что составляло чуть более 0,3% от общей суммы областного бюджета в 7 915 497 руб.².

Накануне Русско-японской войны в 28 корейских селах русского Дальнего Востока и во Владивостоке функционировало 35 школ. Только четыре школы из них, т.е. 11,4% от общего количества, числились за Министерством народного образования, хотя и содержались за счет жителей корейских сел. В апреле 1903 г. в с. Нижнее-Янчихэ Николаевское двухклассное училище было передано Министерством народного просвещения в ведение епархиального начальства при условии преобразование его во второклассную школу. Корейское общество выделяло 1 800 руб. ежегодно на содержание школы и одновременно на расширение и применение передаваемых зданий под второклассную школу 2 000 руб.³ В 1904 г. несколько корейских школ было открыто за счёт населения⁴.

«С помощью и энтузиазмом корейских родителей, корейские школы в корейских селениях находятся в лучшем положении. В Янчихинской волости на 21 деревню имеется 12 школ, а в Корсаковской все 4 селения волости имеют школы. Преподавание идет на русском языке. 5 из числа вышеизложенных корейских школ находятся в ведении Министерства

¹ Петров А.А. Корейская диаспора в России... С. 214.

² Петров А.А. Корейская диаспора в России ... С.218.

³ Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1903 год. Школьное дело среди корейцев // Владивостокские Епархиальные Ведомости. 1904. № 11. 1 июня. С. 232.

⁴ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С. 178.

народного просвещения, остальные числятся церковно-приходскими и школами грамоты»¹.

Несмотря на трудности финансирования, сеть корейских школ, особенно церковно-приходских, при строительстве которых церковь обеспечивала материальную поддержку, постоянно росла. Церковь решила и другую проблему корейской школы – они не имели хороших учителей. В конце 1870-х гг. активно шло замещение должностей учителей в корейских школах служителями церкви. Священники, как правило, проживали при школе. Им отводилась одна или две комнаты в здании школы. Некоторые миссионеры осуществляли надзор сразу за двумя или даже тремя школами из-за нехватки персонала в составе миссии. Эта практика сохранялась и в будущем. Так, священник Корсаковской церкви отвечал за школы в Корсаковке и Кроуновке².

В 80-е гг. XIX в. было осуществлено полное подчинение корейских школ церковному ведомству в лице Камчатской духовной миссии. По данным на 1885 г. школьным образованием в миссии было охвачено 208 детей, из которых 93 ученика (44,7%) были корейскими детьми³. Сеть корейских школ под управлением церкви была улучшена и обеспечена.

Таблица 19 – Состояние школьного образования среди корейского населения Приамурского генерал-губернаторства в 1903–1904 уч. г.⁴

Название населенного пункта	Количество школ	Год открытия	Численность учителей	Численность учащихся
Тизинхэ	1	1868	2	91
Нижне-Янчихэ	2	1872, 1900	2	73

¹ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае... С. 76.

² Сон Т.А. Система образования корейского населения на Дальнем Востоке России... С.110

³ Школьное дело в корейских селениях //Владивосток. 1886. 1 мая. Л. 2

⁴ Составлено по: Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1903 год. Школьное дело среди корейцев // Владивостокские Епархиальные Ведомости. 1904. № 11. С. 230-240.

Благословенное	1	1873	1	65
Корсаковка	2	1883, 1897	2	74
Кроуновка	1	1885	1	32
Пуциловка	3	1887, 1900, 1902	3	110
Синельниково	2	1888, 1899	3	87
Заречье	1	1890	1	54
Нижне-Адими	2	1890, 1900	3	82
Красное село	1	1891	1	48
Таудеми	1	1892	1	33
Сидими	1	1895	1	38
Николаевка	1	1895	1	24
Рязановка	1	1896	1	33
Краббе	1	1897	1	45
Нагорное	1	1897	1	21
Новая Деревня	1	1897	1	25
Фаташи	1	1897	1	34
Верхне-Янчихэ	1	1898	1	32
Александро-Михайловка	1	1899	1	20
Осиповка	1	1899	1	26
Андреевка	1	1900	1	33
Барановка	1	1900	1	14
Буссе	1	1900	1	29
Верхне-Адими	1	1900	1	26
Кедровая Падь	1	1900	1	24
Сухановка	1	1900	1	16
Казакевичево	1	1902	1	38
г. Владивосток	1	1902	1	38
Итого	35	-	38	1265

Как отмечали современники «отсутствие школ в 92 деревнях из общего числа 118 корейских селений и малая обеспеченность половины корейских школ учителями, препятствующая им вести дело народного образования с

должным успехом, является печальным фактом в жизни крестьянского населения Южно-Уссурийского края¹».

Кроме того, корейские школы сталкивались с недостатком финансирования. Царское правительство мало заботилось о развитии школьного образования. За 15 лет, с 1892 по 1907 гг., оно израсходовало на содержание Дальневосточного края 780 млн руб., из которых 78,4 %. отпускалось на чисто военные мероприятия, а на народное образование – 0,7% общей суммы². Поэтому содержание школ опиралось на средства населения и их желание дать образование детям.

Состояние развития начального образования среди корейских детей улучшилось в 1910-е гг. По данным В. Антонинова, владивостокского епархиального наблюдателя, в Новокиевской школе новые учащиеся читали уже на 58 странице букваря Михеева на хорошем уровне. Он видел причину этого в том, что учителя этих школ – корейцы, окончившие учительскую семинарию³. Но улучшение произошло не только у студентов.

На Дальнем Востоке корейские школы, созданные в дореволюционный период, по источнику финансирования можно разделить на три типа: частные, содержавшиеся на средства самого корейского населения; министерские, созданные Министерством народного просвещения, и миссионерские, находившиеся в ведении Святейшего Синода.

В конце XIX в. частные корейские школы появляются в форме *Соданг*, которые содержались на средства меценатов. *Содонг* был традиционной начальной школой в Чосоне для юношества. Такая школа занимала одну комнату в доме у частного владельца. В ней нет учебных пособий, нет

¹ Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1904 год... С. 233.

² Чернышева В.И. Из истории революционного движения на Дальнем Востоке за 1905–1907 гг. Хабаровск: Книж. изд-во, 1955. С. 6.

³ Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1913 год // Владивостокские епархиальные ведомости. Владивосток. 1914. № 5–6. С. 14

квалификационных преподавателей, нет обязательного для школ оборудования. Но только в частных школах велось преподавание сразу на двух языках: русском и корейском, и именно они были наиболее востребованными в районах компактного проживания корейцев.

Предпосылками для развития сети частных школ стали международные события.

В начале XX в. политическая ситуация в Корее усложняется. С успехом в русско-японской войне Япония усилила свое влияние на Корейском полуострове. 28 августа 1910 г. (по корейскому календарю) Япония полностью его оккупирует и устанавливает управление вместо династии Ли. В это время активизируется корейское переселение на российскую территорию. Среди мигрантов было много интеллигенции и политических активистов, которые видели свое призвание в побуждении корейского народа к участию в движении за освобождение своей Родины от Японии. Накануне русско-японской войны активисты перенесли центр национального движения за освобождение Кореи на Дальний Восток России.

После переселения активисты начали заниматься повышением уровня корейских переселенцев в сферах образования и культуры. Они старались построить новую корейскую национальную школу и поддерживать ее. По их мнению, «... если мы не учим наших детей, не сможем достичь независимости Родины, и, следовательно, не сможем перестать жить в угнетенном состоянии. Все корейцы на российской территории, давайте объединим усилия и выстрадаем образование для следующего поколения»¹.

Они продолжали призывать соотечественников участвовать движении народного просвещения. «Воспитывают детей, кормят и заботятся о них не только люди, но и животное. Тем более, самая важная обязанность родителей – повышать уровень знаний и нравственности своих детей. Старый мудрец

¹ Хэсамуй ханингэозуминуй гёюквие дэхван ипяксео [Объявление корейцам во Владивостоке о финансовой поддержке в получении образования] // Дэдонггонгво. 1909. 9 сентября. Л.3.

говорил, что для правильного воспитания своих детей, лучшее учить их азбуке, чем дать им ящик с золотом»¹.

В 1916 г. многие российские корейцы, имеющие русское подданство, участвовали в Первой мировой войне, что привело к изменению в их сознании. «На войне они узнали, как другие национальные меньшинства сохраняют свою идентичность. Они были впечатлены этим, и у них происходило изменение в собственном сознании. После возвращения они старались расширять сеть корейских школ. Возвратившиеся офицеры пошли в корейскую деревню работать преподавателями военных предметов»².

Призывы к необходимости образования корейских детей звучал и с другой стороны. Корейская газета в Чите «Дэхванин зонгёво» так же подчеркивала важность образования. «Говорят в образовании самым важным является образование в школах. Не было бы школ, не появилась бы и цивилизация, и не развивались бы Германия и Британия. Чтобы избежать жалкой ситуации и жить богато, как другие, наша национальность тоже должна учить растущих детей в школе. Школы обязательно должны быть обеспечены оборудованными классами и детской площадкой, и конечно – учениками. Для достижения этого, либо у нас должно быть правительство, которое приказывает учить детей и помогает с финансированием, либо весь народ должен осознать свою миссию, с которой он столкнулся. О настоящем состоянии корейских переселенцев в Приморском крае можно сказать: у них нет правительства и желания учить своих детей самим. Мы не нашли решения и только кричим о школьном образовании в небо каждый день днём и вечером. Пожалуйста, давайте объединим наши усилия и воспитанием наших детей изо всех сил»³.

¹ Чонгнёнзанёы бухёнгдоин идуилке goham [Обращаемся к родителям малолетних детей] // Квонопшинмун. 1913. 25 августа. Л. 1.

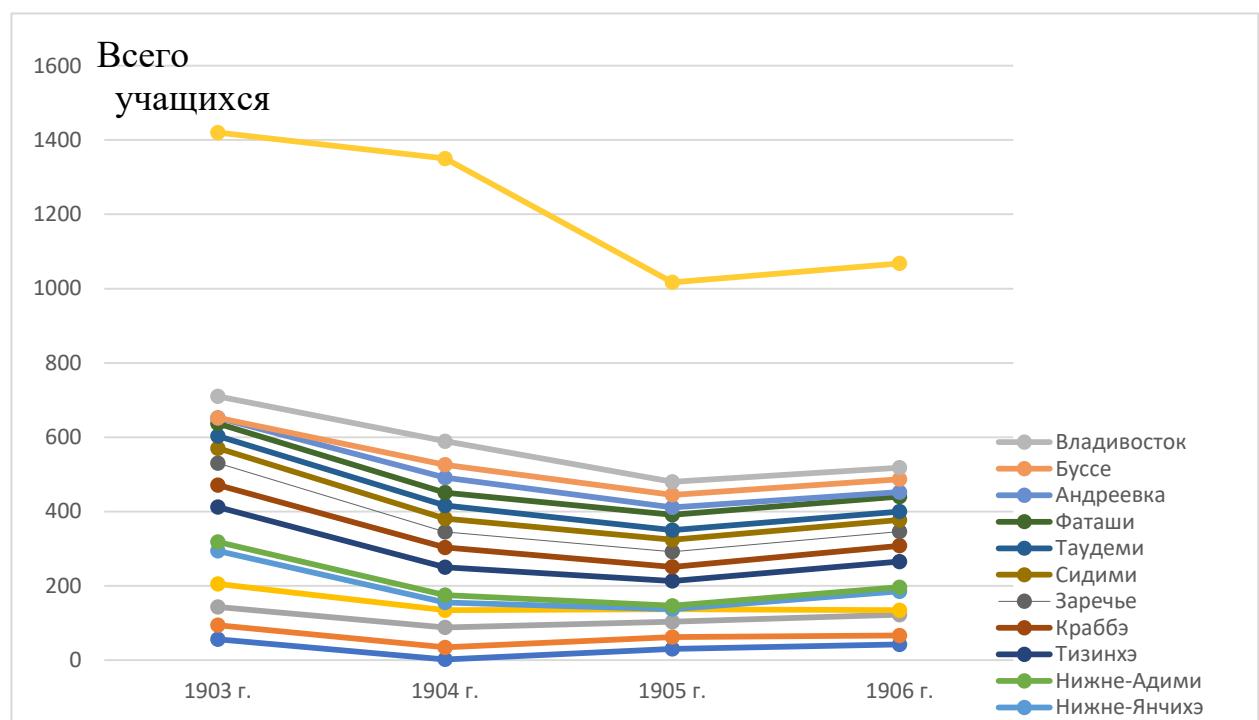
² Ким Донгзин Зенодонгпоуй гоаго и хёнзе [Прошлое и настоящее корейцев в России] // Синдонга. 1932. № 7. С. 8.

³ Хакгёло малхамён [О школе] // Дэхванин Зонгёво. 1914. №9. С. 9.

Немного раньше, в 1898 г. о проблемах корейских переселенцев сообщила корейская газета «Докллп шинмун». Она выходила в Шанхае и уделяла большое внимание жизни корейских переселенцев в России. В своих статьях, особенно после переселения в Приморье корейских активистов, газета призывала активизировать работу по обучению и образованию детей; призывала корейских переселенцев, тех, кто был богатым, по собственному желанию жертвовать деньги на это благое дело, а тех, кто были образованными, заняться обучением детей¹.

Участие корейских активистов в школьном деле оказывало влияние и на развитие уже существующих корейских школ.

Таблица 18 – Динамика численности корейских учащихся в церковно-приходских школах и школ грамоты в 1903–1906 гг.²

¹ Доклипшинмун [Шанхайская версия] // Арёнгсилги. 1898. 3 апреля. Л.4.

² Сост. по: Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1903 год // Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. № 11. 1 июня. С. 234; Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1904 год // Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. № 10. 5 мая. С. 226–230; Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1905 год // Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. № 12, 13, 15 июня. С. 252–255.

*Подсчитано – Бэ Со-ён

В 1903 г. в церковно-приходских корейских школах училось всего 710 учащихся. В 1904 г. их количество увеличилось до 761 чел., а в 1905 г. число снизилось до 537 чел. В 1906 г. опять возросло до 550 чел. Почти 30% всех учащихся «потерялось» за год.

Причину снижения количества учащихся в 1905 г. по сравнению с 1904 г. можно искать в разных факторах. Так, например, количество корейских переселенцев увеличилось с 32 298 чел. в 1901 году до 46 430 чел. в 1907 году¹. Но количество корейцев не является причиной изменения численности школьников. В основном это были начальные школы, и русско-японская война и мобилизация не могли значительно повлиять на понижение количества числа учеников. Тем не менее, нестабильная ситуация влияла на присутствие учащихся в школе. После окончания войны, в 1905 г. множество учащихся вернулись. Но два года (1903-1905) 28% всех учащихся не ходили в школу.

В 1914 г. на российском Дальнем Востоке появляется корейская национальная школа «Ханмин» начального уровня. Она начинает играть центральную роль в национальном образовании корейцев. Управляет школой общество «Квонопхэ», которое стало занимать главное место среди корейцев в Приморском крае. Под его контролем действует сектор образования,

¹ Ли Санггун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России]... С.52.

который контролирует школу *Ханмин* и другие корейские национальные школы.

Квонопхэ сосредотачивает внимание на организации образования и воспитания будущих активистов, борцов за освобождение родины. В это время строятся корейские национальные школы и распространяется образование на Сучане¹. Корейцы относились к деятельности *Квонопхэ* с энтузиазмом. Они передавали деньги, учебные пособия, и даже своё домашнее имущество этим школам, старались пригласить хороших преподавателей и оборудовать школы всем необходимым².

В начале XX в. корейская национальная школа выполняла центральную роль в корейском сообществе. Через школу происходило объединение корейских переселенцев. Цель функционирования данных школ проста – воспитывать корейцев и освободить свою Родину. Корейская национальная школа пользовалась особой популярностью среди тех корейских переселенцев, которые покинули Родину по политическим причинам. Данный тип школы активно развивался в Приморском крае на пожертвования самих корейцев.

В 1910 г. в Сучанской волости строится много корейских национальных школ. В с. Удими на пожертвования была построена корейская национальная школа имени «Хёнванг». В газете были указаны имена меценатов и сообщалось публично об их пожертвованиях. Таковыми являлись жители Сучана – Го Сонгук, Пак Чий-ё, Лю Хвазэ и др.³

Несколько состоятельных корейцев открыли школы по собственной инициативе. Например, Ю Ёнгтэк открыл школу в своей доме и именовал её «Хонгдонг». В его школе обучались 20 учеников⁴. В с. *Хангу* (Крауновка –

¹ Сосиг [Новости] // Квонопшинмун. 1914. 28 февраля. Л. 3

² Сосиг [Новости] // Хэзошинмун. 1908. 3 мая. Л. 2.

³ Гёюкуи ёлсим [Стремление к образованию] // Дэдонггонгво. 1910. 1 июля. Л. 2.

⁴ Овонгдонг хонгдонгхакгё [Школа Хонгдонг в с. Удими] // Квонопшинмун. 1913. 15 сентября. Л. 2.

С.Б.) открыл школу «Синму» Занг Вэктол, в школу поступили много учеников, «и их численность увеличилось с каждым днём». Занг Вэктол отмечал, что «ситуация желательна»¹.

В с. Хэзенонгпёнг² была построена школа по инициативе Ли Зава, О Мэнгзуна и Ким Кёнгсама. Они были пожилыми людьми и относились к образованию с большим вниманием. Обойдя село, они убедили корейцев жертвовать деньги на открытие и содержание школы³.

В с. Танглангсу⁴ в 1910 г. завершился ремонт помещения школы, и она готова была принимать учеников. Шестого сентября по лунному календарю была проведена торжественная церемония открытия школы⁵.

В другом селении на реке Суйфун, где проживало 30 семей корейцев, с помощью богатых поселенцев была построена школа «Гэсонг». В результате добровольных пожертвований было собрано 250 вон на содержание школы и принято на обучение 30 учеников. Под здание школы реконструировался частный дом Зонг Зэсона⁶.

В 1912 г. в с. Николаевском школа уже несколько лет работала школа «Вохунг», но из-за недостаточного финансирования была закрыта. Благодаря денежным пожертвованиям 40 человек удалось собрать 94 руб. 97 коп., что позволило школе продолжить свою деятельность. Одним из жертвователей была Хан Иксама, которая отдала на содержание школы все свои сбережения. Хан Иксама была не богата, она зарабатывала на жизнь

¹ Чуфунгэ ду хакгёга натанам [Появление двух школы в Суйфуне] // Квонопшинмун. 1913. 15 сентября. Л. 4.

² В статье не указывается русское название села.

³ Хезенонгпёнгуи хакгёсолип [Создание школы в с. Осиповке] // Квонопшинмун. 1913. 15 сентября. Л. 3.

⁴ В статье не указывается русское название села. Хотя можно догадаться – это село Манчундонг, где жили примерно 40 семей корейцев и оно находится рядом с рекой Танглангсу.

⁵ Танглансю Хакгё гэхвак [Открытие школы в с. Танглангсу] // Квонопшинмун. 1915. 15 сентября. Л.2

⁶ Овонгдонг Гэсонгхакгё /[Школа Гэсонг в Овонгдонг] // Квонопшинмун. 1913. 22 сентября. Л. 2.

шитьем, но хорошо понимала необходимость получения образования. Директор данной школы Ким Сухак, чтобы уменьшить расходы и покрыть недостаток финансов, работал бесплатно, не получая за свой труд заработной платы. Благодаря помощи меценатов школа процветала¹.

В *Мокхвоу* (Посыет- С.Б.) также была открыта новая школа по инициативе местных жителей Пак Гёнггуин, Чой Онгук и других местных богатых корейцев. Директор школы Пак Сенггуин из своих средств передал в фонд школы 100 вон, их хватило на содержание школы на целых три года, определенные суммы на содержание школы жертвовали местные состоятельные корейцы внесли пожертвования. В школе обучалось 20 учеников. Учитель Ким Зонгсам работал без оплаты².

В 1913 г. в с. *Соваонглёнг* (Никольск-Уссурийский – С.Б.) была открыта школа «Донгзин», которая размещалась в частном доме местного жителя Зо Вёнгтю. Школа поддерживалась силами местных жителей: Ким Вонгтюн (5 руб.), Ким Изик (1 руб.), Лю Вёнгхва и Канг Сонгим (50 коп. каждый)³. Численность школьников не известна, но учитывая то, что в селе проживали 40 корейских семей, школа считалась небольшой.

В 1913 г. вновь заработала благодаря финансовой помощи состоятельных корейцев школа «Липсин». Из-за финансовой трудности она периодически закрывалась. Чтобы управлять школой более эффективно, было решено в целом изменить структуру организации ее работы. В газете были объявлены результаты изменений и названы имена людей, ставших новыми руководителями школы - директора, бухгалтера, декана и т.д.⁴

¹ Хонганд Вохунгхакгё [Школа Вохунг в Николаевске] // Квонопшинмун. 1912. 10 июня. Л. 3.

² Мокхвоу Сэхакгё [Новая школа в Посыете] // Квонопшинмун. 1912. 23 декабря. Л.2.

³ Сованглёнг донгпоуи андонгоа донгзинхакгё [Школа Донгзин и хорошее состояние соотечественников в с. Никольск-Уссурийск] // Квонопшинмун. 1913. 6 июля. Л. 2.

⁴ Липсинхакгё зунгхунг [Возрождение школы Липсин] // Квононшинмун. 30 апреля 1913. Л.3.

В газете так же были опубликовали имена тех, кто пожертвовал на школу и суммы пожертвований. Из статьи от 13 ноября 1913 г.: «Ким Лёнгсоп - 10 руб., Ан Гунзин - 10 руб., Ли Хвалёнг - 10 руб., Зо Заён - 10 руб., Ким Лёнгхва - 20 руб., Хванг Сундок - 10 руб., Чой Чонгун - 10 руб., Пак Сунгын - 10 руб., Занг Дунчон - 10 руб., Син Ынглёнг - 10 руб., Ким Иксе - 10 руб., Занг Сокхван - 15 руб., Ким Сунго - 10 руб., Лин Хёнгхо - 15 руб., Хо Хваун - 5 руб., Хонг Воик - 10 руб., Ли Чангзун - 10 руб., Нам Чунхва - 10 руб., Хён Хоё - 5 руб., Ким Хёнго - 10 руб., Ким Сихва - 15 руб. Как видно, многие *донгпо* (родственники – С.Б.) любят нашу школу, и мы выражаем им благодарность. Школа «Зонгво» в с. Николаевске»¹.

Интересно, что жертвователи были перечислены не по величине суммы пожертвования и не в алфавитном порядке. Они упоминаются по дате пожертвования. В то время корейская газета размещала информацию подобного рода платно: на первой странице - 10 коп., на второй - 15 коп., на третьей – 15 коп., на четвёртой – 5 коп.² Тем не менее, несмотря на сложное финансовое положение, школа оплачивала подобные публикации, платила в знак благодарности меценатам и для поощрения благотворительной деятельности.

Кроме того, на собранные деньги школами проводились собственные благотворительные мероприятия. Так был открыт рынок лечебных трав на территории школы. «Чтобы поддерживать нашу школу, продаем качественные лечебные травы. Прошу тех, кто читает эту информацию. Пожалуйста, покупайте травы и помогите школе. Сообщите о нас друг к другу. Школа «Вохун» в с. Николаевск Гэчокли»³. Выручка была передана нуждающимся ученикам⁴.

¹ Хакгё ыёng гванго [Сбор пожертвований на школу] // Квонопшинмун. 1913. 13 ноября. Л. 2.

² Чонгнёндонгпоуи зебарануин ба [Обращаемся к нашим младшим соотечественникам] // Квонопшинмун. 1912. 25 мая. Л. 1.

³ Сосиг [Новости] // Квонопсинмун. 1913. 9 марта. Л. 3. (на корейском языке)

⁴ Хаксенг хувонгум [Стипендия студентам]// Квонопсинмун. 1913. 30 апреля. Л. 2.

В 1913 г. исходя из данных докладной записки преподавателя школы «Хонгсокдонг» Хванг Мёнгсок, который составил сводку о состоянии 17 школ Хонгсокдонг в долине реки Сучан, экономическая ситуация в них была плачевной. Месячная зарплата преподавателей составляла 20 вон, но два с половиной месяца она не выплачивалась¹. Материальное положение школы в июле было тяжелым: не было никаких денежных средств для подготовки школы к новому учебному году. Годовой бюджет в среднем по школам был следующим:

Таблица 20 - Бюджет корейской школы в 1914 г.²

Доходы	Расходы
1. Перенесён из предыдущего года: 200 руб. 2. Долг местных жителей: 135 руб. 60 коп.	1. Зарплата преподаватели: 360 руб. 2. Износ основных средств 3. Масло для лампочки: 10 руб. 4. Специальный потребность: 55 руб. 5. Непредвиденные расходы: 65 руб. 60 коп.
Всего: 515 руб. 60 коп.	Всего: 515руб. 60 коп.

Бюджет школ во многом зависел от пожертвований местных жителей, но пожертвования не покрывали расходы. Большую часть расходов составляла зарплата учителя. В виду этого был жесткий дефицит учебников, т.к. благосостояние обучающихся было крайне низким.

Между тем, круг людей, участвующих в денежном пожертвовании в пользу корейских национальных школ, расширялся. На содержание школы в своей местности крупные хозяйства и родители учеников вносили деньги обязательно.

Одна семья вносила на организационные и образовательные расходы два раза в год (весной и зимой) по 2 руб. Родители школьников платили за образование 2 руб. в год и дополнительно 50 коп. перед каждой новой

¹ Ли Санггун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России]... С.242.

² Ли Санггун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России]... С.242-243.

сессией. Чтобы восполнит дефицит в годовом бюджете школы, руководство школы выбирало человека, который организовывал сбор денежных пожертвований и готовил ходатайство для русской администрации о выделении субсидии на содержание учебного учреждение.

Например, школа «Гедонг» организовывала День гармонии родителей со школой, во время которого было собрано пожертвований на сумму 212 руб. 50 коп. Школа получала субсидию в размере 2 000 руб., но средства от пожертвований и субсидии не покрывали ее потребности. Годовой бюджет одной школы составлял около 2 500 руб.¹

В 1916 г. в Хабаровске школа «Мундок» так же открылась при финансовой помощи местных жителей. С развитием школы в курс обучения здесь ввели как предмет изучение *Ханмун*. При этом был сформирован педагогический класс, для подготовки преподавательских кадров на *Ханмун*. Организаторы собрали пожертвование в с. Николаевск в сумме 1 000 руб. и под новый класс перестроили частный дом, подаренный местным жителем Ли Дэю. К обучению в новом классе приступили 10 студентов из разных корейских селений, что было признано хорошим началом. Родители студентов тщательно поддерживали работу курса. Впоследствии этот курс был известен как один из самых успешных по материальному обеспечению и уровню образования выпускников².

В то же время корейцы считали, что преподавателей на *Ханмун* было недостаточно. То есть, среди проживающих на Дальнем Востоке России корейцев ощущалась потребность образования на *Ханмун*, будущее своих детей многие корейцы связывали со знанием *Ханмуна*.

Среди корейцев было популярно учить русский язык. Тот, кто умел говорить и писать на русском языке на уровне средней школы, имел

¹ Ли Санггун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России]... С.243

² Савомгоа хаксэнгмозип [Приём на педагогический курс]// Ханин шинво. 1917. 30 сентября. Л. 2.

возможность поступить в военную академию после окончания годовой курса на подготовительном факультете. А тот, кто имел более высокое образование, мог поступать в академию напрямую¹.

С ростом стремления, проживающих на Дальнем Востоке России корейцев, к освобождению родины в их среде росло и понимание важности ведения преподавания в школах на *Ханмун*. Наряду с этим, корейцы уже оценили необходимость изучения русского языка, не принижая важности обучения подрастающего поколения языку корейскому.

Корейские национальные школы продолжали широко распространяться среди корейцев. С 1894 по 1921 г. их открылось 161. До 1917 г. было построено 8 корейских национальных школ, в 1918 г. – 8, в 1919 г. – 2, в 1920 г. – 22 и в 1921 г. – 33². Учитывая то, что даты открытия многих национальных школ не известны, и многие школы открывались и управлялись по частной инициативе, указанные данные являются, в какой-то мере, приблизительными. Более того, с 1901 по 1907 г., с массовым переселением на российскую территорию корейский активистов, значительное количество национальных школ было открыто в больших населенных пунктах, таких как Никольск-Уссурийский, Владивосток, Хабаровск.

Учебная программа корейской национальной школы была похожа на учебную программу российской школы – в начальном курсе русский язык, литература, география, арифметика, искусство, музыка, физкультура, танцы.

В средних классах добавлялись геометрия, алгебра, зоология, ботаника, естественная история. Один предмет преподавался месяц. Каждый месяц ученики учили новый предмет 4-5 часов в день. Математика же

¹ Сагангёюкгоа рурёнгчонгнёны дёхунгихве [Хорошая возможность для молодёжи на русской территории] // Квонопшинмун. 1913. 4 апреля. Л. 3.

² Ли Санггун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России]... С. 246.

преподавалась каждый месяц¹. Обязательным в национальных школах являлось изучение всех предметов на корейском языке. Нехватка учебников на корейском языке существовала повсеместно. Книжная печать на корейском языке оставалась проблемой до советского времени.

С увеличением численности корейских национальных школ появилась еще одна проблема. Количества учителей, преподававших на родном языке, было совершенно недостаточно по сравнению с реальным количеством учеников. Были попытки выйти из положения разными способами: грамотные люди вступали в волонтёры и шли учителяствовать, зачислялись в преподаватели достойные выпускники школы. Но потребность в учителях таким образом не могла быть удовлетворена. Среди корейцев звучали призывы к созданию педагогической школы для корейских национальных школ.

В 1911 г. появилось и начало активизироваться движение за создание корейской педагогической школы. Для создания такой школы одним из первых было выбрано место на Сучане², где в 1868 г. было построено первое корейское село Никольское, и где с тех пор проживало много корейских переселенцев.

После открытия в 1911 г. корейской педагогической школы, школа год за годом испытывала нехватку финансов. Местные жители всеми силами старались её поддерживать. Так, например, активисты села Пак Севонг и Пак Сонгсим, которым к этому времени было по 60 лет, обошли село, собрали рис и пожертвовали его школе. Их соседи Ким Вёнгрёнг и Пак Гүинсон призвали каждого селянина пожертвовать школе по 10 коп.³.

Корейские педагогические школы размещали рекламу о приеме в школу в газетах. Например, в 1917 г. школа «Сазе» так приглашала студентов на

¹ Ли Санггун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России]... С. 254.

² Гёюк ёлсим [Стремление к образованию] // Квонопшинмун. 1913. 5 июня. Л. 3.

³ Накгио-хувонгум [Пожертвование на школу] // Квонопшинмун. 1913. 5 июня. Л. 4.

обучение: «Наша школа, создав класс *Ханмун* (старый корейский язык) и обучая детей ему, осознала главное условие развития образования среди корейцев - воспитание преподавательских кадров – составила педагогический курс и принимает студентов. Объявляем необходимые требования к квалификации абитуриента для приёма и предоставляем общую информацию об условиях обучения. Надеемся на вашу заинтересованность.

Во-первых, для поступления к нам необходимо окончить среднюю школу или иметь знание и образование соответствующего уровня,

Во-вторых, учеба начнется 1 сентября по лунному календарю,

В-третьих, остальные условия обучения зависят от школы»¹.

Как видно из данной статьи, поступающим в педагогические школы должны не только получить образование на уровне средней школы, но и иметь знание и образование соответствующего уровня. Разумеется, что среди корейских студентов имелись выпускники средних учебных заведений, но были и те, кто не соответствовал декларированным требованиям. Тем более, что не было четко определено понятие средней школы – это корейские (национальные) или российские средние школы.

Все это позволяет утверждать, что в начале XX в. в корейском сообществе на российском Дальнем Востоке признавалось полученное образование не только в корейских, но и в российских школах. Потребность обучения детей на *Ханмуна* означает, что уже к этому времени среди корейских детей встречались студенты, которые знали *Ханмун*, традиционный корейский язык. Тем более, корейцы стремились повысить уровень образования в сети корейских школ и у самих студентов.

В 1918 г. по инициативе корейцев была открыта одна из первых педагогических школ в Никольск-Уссурийском. В первый год после открытия там работали два подготовительных факультета, учеба проводилась

¹ Савомгоа хаксэнгмозип [Приём на педагогический курс] // Ханин шинво. 1917. 30 сентября. Л. 2.

на корейском и русском языке из-за недостатка преподавателей, владеющих корейским языком. Школа периодически закрывалась в период Гражданской войны с 1917 по 1922 г. В конце концов в 1924 г. она была закрыта, в связи с отсутствием выпускников¹. Между тем, ее кратковременное существование имело важное значение, как функционирование первого педагогического института, созданного по инициативе самих корейцев. Их постоянное стремление к подготовке преподавательских кадров осуществилось спустя некоторое время.

Оценивая положение школьного дела при царизме, можно констатировать, что у корейцев оно получало определенное развитие. Школы, как правило, строились за счет пожертвований при небольшой помощи казны или духовенства. Уполномоченный министерства иностранных дел России В.В. Граве отмечал, что «деятельность правительства в школьном деле должна сводиться.... не к расширению сети первоначального образования корейцев, так как оно само идет вперед, а к поддержанию начинаний корейцев в этом направлений»².

Развитие школьного дела до революции опиралось на помощь местной администрации, на материальное и нравственное содействие русских меценатов. Для школьных нужд выделялись субсидии из средств, отпускаемых на развитие региональных территорий, из экстраординарных сумм, а также различного типа пожертвований³.

Несомненно, на развитие школьного образования влияло изменение состава корейских мигрантов. Накануне русско-японской войны на российскую территорию переходило много корейских активистов. Среди корейских переселенцев появилась тенденция, подчеркнуто воспитывать

¹ Ондонгесои зосонин гёюкбалзонгоа борошилов си гёюкзоумунхакгё [Ворошиловский педагогический институт и развитие образования у корейцев на Дальнем Востоке] // Сонбонг. 1936. 4 апреля. Л. 2.

² Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье... С. 188.

³ Кузин А.Т. Корейская эмиграция... С. 174.

детей в корейском менталитете, сохраняя и развивая культурные традиции и ценности, основным элементом которых был язык. Сохранение родного языка воспринималось как основное условие повышения национального самосознания и достижения, в конце концов, главной цели - освобождения Родины от японских захватчиков.

Не все, проживающие на Дальнем Востоке России корейцы, были ориентированы только на борьбу за освобождение Кореи от японских оккупантов. Те, кто прибыли на российскую территорию по экономическим причинам в середине XIX в., убегая от бедности, наводнений и голода, покидали родину семьями со всем своим скучным скарбом. Они старались устроиться и адаптироваться в совершенно новом для них обществе и отчетливо понимали, что для этого они должны знать язык и культуру принимающего общества.

Переселенцы второго этапа (в начале XIX в. до 1910 г.) в большей мере состояли из политических активистов и интеллигенции, которые, избегая притеснения Японии, переходили на российскую территорию без семей и старались создать здесь новую базу национального освободительного движения и вернуться на Родину.

Между представителями этих миграционных потоков возникали разногласия по поводу образования детей. Но в 1910 г., когда их родина потеряла суверенитет, в вопросе образования корейских детей на чужбине, они пришли к компромиссу. Хотя активисты продолжали работу по организации освободительного движения, они понимали, что будут вынуждены находиться в изгнании долгое время, что должны жить на чужой земле до того дня, когда их страна станет свободной и они смогут вернуться на родину. Для этого они старались адаптироваться к жизни в России и сохранить свою национальную корейскую культуру, элементами которой были язык, литература, музыка и т.д. Это, по их мнению, поможет

оформлению и развитию характерного национального самосознания у детей корейских переселенцев.

Развитие корейского образования в советский период. Поток корейцев-мигрантов в дальневосточный регион не уменьшался ни в период революций 1917 г., ни во время Гражданской войны. Власть стремилась различными способами вовлечь корейцев в социалистическое строительство, для чего развивали сети образовательных и просветительных учреждений.

В первую очередь Советская власть постаралась избавиться от «царского наследия» в учебной программе. Началась перестройка общеобразовательной школы на основе программных требований партии и первых декретов Советской власти. 25 февраля 1918 г. исполком краевого Совета на основе декрета Советского правительства опубликовал приказ о запрещении преподавания в школах Закона Божьего, что объяснялось стремлением отделить церковь от государства и школы от церкви.

В 1918 г. был сформирован специальный орган – Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос)¹. На него возлагалось общее руководство народным образованием в РСФСР и установление его общих принципов, объединение просветительной работы на местах, составление общегосударственной сметы и решение других принципиальных вопросов.

Мероприятия краевого Комиссариата просвещения в деле народного образования находили активную поддержку и сочувствие со стороны трудящихся корейцев Приморской области. Они поставили перед Комиссариатом вопрос о реформе корейских школ и их реорганизации. «Чтобы сплотить учителей и мобилизовать их на проведение реформы школы, по инициативе корейских революционеров 24 мая 1919 г. в Никольск-Уссурийском был созван съезд корейских учителей. Делегаты

¹ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С. 182.

съезда не были однородны по своим политическим и педагогическим убеждениям, поэтому все вопросы подвергались бурному обсуждению»¹.

Всю деятельность СССР в области народного образования на Дальневосточной территории можно разделить на два периода.

Первый период – с момента образования Министерства народного просвещения до принятия правительством ДВР закона «О единой школе» (с 16 апреля 1920 г. до 30 июня 1921 г.). Этот период характеризуется огромной организационной работы в центре и на местах. За это время был образован управлеченческий аппарат, упразднены остатки феодализма, неравенства в общеобразовательной школе, подготовлены педагогические кадры и созданы условия для проведения коренной реформы школы. Например, с созданием Министерства народного просвещения ДВР областных, уездных и городских отделов народного образования на местах образовалась единая государственная система школ и просветительных учреждений².

23 декабря 1920 г. была отмена плата за обучение детей. Все расходы на содержание учителей и учащихся государство брало на себя³. После 1-ой Государственной конференции по народному образованию января 1921 г., был принято положение «О единой трудовой школе РСФСР»⁴.

Второй период – от принятия правительством закона «О единой школе» до воссоединения ДВР с Советской Россией (с 20 июня 1921 г. до 16 ноября 1922 г.). В течение этого периода закончилась ломка старой, началось строительство новой школы⁵.

24 июня 1921 г. Совет Министров ДВР утвердил положение «О единой школе», которое, упразднив буржуазно-помещичью систему народного

¹ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С. 182.

² Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С. 184.

³ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С. 184

⁴ Декрет от 16 октября 1918 г. Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)».

⁵ Половинчук Е.Н. Из истории народного образования в Приамурье... С. 24.

образования, установило, что «во всех школах республики вводится единая система образования и воспитания, объединенная общностью целей, преемственностью содержания и основанная на трудовых принципах преподавания»¹. Тридцатого июня того же года закон «О реформе школы» был принят.

Вместо различных типов общеобразовательных школ вводилась единая школа. Она делилась на две ступени: I ступень – начальная, для учащихся I–IV классов, II ступень – средняя, для учащихся V–IX классов².

Самой большей проблемой при организации школ и развертывания дела народного образования среди корейцев являлась недостаточность количества и качества кадров учителей. Растущая школьная сеть, появившись новые участки работы, такие как детские дома, требующие также культурных хорошо образованных педагогических кадров. Имеющиеся кадры учителей не были подготовлены в духе времени, мало было учителей, преданных Советской власти или хотя бы лояльно настроенных. По данным ДальОНО, в 1923 г. 60% учителей начальных школ не имело общего среднего и специального образования³.

Корейские трудящиеся создавали так называемые «комитеты содействия» школе. Сюда входили представители от родителей, учащихся, местных партийных и советских организаций. Такие комитеты организовывали «трудовые дни» по ремонту школ, заготовке топлива, иногда они брали на себя содержание учителей. Население само находило разнообразные формы помощи школе. В некоторых районах население

¹ Декрет от 16 октября 1918 г. Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)».

² Федирко О.П. Образование и просвещение на российском Дальнем Востоке в период гражданской войны... С. 31

³ Народное образование на Дальнем Востоке в 1923-1924 году. Хабаровск : Б. и., 1925. С.11.

приняло постановление о самообложении – добровольным выделении средств на нужды школы¹.

Общее руководство делом просвещения в крае было возложено на Дальневосточный отдел народного образования (ДальОНО). В 1923 г. в Приморье была учреждена должность «Уполномоченного по корейским делам»². Именно этим органам предстояло планировать и контролировать процесс становления советской модели просвещения среди корейского населения.

В 1922–1923 учебном году на Дальнем Востоке действовало 226 корейских школ с более чем 11 000 учащимися³, но для полного удовлетворения потребности в образовании детей школ требовалось намного больше. 4 апреля 1925 г. состоялось заседание Корейской комиссии при Дальневосточном революционном комитете. Обсудив сложившуюся в крае ситуацию с корейским школами, ею было принято решение: выработать меры по улучшению образования корейского населения.

Реализуя решение властей, принятное на Совещании секретарей губкомов РКП (б) и председателей исполнительных комитетов Дальневосточного округа, прошедшем в Хабаровске 6 августа 1923 г., где был обсужден вопрос о необходимости подъема культурного уровня национальных меньшинств, миссионерские школы были закрыты. Остальные типы школ предполагалось преобразовать в трудовые школы с учетом национально-бытовых особенностей корейского населения и преподаванием ряда предметов на корейском языке, что отвечало задачам советской национальной политики.

В процессе реализации поставленных задач власти столкнулись с рядом серьезных проблем, сложившихся в системе образования на Дальнем

¹ Федирко О.П. Религиозное и антирелигиозное образование и пропаганда... С. 164.

² Кузин А.А. Корейская эмиграция ... С.175.

³ Кузин А.А. Корейская эмиграция ... С.175.

Востоке. Часть из них носила общерегиональный характер, часть была присуща только дальневосточной национальной школе.

В 1924–1925 учебном году в школах страны начали вводиться программы Государственного Ученого Совета (ГУСа). Новые программы были скорректированы с учетом задач, поставленных партией перед советским обществом, и ориентировали на преодоление этнической замкнутости корейцев и воспитание молодого поколения в духе интернационализма. В связи с этим особое внимание в образовательном процессе уделялось введению русского языка в корейских школах. В местной прессе, в ходе обсуждения программ для национальных корейских школ, отмечалось, что «наряду с обучением на родном языке корейское население Дальневосточного края чувствует колossalную потребность в знании русского языка. Русский язык для корейского населения Дальневосточного края является необходимым средством приобщения к социалистической культуре... Совершенно нельзя согласиться с теми, которые изучение русского языка в корейской школе ставят наряду с изучением иностранных языков. Русский язык должен быть изучен как обязательный второй язык в корейской школе. На изучение его должно быть отведено больше времени, чем на изучение других иностранных языков в русской школе. Принимая во внимание всю растущую потребность корейского населения в специальных технических знаниях, изучение русского языка в корейской школе должно быть поставлено так, чтобы окончившие корейскую школу могли беспрепятственно поступать в специальные технические и другие русские учебные заведения»¹.

Постепенно в корейских школах повышенного типа произошел перевод преподавания всех учебных предметов на русский язык. В школах 1-й ступени русский язык преподавался как отдельная дисциплина. Объем

¹ Программы для национальных корейских школ // Дальневосточный учитель. Хабаровск. 1936. № 3. С. 4.

знаний, получаемый учениками начальных корейских школ, был значительно меньше, чем в русских школах. Это обстоятельство, как и то, что в начальной школе корейцы обучались на родном языке и испытывали трудности в усвоении учебных предметов на русском языке в процессе последующего обучения, создавали сложности при получении среднего образования. Требовалось выровнять учебную программу, но для этого было необходимо либо открывать начальные классы повышенного типа, либо отказаться от преподавания на корейском языке. Так проблема образования переросла в проблему межнациональных отношений.

Сложной для решения оказалась проблема с педагогическим кадрами для национальных корейских школ. Учителей, способных вести преподавание на двух языках (русском и корейском) катастрофически не хватало и в дореволюционной школе. А после окончания Гражданской войны и после проведенных «чисток» неблагонадежных в сфере образования, их было просто катастрофически мало. Часто в национальных корейских школах учителями работали лица, получившие образование в Корее, Китае или Японии¹. Нехватка учителей из корейской диаспоры, имевших специальное образование, являлась и ранее значимой проблемой.

Для решения проблемы обеспечения школ педагогическим кадрами в Никольск-Уссурийском педагогическом техникуме планировалось создать *Корёгоа* (Корейский департамент – С.Б.) с двухлетней учебной программой. Туда могли поступить те, кто окончил семилетнюю школу или имел знания на уровне второго класса средней школы второй ступени². В начале предполагалось, что на корейском языке будут вестись только три предмета: *Корё гук-о* (корейский язык), география Кореи, история Кореи. Другие

¹ Бэ Ынгёнг. Краткий очерк истории советских корейцев (1922–1938) С. 121.

² Так как первый выпуск в июле 1926 г. составлял 10 специалистов, можно предположить, что количество первых поступивших было больше. См.: Горён сабомхакгё дэвакзанг [Расширение корейской педагогической школы] // Сонгбонг. 1926 г. 18 июля. Л.4.

дисциплины – на русском языке¹. Недостаточное количество предметов, читаемых на корейском, говорит о нехватке учителей и доказывает потребность в подготовке педагогических кадров для обучения корейцев.

В осенью 1924 г. создание департамента было одобрено профессиональным учреждением образования и начат набор. Всего было принято 45 новых студентов, которые были детьми бедных крестьян, членами СКМ, пионерами². Со временем количество студентов в департаменте увеличилось: в 1925–1926 учебном году их было уже 63³, а ещё 17 учились на подготовительном факультете⁴. В июле того же года департамент впервые выпустил 10 педагогов⁵. Популярность учебного заведенияросла. По сведениям из газет, в 1925 г. на экзамен в Никольск-Уссурийск приехало так много абитуриентов, что некоторые владельцы гостиниц даже сдавали им комнаты подороже⁶.

В 1927 г. было решено сделать департамент Корёгоа Никольск-Уссурийского педагогического техникума отдельным педагогическим институтом «Никольск-Уссурийский Корё (корейский – С.Б.) педагогический институт». В нём были организованы один годичный подготовительный факультет и трёхлетние учебные курсы. 6 марта 1927 г. Корейский

¹ Соаонгрёнг синэ савоихвакгёи нэёнг [О педагогической школе в центре Никольск-Уссурийска] // Сонгбонг. 1925. 18 марта. Л.3

² Соаонгрёнг синэ савоихвакгёи нэёнг [О педагогической школе в центре Никольск-Уссурийска] // Сонгбонг. 1925. 18 марта. Л.3

³ Сивол хёkmёнгноаа ёнхэдоы горёзумин [Октябрьская революция и корейские жители в Приморском крае] // Сонгбонг. 1925. 7 ноября. Л.1.

⁴ Горёин сабомхакгё дэвакзанг [Расширение корейской педагогической школы] // Сонгбонг. 1926 г. 18 июля. Л.4.

⁵ Там же.

⁶ Соанггрёнг горёины сэншхвалханун сангтэ [Состояние жизни корейцев в Никольск-Уссурийске] // Сонгбонг. 1926. 7 декабря. Л.2.

педагогический институт открылся¹. На подготовительном факультете было четыре класса с первого по третий курс с количеством студентов 140 чел.²

Проанализировав информацию для тех, кто хочет приступить в институт, можно увидеть следующее. В 1929–1930 учебном году на первый курс было набрано 40 чел. Это основной набор. Также дополнительно были приняты на второй курс 15 чел., на третий курс – 10 чел., чтобы заполнить вакансии, которые появлялись в Корёгоа. Абитуриенты должны были сдать вступительные экзамены по корейскому языку, русскому языку, обществознанию, географии, физике, химии, математике (арифметика, алгебра, геометрия). Чтобы поступать на второй и третий курс, необходимо было сдать тригонометрию дополнительно при условии завершения всей учебной программы в Единой трудовой школе³.

Как видно из перечня экзаменационных предметов, поступление в институт не было простым делом. Поэтому в 1932–1933 учебном году было объявлено об открытии *Лэгё зонгоа* – подготовительного факультета для каждого курса. Туда поступило 60 чел.: 10 чел. (подготовительный первый курс), 40 чел. (подготовительный второй курс) и 10 чел. (подготовительный третий курс курса)⁴. Как видно из приведённых данных, на подготовительное отделение было зачислено в несколько раз больше студентов, чем на основное, что позволяет утверждать: многие корейские абитуриенты не смогли сразу поступить из-за высоких требований к знаниям на вступительных экзаменах.

С открытием подготовительного факультета для каждого курса количество поступающих увеличилось. В 1933–1934 учебном году институт

¹ Корёин сабомхакгё вонол бол гэгё [Открытие Корейского педагогического института в этом месяце] // Сонгбонг. 1927. 8 марта. Л. 1.

² Корёёукзонмунхакгёы гоагоа хёнзэ [Прошлое и настоящее Корейского педагогического института] // Сонгбонг. 1931. 7 ноября. Л.2.

³ Сабомхакгё хаксэнг мозип гоангго [Информация для поступающих в Педагогический институт в Никольск-Уссурийске] // Сонгбонг. 1927. 3 июля. Л.2

⁴ Хаксэнг мозип гоангго [Информация для поступающих] // Сонгбонг. 1932. 28 июня. Л.4.

принял уже 70 чел. на первый курс, а в 1936–1937 учебном году количество первокурсников основного отделения ещё выросло — 120 чел. Однако число поступивших на подготовительный факультет сократилось до 30 чел.¹. Это был отличный результат.

В 1932–1933 учебном году институт принял 10 чел. на второй курс и 20 чел. на третий курс для заполнения вакантных мест². Через четыре года на первый курс поступило 120 чел. Это показывает, что все студенты закончили своё обучение и не было потребности принимать дополнительных. И рост количества поступивших на подготовительный факультет также подтверждает, что Корейский пединститут пользовался популярностью среди корейцев. Это позволило увеличить масштаб работы института.

Согласно приведённым выше данным, Корейский педагогический институт с течением времени изменялся, так как руководство старалось привлечь студентов, корректируя требования к абитуриентам. Вначале не принимались те, кто не окончили семилетнюю школу, но потом это условие было отменено. Если студенты были в возрасте 15–20 лет, они зачислялись на первый курс³. Для учеников шестого класса семилетней школы были организованы краткосрочные (два месяца) подготовительные курсы. В информации для абитуриентов подчёркивалось, что в институте читается курс русского языка⁴. Кроме того, снижались квалификационные требования к уровню занятий, проводимых на корейском языке: даже лучшие студенты в советской школе говорили на нём не бегло.

В 1935 г. институт претерпел определённые изменения. Город Никольск-Уссурийск был переименован в Ворошилов, и институт получил

¹ Борошилов си гёюк зонмунхакгё хаксэнг мозип [Приём студентов в Педагогический институт в городе Ворошилове] // Сонгбонг. 1936. 19 июня. Л. 3.

² Хаксэнг мозип гоанго [Информация для поступающих] // Сонгбонг. 1932. 28 июня. Л.4.

³ Корёсабомхакгёы гэзомунзе [Вопрос о реформировании Корейского педагогического института] // Сонгбонг. 1920. 18 марта. Л.2.

⁴ Корёсабомхакгёы гэзомунзе [Вопрос о реформировании Корейского педагогического института] // Сонгбонг. 1920. 18 марта. Л.2.

новое название – Ворошиловский Корейский педагогический институт. Кроме изменения названия, институт усилил свою учебную программу. Студентов побуждали активнее заниматься, создавались ударные бригады. Приобреталось новое учебное оборудование, повысился уровень гигиены в общежитии, улучшилось качество еды в столовых. В каждый класс провели радио, для студентов открыли дешёвую прачечную и парикмахерскую¹.

Корейский пединститут доказал свою эффективность. С 1928–1929 по 1930–1931 учебный год он выпустил 78 учителей. Стоит отметить, что среди них 90% получили диплом «с отличием». Выпускники нашли работу в школах или других учреждениях образования. Некоторые из них поступили в высшие учебные заведения². К 1935–1936 учебному году количество выпускников насчитывало уже 244 чел. С 1928–1929 до 1930–1931 учебного года среднее число выпускников составило 26 чел., а с 1931–1932 по 1935–1936 учебный год оно увеличилось до 41 чел.³ Таким образом, до депортации Ворошиловский Корейский пединститут обеспечивал подготовку педагогических кадров для обучения школьников-корейцев.

Несмотря на то, что не все проблемы, связанные с развитием национальных корейских школ, решались оперативно, численность таких учебных заведений на советском Дальнем Востоке быстро росла, расширился и спектр образовательных учреждений, доступных для корейского населения. Так, в 1923 г. на Дальнем Востоке работало 48 корейских школ, в которых

¹ Борошилов си зосониг гёюк зонмунхакгёы илнёнган чонгхва [Отчёт Ворошиловского Корё педагогического института] // Сонгбонг. 1935. 18 июля. Л. 4.

² Борошилов си зосониг гёюк зонмунхакгёы илнёнган чонгхва [Отчёт Ворошиловского Корё педагогического института] // Сонгбонг. 1935. 18 июля. Л. 4.

³ Борошилов си зосониг гёюк зонмунхакгёы илнёнган чонгхва [Отчёт Ворошиловского Корё педагогического института] // Сонгбонг. 1935. 18 июля. Л. 4.

училось 6 750 чел. и преподавало 257 чел.¹ В 1924 г. корейских школ стало 170, учащихся – 11 111 чел., а преподавателей – 340 чел.²

Таким образом, уже в начале XX в. в корейских школах появляются первые национальные учителя. Часто это были вчерашние выпускники тех же школ. Хотя в 1918 г. корейцы сами открыли первый корейский педагогический институт, из-за нестабильности во время войны, ему пришлось закрыться из-за отсутствия обучающихся. Квалифицированные же корейские учителя появились только при советской власти. В это же время началось активное развитие корейского школьного образования. Для решения вопроса с нехваткой кадров в Никольск-Уссурийске был организован корейский педагогический институт. А в 1931 г. в Хабаровске был организован Интернациональный педагогический институт.

Итак, подводя итог роли образования в жизни корейцев Дальнего Востока России можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в Российской империи, когда целенаправленно проводилась политика русификации всех национальных меньшинств, корейцы, нуждающиеся в обучении своих детей грамоте на родном языке, создавали для этих целей частные школы. Кроме того, они организовывали на свои средства нелегальные школы с преподаванием на русском языке, так как в большинстве корейских школ в то время уроки велись на корейском языке, а русский язык изучался только как предмет. В таких случаях преподавание его шло настолько неудовлетворительно, что школьники приучались только механически читать, но понимать прочитанное зачастую не могли. По этой причине многие из них оказывались не в состоянии продолжать образование в русских техникумах и вузах.

¹ Ёнхэзу советхва онёнган горёин гёюксаопы балzon [Развитие образовательного дела у корейцев за за пять лет Советской власти) в Приморском крае] // Сонгбонг. 1927. 7 ноября. Л.1.

² Ёнхэдо гакгун мит гуёк горёсагоанхакгё ган итогккепё [Отчёт корейских школ в Приморской крае] // Сонгбонг. 1924. 1 июля. Л.2.

Отсутствие знания русского языка означало невозможность как получить высшее образование, так и добиться в жизни лучшего. Поэтому корейцы сами решили устроить нелегальные школы с целью изучать русский язык и привыкнуть к русскому обществу, стать хорошими членами российского общества на Дальнем Востоке России.

Во-вторых, несмотря на трудности, школы открывались и функционировали, поскольку образование в корейских селениях было весьма востребованным. На это повлияло несколько факторов: 1) Изучение русского языка и приобщение к русской культуре позволяло обеспечить будущее детям не только в России, но и, возможно, на своей исторической родине. В конце XX в. газета «Владивосток», например, писала, что «старожилы-корейцы, принятые в русское подданство, прослышав, что из сородичи, ранее проживавшие в этих селах и научившись русской грамоте, живя теперь в Сеуле, служат там при дворе короля и имеют даже некоторое влияние на управление, и которым там дорожат, поэтому и наши корейцы стремятся к тому, чтобы и их дети научились русской грамоте и сделались, по их выражению «большой капитан»¹; 2) Стремление овладеть русской культурой. Порывы корейцев «обрусить» своих детей и там самым сблизить с русским народом, были продиктованы желанием продемонстрировать свою лояльность к местным властям, получить моральную и материальную поддержку и закрепиться на принимаемой территории; 3) В создании сети церковно-приходских школ в корейских селениях были заинтересована Русская православная церковь, которая проводила на Дальнем Востоке активную политику русификации и христианизации. Православные миссионеры активно работали в корейских селениях, причем весьма результативно. Именно поэтому большинство школ, открывавшихся в корейских селениях, относилось к ведомству Святейшего Синода; 4) В корейских школах, кроме этнических корейцев, обучались представители

¹ Владивосток. 1896. 2 июля.

коренных народов Дальнего Востока России. Современники отмечали: последние приняли их, корейцев, как братьев и стремились расширить все возможные контакты с ними¹. Аборигенное население Дальнего Востока вело либо кочевой образ жизни, либо проживало в малочисленных селениях. Поселения же корейцев были крупными, многолюдными, поэтому открыть в них школу было более удобно и целесообразно. Кроме того, совместными усилиями содержать школы было дешевле.

Газета «Владивосток» о роли школы для культурного сближения русского и корейского народов, особенно по Корсаковской волости, писала так: «В этих селах проводником к сближению корейцев с русским населением служат исключительно устроенные там церковно-приходские школы, которые всецело находятся в ведении местных священников и под их руководством ведется преподавание, но средства этих школ ограничены и помещения так малы, что не удовлетворяют насущным потребностям, особенно проявляемым в последнее время. Старожилы-корейцы, <...> в с. Корсаковке теперь открыли на собственные средства частную школу, наняли учителя из корейцев выпуск церковноприходских школ; столы для учащихся заказали в с. Никольском, а теперь временно пользуются всеми учебными пособиями и книгами из Корсаковской церковноприходской школы. Такое стремление к образованию своих детей для сближения с русским народом весьма желательно; желательно и то, чтобы эти добрые порывы корейцев обруслить своих детей и тем сблизить с русскими народами нашли бы поддержку и в правительственном воспособлении и чем скорее была бы протянута им рука помощи, тем больше было бы от этого пользы. Приходские школы при местных церквях при всем желании за скучестью средств, не могут удовлетворять этой всеобщей насущной потребности корейского населения»².

¹ Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края С. 23.

² Владивосток. 1896. 23 июля.

В целом, именно школы играли главенствующую роль в сближении русского и корейского народов на Дальнем Востоке России во второй половине XIX в. 1937 г. и способствовали закреплению переселенческого населения в регионе.

2.2. Роль корейских периодических изданий в культурно-просветительной работе среди корейского населения Дальнего Востока России/СССР

В начале XX в., после русско-японской войны, значительное количество корейской интеллигенции покинуло родину. Они искали подходящее место для проживания и создания базы для организации движения освобождения Кореи от Японии.

Таким местом, по их мнению, был Дальний Восток России. Переселившись в Россию, они развернули активную работу по воспитанию патриотических чувств в среде корейских переселенцев, повышения их национального самосознания. Решение этой задачи они связывали с распространением культуры и просвещения в среде корейского населения.

Центральная роль в этой работе отводилась средствам массовой информации на корейском языке, особенно газетам, которые начинают возникать в различных населенных пунктах региона после 1908 г.

Первой корейской газетой на российской территории являлась газета «Хэзошинмун». Её название было написано кириллицей – «Хае-тэшин-бо» – и переводилось как «Газета корейцев в Хаесамуй». *Хаесамуй* – корейское название г. Владивостока. Редактором был Чой Вонгзун, состоятельный местный предприниматель¹. 26 февраля 1908 г. во Владивостоке вышел первый номер издания. По заявлению редакции, целью газеты было содействие восстановлению суверенитета Кореи и спасению

¹ Зонксунмансы ёкса [История личности Зонг Сунман] // Дэдонггонгбо. 1909. 5 мая.

соотечественников¹. Для достижения данной цели были сформулированы следующие редакционные принципы:

1. Повышение у корейского народа уровня национального самосознания, восстановление суверенитета и окончательное освобождение родины.

2. Активное освещение мировых событий. Выход газеты – ежедневно.

3. Освещение роли корейских переселенцев в вопросах политики, юриспруденции, науки, коммерции, сельского хозяйства, промышленности.

4. Публикация интересных сказок на корейском языке, заметок по корейской грамматике.

5. Размещение рекламы для развития торговли и других видов деятельности (читателей – С.Б.) после одобрения редакцией².

«Хэзошинмун» публиковала международные новости, связанные с отношениями между странами, акцент делался на антияпонские действия. Освобождение Кореи от Японии являлось первой целью «Хэзошинмун». Тем более что после русско-японской войны российское правительство занимало враждебную позицию по отношению к Японии, а военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер подозревал корейцев в шпионаже в пользу Страны восходящего солнца. Чтобы снять подозрения и гарантировать спокойную жизнь соотечественникам на русской территории, журналисты газеты в своих публикациях подчёркивали антияпонские взгляды.

Материалы издания были посвящены новостям и из других сфер: юриспруденции, науки, торговли, сельского хозяйства, что показывает желание редакции помочь корейским переселенцам лучше адаптироваться к жизни на чужой земле.

¹ Хэзошинмун. 1908. 26 февраля.

² Хэзошинмун. 1908. 26 февраля. Л.1.

Важным источником финансирования газеты было размещение рекламы.

В «Хэзошинмун» можно выделить следующие рубрики: «Нонсол» (колонка редактора и передовая статья), «Запбо» («Бонгук тонгшин» – новости Кореи и «Бонханг тонгшин» – новости Владивостока), «Оебо» и «Зонбо» (мировые новости), «Гисо» (письма читателей – интеллигенции во Владивостоке или районах Северной Кореи), «Бёлбо» (специальная статья), «Сосел» (художественная литература), «Манпил» (сатирический рассказ), «Гоангто» (реклама).

На первой странице присутствовала колонка редактора, где освещалась деятельность Йбёнг – корейской народной милиции для вооружённой борьбы против Японии. На второй странице размещались «Запбо» и «Оебо», на третьей странице – «Гисо», «Сосел», «Манпил», на следующей странице – реклама.

Местоположение рубрик не было фиксированным и часто изменялось в зависимости от объёма статьи. Например, «Гисо» и «Бёлбо» могли находиться на первой странице вместо «Нонсол»¹. Но во многих случаях первая страница посвящена была мировым новостям и содержала обращение к читателям редактора. Новости Кореи («Бонгук тонгшин») и Владивостока («Бонханг тонншин») постоянно находились на второй странице с № 8 (от 5 марта 1908 г.).

Рассмотрим содержание рубрик более подробно. Стоит отметить, что газета публиковала международные новости, хотя она не могла отправлять корреспондентов за рубеж, следовательно, редакция, делая ссылки, брала за

¹ Так, «Гисо» разместили на первой странице «Хэзошинмун» в № 13 (12 марта 1908 г.), № 14 (13 марта 1908 г.), № 27(38 марта 1908 г.). А «Бёлбо» была опубликована вместо «Нонсол» в № 47 (21 апреля 1908 г.), № 49 (23 апреля 1908 г.), № 60 (7 мая 1908 г.), № 62 (9 мая 1908 г.), № 63 (10 мая 1908 г.), № 64 (12 мая 1908 г.).

основу материалы иностранных газет (японских, американских, российских) и переводила их на корейский язык¹.

Многие статьи «Хэзошинмун» были посвящены восстановлению суверенитета Кореи и заботе о жизни корейских переселенцев в Российской империи. Так, газета предупреждала об изменении политики российского правительства в отношении иностранных, особенно корейских, переселенцев после русско-японской войны². Отмечая много случаев арестов неподданных-корейцев, она предлагала читателям «подать прошение для получения российского подданства для безопасного переживания в стране»³. Но в конце публикации тема меняется: присутствует призыв к освобождению родины от японских захватчиков, при этом указывается на недостаточность денежных средств для покрытия таких расходов, как госпошлины для получения подданства, налогов разных видов. Автором делается вывод: «Если мы не будем посвящать свои силы освободительному движению, то потеряем нашу родину и никакие иностранные государства не примут нас – тогда будем бродить по миру»⁴.

Подобная же статья-призыв присутствует и на первой странице другого номера. В ней говорится: «Если родина исчезнет, мы не сможем называть себя людьми. Мы станем просто коровами и лошадьми... Не забывай родину. Оглянись на неё!»⁵.

Также «Хэзошинмун» отмечала важность единства корейцев в России. В начале XX в. иммиграция корейцев усилилась. Среди переселенцев

¹ Например, были взяты из японских газет и переведены на корейский следующие статьи: Гаонгуондоы бёнггёкмун [Информация и мобилизации населения в районе Гангондо] // Хэзошинмун. 1908. 27 февраля. Л. Л.1.; Хамсонг ыбёнго бонгги [Восстание милиции против несправедливости в селении Хамсонг] // Хэзошинмун. 1908. 26 февраля. Л.

² Горю донгпоеге гёнггохам [Предупреждение соотечественникам в России] // Хэзошинмун. 1908. 30 апреля. Л.1.

³ Музопиап [Арест из-за отсутствия подданства] // Хэзошинмун. 1908. 15 марта, 25 апреля. Л.2.

⁴ Музопиап [Арест из-за отсутствия подданства] // Хэзошинмун. 1908. 15 марта, 25 апреля. Л.2.

⁵ Гогукыл дорада босио [Оглянитесь родину] // Хэзошинмун. 1908. 7 марта.

появлялись группы, переезд которых был мотивирован не только экономическими обстоятельствами (высокие налоги или продовольственные трудности), но и политической потребностью – создание новой базы для освободительного движения против Японии. Следовательно, среди переселенцев возникали конфликты из-за несходства мнений, идей, ввиду происхождения из разных мест, даже внешнего вида. В одной из передовых статей было написано: «Не сомневайтесь во всех переселенцах без *сангту*¹. Они все не предатели»².

Статьи также мотивировали активистов освободительного движения зарабатывать себе на жизнь. Согласно одной из публикаций, «люди, не занимающиеся какой-либо работой и разгуливающие везде, находятся под подозрением без причины»³.

В другой статье подчёркивалась необходимость единения корейцев на русской территории. Так, 4 марта 1908 г. в передовой статье описывалась важность трёх действий для восстановления суверенитета: единство корейского общества, повышение национального самосознания и обучение детей⁴. Такая риторика прослеживается и в других номерах этой газеты⁵.

¹ Сангту – традиционная корейская мужская причёска. Волосы с детства не стригли и носили завязанными в конский хвост до брака. После того как мужчина женился, он завязывал волосы в пучок на макушке – сангту. Это значило, что у него кончилась юность и началась новая жизнь, он теперь взрослый мужчина, заведующий хозяйством. Эта традиция связана с конфуцианством. Выражение «Шинчебалбу сузибумо» означает «Всё, что у нас на теле, досталось от родителей». Поэтому, если человек стрижёт волосы, он избавляется от того, что дали родители. Это неправильное поведение по отношению к родителям и нелояльное – к стране. В 1895 г. в Чосоне последним королём Коджоном был подписан «Указ о запрещении верхнего узла». Хотя целью такого решения были модернизация и развитие страны, многие люди воспротивились ему и отказали исполнять. Они считали запрет сангту равнозначным капитуляции перед Японией. В начале XX в. мужчины с короткими волосами воспринимались как непатриоты.

² Данбалзы пиы [Внешний вид тех, кто с короткими волосами] // Хэзошинмун. 1908. 1 мая. Л.2.; Илбан донгпоеге гёнгохам [Призыв к соотечественникам] // Хэзошинмун. 1908. 1 мая. Л.1.

³ Эгуксасанги итнун сарамун силопе зонгсаҳами гахам [Люди с национальной идеей и лояльным взглядом на родину, зарабатываем!] // Хэзошинмун. 1908. 15 марта. Л.2

⁴ Гандонге горёханун уридонгпо сэнггакхэ восил ил [Подумайте, наши соотечественники на русской территории!] // Хэзошинмун. 1908. 4 марта. Л.3.

⁵ Хэзошинмун. 1908. 5 марта, 6 марта, 12 марта, 13 марта.

Освобождение родины было общей темой для корейских периодических изданий до возникновения СССР.

«Хэзошинмун» ратовала за обучение корейских детей в России. Как следует из приведённых ранее редакционных принципов, газета боролась за повышение у корейского народа уровня национального самосознания, восстановление суверенитета и окончательное освобождение родины. Так, в одной из передовиц подчёркивалось, что «нужно найти решение и поддерживать существующие школы, а также построить их в местах, где они отсутствуют»¹. Также газета обращает внимание на то, что развитие образования предполагает оснащение учебных заведений² необходимым оборудованием, разработку учебных материалов, приглашение квалифицированных учителей³, закупку учебных пособий⁴. Особенно подчёркивалась важность изучения родного языка, истории и географии Кореи: «Если в школе есть просторные классы, но нет достойных учебных пособий по родному языку, отечественной истории и географии, то создание университета ничем не поможет»⁵. Она также утверждала необходимость занятий физкультурой⁶ и обучения женщин⁷.

«Хэзошинмун» старалась повысить национальное самосознание корейцев. С 5 марта по 26 мая 1908 г. был опубликован цикл статей по истории Кореи в рубрике «Отечественная история» («Бонгун ёкса»). В статьях описывались важные исторические события и рассказывалось о

¹ Гёюки опсумён и сидээ сэнгзонхамуйл опзи мопхам [Без обучения не сможем пережить настоящее время] // Хэзошинмун. 1908. 27 февраля. Л.2

² Гёюки балдалуин сёлбиноанзёне зойхам [Для развития образования необходимо оборудовать школы. Ч. 1] // Хэзошинмун. 1908. 4 апреля. Л.2

³ Гёюки балдалуин сёлбиноанзёне зойхам [Для развития образования необходимо оборудовать школы Ч.2.] // Хэзошинмун. 1908. 11 апреля. Л.2.

⁴ Хакгёы зонгшинуйн гёгоасое зойхам [Школам необходимы учебные пособия] // Хэзошинмун. 1908. 13 мая. Л.3.

⁵ Хакгёы зонгшинуйн гёгоасое зойхам [Школам необходимы учебные пособия] // Хэзошинмун. 1908. 13 мая. Л.3.

⁶ Тэюки пилё [Физкультура необходима] // Хэзошинмун. 1908. 23 мая. Л.4.

⁷ Нёзагёюк [Обучение женщин] // Хэзошинмун. 1908. 28 февраля. Л.1.

выдающихся деятелях страны. В последней номере (26 мая 1908 г.) был опубликован текст национальной песни «Эгукга».

За весь период работы (с 26 февраля по 26 мая 1908 г.) «Хэзошинмун» выпустила всего 75 номеров. Газеты закрылась под давлением Японии, которая 29 апреля 1908 г. изменила «Закон об издании газет» («Шинмунзинбоп»). До этого под контролем японского генерал-губернатора Кореи находились только СМИ, которые издавались непосредственно в стране. После внесения поправок под действие закона попали и выходившие за рубежом, что привело к запрету многих из них. В результате «Хэзошинмун» – первая корейская газета во Владивостоке – перестала издаваться уже через четыре месяца после открытия.

18 ноября 1908 г. вышла в свет вторая корейская газета «Дэдонггонгбо». Газета ставила перед собой цель просвещать соотечественников, работать для освобождения родины от японских захватчиков¹. Это было отражено в одной из публикаций, направленных на сбор пожертвований: «Целью нашей газеты является увеличение знаний наших соотечественников, создание культурного общества, что позволит нашей родине избежать печальной судьбы»². Корейцы приветствовали её выпуск. Газета «Дэханмэилшинбо» опубликовала передовую статью, где поздравляла «Дэдонггонгбо» с началом издания и просила не забывать о важности СМИ в деле освобождения родины³.

«Дэдонггонгбо» публиковала статьи на корейском языке. В отличие от ежедневной газеты «Хэзошимун» она выходила только два раза в неделю. Сначала это было каждый понедельник и среду, а с 30 мая 1909 г., после расширения газеты, каждый четверг и воскресенье. Газета состояла из

¹ Гобонгуим мозип гоангго [Информация о сборе пожертвований]» // Дэдонггонгбо. 1909. 13 июня. Л.1

² Саго [Реклама в газете] // Дэдонггонгбо. 1908. 23 декабря. Л.2.

³ Дэдонггонбоы чангсёлхамыл харехам [Поздравление «Дэдонггонгбо» с началом издания газеты]» // Дэханмэилшинбо. 1908. 25 декабря. Л.1.

четырёх страниц, каждая из которых содержала шесть рубрик. Иногда газета состояла из шести страниц. С 23 мая 1909 г. содержание газеты включало уже восемь рубрик. По сравнению с «Хэзошинмун» «Дэдонггонбо» была больше по объему и выходила чаще, представляла больше информации корейцам, живущим на Дальнем Востоке России. Тесты были на корейском, так как это соответствовало пожеланиям корейских переселенцев из-за уровня их образования.

В начале XX в. много корейских переселенцев были чернорабочими и занимались сельским хозяйством, поэтому не знали *ханмун* (китайский) или русский язык. Тираж газеты составлял 1 500 экземпляров¹, он распространялся по Приморскому краю². А через несколько месяцев после начала работы на газету подписались читатели за рубежом: из Шанхая, Пекина (Китай), Нью-Йорка, Небраски, Орегона, Гонолулу (США), а также из некоторых городов Великобритании и Японии³, куда корейцы переезжали и обустраивались. Мы не смогли найти указаний на точную численность читателей по миру, однако остались данные, что в 1909 г. в Харбине «Дэдонггонбо» получали 10 человек.

Газета «Дэдонггонбо» состояла из следующих рубрик: «Нонсол» (передовая статья), «Зонбо» и «Оебо» (мировые новости), «Зегуктонгшин» (новости Кореи), «Сосеол» (художественная литература), «Гоангго» (реклама), «Бёлбо» (новости России) и «Гисо» (письмо от читателя). Особенno часто публиковалась те новости Кореи и России, в которых содержалась критика политики Японии, рассказывалось о тенденциях и состоянии корейских обществ в России и действиях администрации

¹ Усурье итнуин уридонгпоеге гохам [Сообщение соотечественникам в Уссурийском крае] // Дэханмэилшинбо. 1909. 19 августа. Л.2.

² Дэханмэилшинбо. 1909. 17 января.

³ Бонбо балмэсо гоангго [Реклама о издательстве газеты] // Дэханмэилшинбо. 1909. 17 июня. Л.5.

Приморского края. Письма от читателей в основном были написаны корейскими активистами в России.

«Дэдонггонгбо» перепечатывала статьи из других газет, издававшихся в России и за рубежом. Например, «Уонбёнбо» (Вестник Далёкого края)» в Хабаровске, «Новая Жизнь» в Москве; «Уондунгбо» (Вестник Дальнего Востока)» в Харбине; «Шинханминбо» (Новый вестник корейского народа) в Америке; «Дэханмэилшинбо» (Ежедневный вестник Кореи)» и «Букхан шинбо» (Вестник Северной Кореи)» в Корее; «Зоил шинмун» (Вестник корейцев в Японии) в Японии; «Чоллогигоан шинмун» (Вестник железной дороги)» в Южной Маньчжурии. В этих статьях освещалась деятельность корейцев против японских захватчиков.

Из-за проблем с финансированием газета несколько раз приостанавливалась свою деятельность. 20 января 1909 г. она была закрыта и открыта вновь 3 марта 1909 г. Через год, 2 января 1910 г., снова закрылась и возобновила выход с 24 апреля.

Стоит отметить, что определенную роль в судьбе газеты играли конфликты. Например, второй раз газета закрылась по причине конфликта между редакцией газеты и корейскими переселенцами, а также конфликта в среде самих редакторов.

Дело в том, что корейские переселенцы в 1910 г. разделялись по месту исхода на три группы – Хамгёнгдо, Пёнгандо и Чунгчонгдо. Хамгёнгдо находится рядом с Россией, с Владивостоком поэтому много корейцев из Хамгёнгдо переехали в Россию в 1860-х годах для улучшения уровня жизни. К рассматриваемому периоду они уже устроились на русской территории и не обращали внимание на события, происходившие на чужой земле. Они предпочитали местные новости.

Пёнгандо и Чунгчонгдо находятся недалеко от границ с Россией. Переселенцы из этих мест попали в Россию в начале XX в. по причине угрозы со стороны Японии. Они решили переехать в Россию, чтобы найти

новое место для продолжения освободительного движения против Японии. Таким образом, корейцы из Хамгёнгдо стали переселенцами по экономическим причинам, а корейцы из Пёнгандо и Чунгчонгдо – по политическим. Следовательно, среди редакторов появилась разница во мнениях по поводу статей. Редакторы из Хамгёнгдо желали писать статьи с более ярким антияпонским содержанием. Они хотели показывать свою антияпонскую позицию публично и получить гарантии безопасности от местной администрации Приморского края.

В отличие от них редакторы из Пёнгандо и Чунгчонгдо считали, что писать надо по-другому, так как хотели основать секретно политическую базу движения за восстановление суверенитета Кореи.

В передовой статьи было отмечено, что среди корейских переселенцев произошел раскол по политическим взглядам: «Они разделились на Сеулпа и Пёнгянга иссорились друг с другом, говоря, что мы потеряли право, а они взяли право, мы потеряли честь, а они получили честь ... Пожалуйста, передумайте, наши соотечественники! Разделение друг с другом и ссоры обязательно помешают восстанавливать наш суверенитет!»¹. В статье подчеркнута необходимость единства корейских политических активистов.

«Дэдонггонгбо» обращала внимание на отношение русского правительства к корейцам, передавая местные новости, связанные с корейцами. Газета печатала новости, связанные с притеснением корейцев в разных экономических сферах. Например, отмечалось запрещение корейцам заниматься на фермы к русским², ловить рыбу³, работать на золотых

¹ Мигэдангпароны хагу [Предупреждение опасности партийной ссоры] // Дэханмэилшинбо. 1909. 5 мая. Л. 1.

² Хагчонгнодонгбулхео [Запрещение нанимать корейских и китайских рабочих] // Дэханмэилшинбо. 1909. 14 марта. Л. 1.

³ Ханчонянггукины зоопгуимзи [Запрещение корейцам и китайцам ловить рыб] // Дэханмэилшинбо. 1909. 24 марта. Л. 1.

приисках¹. Она старалась информировать соотечественников о местной ситуации и побуждать их соблюдать местные правила: «То, кто был принят в русское подданство, должен пойти на военную службу»². Более того, газета пыталась доносить мнение корейцев до администрации Приморского края, в частности говорилось, что «это проблема, что тех, кто переехал от угнетения Японии в новую землю, не принимают, а стараются им все запретить»³.

В другой статье было отражено мнение газеты о том, что корейцы находятся на стороне России и важны для ее экономики, политики, а также указывалось на нравственный аспект. Относительно экономической выгоды отмечалось, что «корейские рабочие, не покупали продукты и одежду в своей стране, как делали другие иностранцы, они зарабатывали в России и покупали вещи в России же... Мы вообще выгодны стране»⁴.

О политической выгоде было написано, что «ясно: если бы случилась война на востоке, появился бы миллион корейцев и пошёл бы на войну смело, чтобы свою жизнь положить за победу России»⁵. Говоря о нравственной сфере, газета призывала посочувствовать корейцам, которые стали бедными и вынуждены были уехать из-за угнетения со стороны Японии⁶. Кроме того, газета настаивала на том, что корейские переселенцы не находятся на стороне Японии и не опасны для России⁷.

¹ Донгпочонгон [Заявление от соотечественников] // Дэханмэилшинбо. 1909. 17 января; Запбо (местные новости) // Дэханмэилшинбо. 1909. 21 апреля. Л.2.

² Арёнге зэхан ханиниун агукбёнгёке залвокзонгхамё гаханил [Эт правильно, что русско-корейцы проходят военную службу] // Дэханмэилшинбо. 1909. 1 сентября. Л.2.

³ Сисав дэбигук [Великая трагедия дела текущего дня] // Дэханмэилшинбо. 1909. 17 марта. Л. 4.

⁴ Хвангины уихэрон [Теория опасности жёлтой расы] // Дэханмэилшинбо. 1909. 10 июня. Л. 2.

⁵ Хвангины уихэрон [Теория опасности жёлтой расы] // Дэханмэилшинбо. 1909. 10 июня. Л. 2.

⁶ Хвангины уихэрон [Теория опасности жёлтой расы] // Дэханмэилшинбо. 1909. 10 июня. Л. 2.

⁷ Аины охеруил солмёнгхам [Объяснить важное русским]. // Дэханмэилшинбо. 1910. 19 мая. Л.2.

«Дэдонггонбо» старалась защищать интересы соотечественников, которые вынуждены жить на чужой земле. Тем более корейская диаспора испытывала финансовые трудности и должна была опираться на поддержку от богатых людей. Много состоятельных людей было из числа тех, кто раньше перешли границу и уже смоги устроиться. Газета обращала внимание на жизнь в новой родине, следовательно, она писали о вопросах жизни, не политических. Учитывая то, что количество корейских политические переселенцев увеличилось, раскол мнений о роли газеты должен был снова возникнуть.

В период 1909–1910 гг. политическая ситуация в России и Корее менялась быстрыми темпами. Япония насильственно установила генерал-губернаторство в Корее, а в России корейские переселенцы столкнулись с подозрениями российского правительства и конфликтами среди корейцев. В таком состоянии «Дэдонггонбо» стремилась повышать самосознание корейцев, информировать их о жизни на чужой земле, защищать соотечественников, объединять корейских активистов. До закрытия 1 сентября 1910 г. по приказу военного губернатора Приморской области «Дэдонггонбо» играла роль центральной национальной газеты среди корейских переселенцев.

В 1910 г. Корея потеряла суверенитет. Корейцы по всему миру старались добиться освобождения родины от Японии разными средствами. Зарубежные корейцы участвовали или сами в военной деятельности, или опосредованно в промышленной и образовательной сферах поддерживали вооруженную борьбу. После потери суверенитета корейская газета писала о том, что надо готовиться к долгой борьбе против Японии. Она обращала на это внимание устроивших свою жизнь корейских переселенцев и заставляла их помнить о национальном самосознании.

В 22 апреля 1912 г. газета «Квонопшиинмун» впервые вышла во Владивостоке. Она была официальным вестником организации «Квонопхой»

и единственной в то времена. С первого номера до последнего, 30 августа 1914 г., она выступала в защиту соотечественников. Всего вышло 126 номеров. «Квонопшинмун» стал информационным центром для корейцев в городах, деревнях, на золотых промыслах и в рыболовных угодьях. Её поддержало всё корейское общество. С началом выпуска её поздравило много людей. Была опубликована поздравительная статья: «Только через газету слепой сможет увидеть, глухой сможет услышать, и, сидя в комнате, они узнают о делах в далёких местах и спустя десятки лет. Страна с многими газетами станет цивилизационной, страна без газет останется темной и в будущем. А сколько газет выпускается в России, где проживает миллион корейцев? Только ты – Квонопшинмун»¹.

«Квонопшинмун» издавалась на корейском языке и выходила один раз в неделю, каждое воскресенье. Редактором газеты был Дюков, главным репортером – Син Чэхо, известный писатель, работавший в газете «Дэянгбо». Тираж издания составил 1 400 экземпляров. Издательство находилось г. Владивостоке, на ул. Хабаровской, в доме № 10², а спустя несколько месяцев, в декабре 1912 г., переехало в дом № 20 на той же улице³.

Газета «Квонопшинмуна» состояла из нескольких обязательных рубрик: «Нонсол» (передовая статья), «Гакгуктонгшин» (мировые новости), «Запбо» (местные новости), «Бёлбо» (новости Кореи), «Гоангго» (реклама), «Гисо» (письма читателей) и т.д. Интересной рубрикой являлась «Запбо», в которой сообщались новости о жизни корейцев в России, о действиях местных властей по отношению к переселенцам.

В «Гисо» публиковались письма от читателей. Если они хотели отправить сообщение в газету, то должны были следовать следующим

¹ Квонопшинмуниул уихая [За Квонопшинмун] // Квонопшинмун. 1912. 26 мая. Л. 1. Много поздравительных заметок было опубликовано в выпусках за 16 июня 1912 г., 16 июня 1913 г., 26 мая 1912 г.

² Квонопшинмун. 1912. 26 мая. Л.4.

³ Квонопшинмун. 1912. 1 декабря. Л.4.

правилам: не перемежать в тексте корейский и китайский языки, не использовать форму китайского стиха, писать четким почерком, выражаться ясно, указывать свое мнение¹.

Необходимо обратить внимание на требование не использовать смесь корейского и китайского (ханмун). До выхода газеты «Дэдонггонгбо» в статьях обычно применяли такую смешанную форму. Последний номер этого издания вышел в 1910 г., поэтому вряд ли к 1912 г. корейцы потеряли умение читать ханмун. Более того, в «Квонопшинмуне» китайские иероглифы также появлялись в названиях рубрик. По нашему мнению, запрет на использование ханмун в письмах читателей связан с тем, что авторы таких текстов – люди образованные, поэтому могли использовать книжные слова, которые были непонятны простым людям. Редактор установил это правило и другие, перечисленные выше, чтобы тексты были не очень сложными и доступными широкому кругу читателей.

«Квонопшинмун» вначале тоже испытывала финансовые трудности. Все расходы на оборудование для печати, арендную плату за помещение издательства, зарплату технических специалистов и т.д. только частично покрывались за счет денежных пожертвований². Издательство так и не успело купить печатную машину, поэтому до закрытия тексты для газеты писались от руки, затем номер копировали и распространяли. С учетом такой ситуации, хотя «Квонопшинмун» и была вестником организации «Квонопхой», она предлагала читателям оформить подписку на газету. Так, во Владивостоке подписка на год стоила 3 руб., на полгода – 1 руб. 60 коп., на три месяца – 80 коп., на месяц – 30 коп. Один номер стоил 8 коп. В других местах России подписка стоила дороже: на год – 4 руб., на полгода – 2 руб., на три месяца – 1 руб. 40 коп., на месяц – 50 коп., а за рубежом – 5 руб., 2

¹ Квонопшинмун. 1912. 3 ноября.

² Квонопшинмун. 1914. 15 февраля.

руб. 85 коп., 1 руб. 70 коп., 1 руб. 70 коп. соответственно¹. Но оплата не производилась вовремя. В 1913 г. сумма задолженности по подписке составила 5 842 руб. 46 коп.²

Издательство старалось покрывать дефицит денежных средств за счет рекламы. На первой странице размещение такой информации стоило 10 коп., на второй странице – 5 коп., на третьей – 15 коп., на четвёртой – 5 коп.³. Тем не менее дефицит средств ощущался и в 1913 г.⁴ Дети и подростки устраивали театральные представления для сбора пожертвований⁵.

Основное содержание «Квонопшинмуна» составляли объявления и информация организации «Квонопхой». Во-первых, материалы были направлены на активизацию экономической деятельности корейцев, что являлось первостепенной задачей «Квонопхой» и, соответственно, газеты.

«Квонопхой» поддерживала экономическую деятельность разных типов, а сама организация планировала получить земельный участок для корейцев. Газета заявила ходатайство о распашке земли рядом с Иманом военному губернатору Приморской области Н.Л. Гондатти. В ноябре 1912 г. «Квонопхой» получило разрешение расчистить и возделывать пустующие земли⁶, которые находятся рядом с Иманским уездом. Через статьи в «Квонопшинмун» организация сообщила о своём достижении и попросила поддержку у соотечественников: «Сельхозугодья в Имане являются хорошим местом для корейцев, где плодородная земля, много леса, месторождение золота, река с большим количеством рыбы»⁷. Затем газета неоднократно

¹ Квонопшинмун. 1912. 26 мая.

² Квонопшинмун. 1914. 8 февраля.

³ Квонопшинмун. 1912. 26 мая.

⁴ Квонопшинмун. 1913. 23 июня.

⁵ Квонопхойрул уихая ёнгукуил нонда [Театральный спектакль для Квонопхой] // Квонопшинмун. 1913. 20 апреля. Л.1.

⁶ Квонопшинмун. 1912. 24 ноября.

⁷ Зянгре ханинуи вокди [Благосостояние корейцев в будущем] // Квонопшинмун. 1912. 1 декабря. Л.4.

сообщала об этом проекте¹ и просила пожертвовать «Квонопхой» деньги для завершения распашки земли². Планировалось раздать бедным соотечественникам земельные участки, где они смогут обустроиться и заниматься сельским хозяйством³. Однако это намерение не было реализовано⁴.

В других статьях газета подчеркивала важность экономической деятельности: в них говорилось, что корейцы могут создать экономическую базу с помощью «бережливости и накопления экономического знания»⁵ и готовиться к освобождению родины, «развивая промышленность»⁶.

Во-вторых, газета призывала корейцев получать российское подданство. «Квонопшинмун» предлагала корейским переселенцам, кому было отказано в получении российского подданства, подать заявление ещё раз и легализоваться: «Если вы не успели приобрести подданство, приходите в офис «Квонопхой». Мы оформим заявление и поможем в других делах. Среди наших соотечественников насчитывается много тех, кто получил отказ на своё заявление. Мы, «Квонопхой», будем просить администрацию этой страны изучить заявления на подданство. Те, кто еще не имеет российского подданства, поспешите прийти и обсудить все с нами»⁷.

¹ Иман нонгзакди инхеодоин илло [О разрешении возделывать землю в Имане] // Квонопшинмун. 1912. 8 декабря. Л.3.

² Квонопхой гобондан мозип чуизисо [Приглашение оказать денежную поддержку] // Квонопшинмун. 1912. 12 декабря; Квонопдан гобондан уингмохасил иеге гохам [Обращение к тем, кто поддерживает проект «Квонопхой»] // Квонопшинмун. 1912. 15 декабря. Л. 1; Тыквеол-кванго [Специальная реклама] // Квонопшинмун. 1913. 13 апреля. Л.2.

³ Была опубликована специальная реклама, которые объясняет цель этого проекта, как «... Для наших соотечественников построим жилище, возделаем целину для пашни, подготовим хорошее будущее» // Квонопшинмун. 1913. 13 апреля, 29 апреля. Л.1.

⁴ Иман нонгзакзие дэхаё [О сельскохозяйственной земле в Имане] // Квонопшинмун. 1914. 18 января. Л. 2.

⁵ Уридонгпонуин отзи ири гёенгзезок нуинглёки бакякханга [Какие экономические сложности у наших соотечественников] // Квонопшинмун. 1912. 1 сентября. Л.4.

⁶ Продолжающиеся публикации под названием «Доклип зунбихасио» [Готовьте освобождение родины] // Квонопшинмун. 1914. 1 марта, 8 марта, 15 марта, 22 марта. Л.3.

⁷ Кванго [Реклама] // Квонопшинмун. 1912. 1 декабря. Л. 2.

После этого газета еще несколько раз повторяла призывы к корейцам приобрести подданство¹. Более того, в газете напечатали список переселенцев, получивших подданство².

В отличие от состояния до захвата Кореи Японией 29 августа 1910 г., другие корейские периодические издания обращались к вопросу русского подданства не так активно. Вообще они являлись национальными газетами под управлением главных редакторов – людей, которые были политическими активистами, представителями революционной интеллигенции. Они приехали в Россию, чтобы создать новую базу для освободительного движения в начале XX в. Они понимали корейских переселенцев, которые переехали в Россию в конце XIX в. по экономическим причинам, трудности, с которыми те столкнулись при адаптации на чужой земле, но не настаивали на том, чтобы корейцы официально становились российскими подданными. Хотя иногда в таких изданиях публиковались статьи, в которых рассматривался этот вопрос, в них не было настойчивых рекомендаций на этот счет. Редакторы же «Квонопхой», учитывая обстановку, поняли, что получение корейскими переселенцами подданства будет лучшим решением: это позволит переждать трудные времена и подготовиться к трудной борьбе за освобождение родины.

В-третьих, важным аспектом, освещаемым в публикациях, являлось воспитание подрастающего поколения и просвещение родителей. Газета подчеркивала, что родители «в настоящее время говорят, что они заняты, у них нет времени учить своих детей. Это неправильно. Мы уверены, что нужно, с одной стороны, учить военной технике и развивать навыки, с другой стороны, надо воспитывать будущих героев»³. Более того, газета

¹ Квонопхой погумун [Объявление Квонопхой] // Квонопшинмун. 1913. 6 января. Л.5.

² Например, в статьях от 16 июня 1912 г., 9 марта, 23 марта, 13 апреля 1913 г. А в публикации от 9 марта 1913 г. список принятых занял три страницы.

³ Чонгнёнзанёы бухёнгдоин идуилке гохам [Обращаемся к родителям малолетних детей] // Квонопшинмун. 1913. 25 августа. Л. 1. В статье «Чонгнёндонгпоуи зебарануин ба» [Обращаемся к нашим младшим соотечественникам] от 26 мая 1912 г. было написано, что

объявила о проведении публичных лекций по инициативе «Квонопхой» и приглашала слушателей. Такие лекции проводились несколько раз и пользовались популярностью среди жителей¹.

В 1912 г. таких лекций было проведено 24 и на каждую лекцию охотно приходило много корейских жителей. Содержание лекций в основном было посвящено жизни соотечественников за рубежом и жизни корейцев на родине².

Также газета давала полезные советы и ратовала за здоровый образ жизни: «усердие, скромность, усидчивость в работе – это всё, что вам нужно»³, «необходимо прекратить курить опиум»⁴, «нужно избавиться от вредной привычки и не забывать родной язык»⁵, «нужно копить деньги»⁶.

Кроме того, в газете выделилось места для публикаций по поводу изучения иностранного языка. Можно отменить такую тенденцию: много корейцев предпочитало учить русский язык вместо корейского. Однако газета предупреждала: «Если дети не получат национальное образование и не узнают о нашей стране, у них изменятся язык, уши и сердце. Дети в любом случай должны серьёзно учить родной язык, родную литературу и отечественную историю. Взрослые тоже должны учить буквы и базовую грамматику корейского языка и прочитать несколько книг по отечественной

«наша страна являлась сильной и богатой в древности. С того времени были установлены правила, что человек должен тренировать и воспитать себя». В публикации связывалось развитие индивидуальных способностей с развитием государства и освобождения родины от Японии.

¹ Реклама лекций были размещена несколько раз. Например, в номерах от 26 мая 1912 г., 24 ноября 1912 г., 19 января 1913 г.

² Квонопшинмун. 1912. 25 мая. Л.4.

³ Лодонгханун донгпоеге гохам [Обращаемся к работающим соотечественникам] // Квонопшинмун. 1913. 3 августа. Л.1.

⁴ Апён мокгнун ируил гёнгхеханора [Остерегайтесь любителей опиума] // Квонопшинмун. 1913. 2 марта. Л.1.

⁵ Акхан сургоануил борира [Избавляйтесь от вредной привычки] // Квонопшинмун. 1914. 21 июня.

⁶ Квонопшинмун. 1912. 20 октября; 1914. 28 февраля.

истории»¹. Газета постоянно обращала внимание на необходимость овладения корейским языком².

В-четвёртых, в публикациях важное место отводилось теме единства корейцев и повышения национального самосознания. В то времена на российской территории собирались корейские активистов с разными политическими взглядами, которые покинули родину в поисках новой политической базы. Из-за деления активистов на группы по месту происхождения в их среде постоянно возникали конфликты. «Квонопшинмун» постоянно подчеркивала то, что важна «любовь между соотечественниками»³, что необходимо «отделять личные дела от общественных»⁴, «уступать общественному мнению, игнорируя разницу в политических взглядах, своекорыстие»⁵, «если бы они были врагами, убившими ваших родителей для того, чтобы добиться освобождения родины, нельзя разделяться и не отказываться друг от друга, надо верить друг другу»⁶.

И в-пятых, в статьях призывали к поддержке антияпонского движения.

До закрытия 7 августа 1914 г. «Квонопшинмун» активно защищала интересы соотечественников в России. Она побуждала корейцев зарабатывать, учиться, просвещаться, объединяться для единственной цели – освобождение Кореи от Японии. Но о вооруженных действиях против Японии сообщалось не так часто, как о других событиях. Учитывая, что в это время отношения России с Японией стабилизировались и перед Первой

¹ Оигукмал бэу-нон иеге гохам [Обращаемся к людям, которые учат иностранный язык] // Квонопшинмун. 1912. 27 октября. Л.3.

² Сарам-мада гук-о-рул алайзи [Нужно знать корейский язык] // Квонопшинмун. 1913. 2 июня. Л. 3.; Хагуи бангхаке гук-о-гангсуп [Уроки корейского языка во время летнего отпуска] // Квонопшинмун. 1914. 31 мая. Л. 2.

³ Донгпо сайуи саранг [Любовь между соотечественниками] // Квонопшинмун. 1912. 28 июля. Л. 2.

⁴ Гонггоа саруил зал бунгагхяё хал ил [Отделяйте личные дела от общественных] // Квонопшинмун. 1912. 22 сентября. Л. 3.

⁵ Гонгронгоа сахэ [Публичное мнение и общество] // Квонопшинмун. 1912. 16 марта. Л.1.

⁶ Лишёнгээ ёнсеол [Речь Ли Сонгээ] // Квонопшинмун. 1913. 20 сентября. Л.1.

мировой войной было подписано соглашение, местная администрация считала необходимым предупреждать конфликты, которые привели бы к осложнениям на международном уровне. Поэтому издание было закрыто.

После революции и создания СССР огромную роль в деле культурно-политического просвещения масс продолжала играть корейская периодическая печать. 1 марта 1923 г. была создана газета «Самол иль-иль» [Первое марта]. Она выходила под этим названием до третьего номера, с четвёртого номера изменила название на «Сонбонг» [Авангард]¹. Сначала её издавали во Владивостоке, а после 31 марта 1929 г. издательство переехало в Хабаровск², поэтому начиная с № 326 газета выходила там.

Начальные номера «Самол иль-иль» издавались в Корейской слободке во Владивостоке частными лицами. Главный редактором был Ли Бэкхо, корейский активист³. С четвёртого номера «Сонбонг» изданием руководили Приморский Губком РКП(б) и Владивостокский Окружком ВКП(б), затем в Хабаровске – Дальнрайком ВКП(б) и Дальнрайсовпроф⁴. Газета выходила один раз в неделю по воскресеньям.

Цели издания менялись. Сначала газета «Самол иль-иль» претендовала на роль национальной газеты, чья цель заключалась в том, чтобы помочь национальному движению за освобождение Кореи: «оформление национального фронта содействия корейской революции»⁵.

Эта идея отражалась в публикациях. Так, первый номер «Самол иль-иль» был посвящен памяти о событиях *Сам-ил ундонг* (Восстание 1 марта), когда корейцы с лозунгом «Да здравствует освобожденная *Дэхван* [Корея]!»

¹ Сонбонг шинмунуи ляксао имму [Короткая история и цели газеты Сонбонг] // Сонбонг. 1925. 21 ноября. Л.1.

² Сонбонг. 1929. 20 марта, 27 марта.

³ Ван Вёенгрюл, Росиазиёк ханинсимун сонбонггоа 1920,30 нёндэ ханинсахвэ [Корейская газета «Сонбонг» и корейские общества в России с 1920 по 1930 г.]. Сеул: Ёксамунэваёнгу, 2003. С. 70.

⁴ Сонбонг. 1925. 29 августа, 21 ноября; 1927. 3 мая; 1930. 7 ноября.

⁵ Чанг-ган сонон [Манифест о создании газеты] // Самол иль-иль (Сонбонг). 1923. 1 марта. Л.1.

устроили манифестации 1 марта 1919 г. в Корее. На первой странице был нарисован корейский флаг и размещен лозунг «Давайте примем участие в национальном фронте за освобождение родины!»¹. Ниже были представлен весь текст манифеста Сам-иль ундонг и статья об истории восстания.

На второй странице был напечатан манифест о создании газеты. Редакция утверждала: «Мы должны представить то, что в настоящее время мы стараемся найти социалистический элемент для освобождения Кореи и он заключается в духе Сам-иль ундонг. И ещё необходимо показать возможность ускорить последний сбор урожая Сам-иль ундонга... У нас социализм в голове, ногах и руках»². Что касается средства создания фронта, то газета выбрала социализм и Сам-иль ундонг для того, чтобы ускорить освобождение родины и сохранить её дух и традицию до того дня. «Самол иль-иль» старалась составить правила революции для национального движения соотечественников.

Хотя место издания было в Корейской слободке во Владивостоке, но целевая читательская аудитория не была ограничена местным уровнем. Фактически газета распространялась бесплатно не только в России, но и в Китае, Америке, и Корее в объеме 5 000 экземпляров в неделю³. Так как «Самол иль-иль» считала себя национальной газетой, то она старалась работать с корейцами по всему миру.

Как уже отмечалось, с четвёртого номера бывшее название газеты «Самол иль-иль» изменилось на «Сонбонг». Но изменения затронули и другие аспекты. Управляющим органом стала Корейская секция при Губкоме РКП(б). Главной целевой читательской аудиторией были определены местные жители, особенно «корейские рабочие и крестьяне в СССР... Наша

¹ Чанг-ган сонон [Манифест о создании газеты] // Самол иль-иль (Сонбонг). 1923. 1 марта. Л.1.

² Чанг-ган сонон [Манифест о создании газеты] // Самол иль-иль (Сонбонг). 1923. 1 марта. Л.1.

³ Бонбоуй гоагоа хёнзэ [Прошлое и настоящее нашей газеты] // Сонбонг. 1924. 24 ноября. Л. 4.

главные читатели – организованные трудящиеся, а не частные революционеры, укоренившиеся в Приморской области рабочие и крестьянские, а не находящийся за рубежом народ»¹.

«Сонбонг» стала коммунистической газетой для местных рабочих и крестьян, целью которой было внедрять идеи коммунизма и объяснять законы и политику СССР. Согласно статье её задачами является следующие:

1. повысить классовое сознание и уровень коммунистической культуры у корейских трудящихся масс в Приморском крае;
2. представить политику относительно этнических меньшинств, проводимую Партией и Советской властью, привести революционную стройку в городах и деревнях;
3. учить корейцев строить новое общество на основе свободы и равенства, избегая политического и экономического угнетения, распространенного в царское время;
4. рассказывать о революционном опыте российского народа и воспитывать всех корейцев смело действовать и становиться героями на революционном фронте в Корее и в мире;
5. объяснять революционные законы СССР корейским массам;
6. способствовать повышению уровня экономической и культурной жизни корейских масс в Приморском крае;
7. рассказать трудящимся в Приморском крае, в Северной и Южной Маньчжурии о революционных стройках, тренировках, культуре и передавать новости корейцам в Приморском крае о революционном движении по миру»².

Нужно обратить внимание, что «Сонбонг» было важно освещать всю виды деятельности, которые связаны с распространением коммунизма и

¹ Бонбоуй гоагоа хёнзэ [Прошлое и настоящее нашей газеты] // Сонбонг. 1924. 24 ноября. Л. 4.

² Сонбонг шинмунуи ляксао имму [Короткая история и цели газеты «Сонбонг»] // Сонбонг. 1925. 21 ноября. Л. 4.

завершением строительства социализма. Тем не менее, на вторую, но не менее значимую цель, намекало повторяемое слово «*Корё*». В манифесте о создании газеты, называя корейцев словом «корёин» и Корею «*Корё*», Сонбонг представила свой взгляд на корейцев, которые обустроились в Приморской области.

Стоит рассмотреть слово «*Корё*». Оно сохраняется в слове «Корея». В X в. на Корейском полуострове была образована страна Корё. В Китае её называли *Ко-у-ро*, так же стали называть страну и европейцы, а жителей полуострова – корейцами. Хотя в словах «Корея» и «корейцы» не отражено изменение политической ситуации и настоящее название страны того времени, они определяли этническую принадлежность тех, кто жил на Корейском полуострове. В середине XIX в. на российские территории устремились переселенцы из Чосона, которые назывались корейцами. С течением времени слово «кореец» приобрело особое значение – «корейский переселенец и его потомки в России». Оно произносилось *Корё-ин* или *Корё сарам*, где акцент был на начальную часть *Корё*, к которой добавлялся суффикс «ин» или «сарам» со значением «человек».

В середине XIX в. корейские переселенцы считали себя людьми из Чосона. В 1919 г. Дэханзегук¹ потерял суверенитет, они назвали свою страну Дэхванзегуком и кричали «Дэхван доклип мансе» (Да здравствует освобожденная империя Дэхван). В то время они ещё назывались корейцами. В 1920-е гг., после распространения Советской власти, центр борьбы с Японией переместился в Маньчжурию. Приморская область стала тылом для освободительной борьбы. Здесь остальные корейские активисты были активными сторонниками ленинской социалистической идеи, они старались ликвидировать остатки феодальной системы Чосона и внедрять

¹ Дэхванзегук значит «Империя Дэхван», что было названием Чосона с 12 октября 1897 г. по 29 августа 1910 г. Династия Ли решила поменять название страны с Чосон на Империю Дэхван и назвать короля императором, чтобы объявить свой суверенитет и поднять положение страны на международной арене. Первым императором был Коджон.

социалистические и коммунистические элементы. Более того, среди корейских переселенцев уже произошла смена поколений. Появилось много российских корейцев, которые знали русский язык, являлись частью российского общества с рождения и впитали русскую культуру, т.е. они не были чужды России в экономическом, социально-культурном плане, хотя еще сохраняли элементы корейских культурных и духовных традиций.

В Приморской области и Корее корейцы столкнулись с неожиданной ситуацией: необходимо придумать название для обозначения этой новой группы. Слово «*Корё*» было популярным, и «Сонбонг» знала это. Поэтому «Сонбонг» повторяла *Корё* в манифесте, утверждая, что ее главная цель – защищать интересы корейцев и укреплять национальное сознание. Отметим, что это традиционная цель всех корейских периодических изданий.

Для достижения поставленных целей редакция «Сонбонг» на своих страницах разместила свое понимание данной проблемы, посвятив ей целый выпуск. Выпуск состоял всего из четырёх страниц. На первой странице размещалась «*Сасол*» (передовая статья), новости о социальном движении в Корее, новости мировой революции. На второй странице, в верхней части, публиковались международные политические новости, а в нижней части – кратко освещались местные новости культуры и общества. Затем следовала советская страница, на которой находились отчёты, приказы, решения, резолюция партии и т.д. Последняя, четвёртая страница, представляла собой информацию из социалистической теории, как лекции по политэкономии, объяснение НЭПа и т.д.¹

Через два или три года после начала работы газета обратила внимание на «оформление фронта национального содействия революции в Чосоне»². Она размещала много новостей о вооруженном движении корейцев в

¹ Бонбоуй гоагоа хёнзэ [Прошлое и настоящее нашей газеты] // Сонбонг. 1924. 24 ноября. Л.4.

² Зосон мал зонг-ги ганхвэнгмулуи озеоа онуил [Прошлое и будущее периодического издания в конце Чосона] // Ленингы кичи [Ленинское знамя]. 1968. 15 мая. Л.2.

Маньчжурии и редакционные статьи об освобождении родины, социалистическом и революционном движении по миру¹. А также продолжала публиковать статьи о восстании 1 марта 1919 г. до 30-х годов XX в.²

В апреле 1925 г. на её страницах стало больше статей, связанных с партийными делами в сельскохозяйственной сфере, советской идеологии и идеям. Это связано с переездом издательства газеты в апреле 1925 г. в бывший кабинет газеты «Красное знамя». Редколлегия газеты «Сонбонг» постоянно испытывала финансовые трудности. Под управлением Губнкома РКП(б) в 1923 г. эта ситуация не изменилась. Чтобы покрывать дефицит бюджета, газета организовала подписку, стоимость которой год от года увенчивалась³. «Сонбонг» подала заявление в Приморский Губком о субсидии и получила ее при условии, что редакция будет находиться в

¹ Редакционные статьи за тот год могут помочь понять цели газеты. Например: Хвэсамуи минзунгмунхва ундонг-ул нонханора [О народном культурном движении во Владивостоке] // Сонбонг. 1923. 17 апреля; Тонгилзок минзок хёкмёнгдонгы зозикул зечангханора [Объявление о создании национально-революционной партии для единства нации] // Сонбонг. 1923. 11 мая; Нуға собиет гукгы гукмининга, чэкимуин муотинга [Обязанности и права гражданина Советского государства] // Сонбонг. 1923. 4 августа; Сипол хёкмёнг зеюкзунён гинём [Шестая годовщина Октябрьской революции] // Сонбонг. 1923. 7 ноября; Кал ликнетоа гукзечонгнуундон [Карл Либкнехт и международное молодёжное движение] // Сонбонг. 1924. 15 января.

² Эта тема рассматривалась в следующих статьях: Ханил гангзе хапбанг десиасащунён гинём [В памяти о насильтвенной аннексии Кореи Японией] // Сонбонг. 1924. 20 августа; Минхок хэбангундонгуиро сахвэундоге [Социальное изменение через освобождение нации] // Сонбонг. 1925. 1 марта; Пари коммуна гинёмналуйл сегехёкмэнга гузехой мёэнгзоль хаза [Определем праздником Международного дня Парижской коммуны] // Сонбонг. 1925. 10 марта; Илбоны чимрякгоа горёы хвэбангундонг [Агрессия Японии и освободительное движение Кореи] // Сонбонг. 1925. 29 августа; Самил докоипундонг зечилзунён гинём-саҳвои хёкмёнгы барунгилло [Седьмая годовщина Восстания Первого марта: на пути социалистического движения] // Сонбонг. 1926. 1 марта; Чосонхабёнг ишипзунёнуйл мазуимёнсо [В память об аннексии Кореи Японией 20 лет] // Сонбонг. 1930. 27 августа.

³ В апреле 1925 г. стоимость подписки составила 25 коп. за месяц, 1 руб. 60 коп. за полгода, 3 руб. за год. 1 январе 1930 г. было объявлено об увеличении платы в 2,5 раза: 60 коп., 3 руб. 40 коп., 6 руб. 70 коп. соответственно. А через платы еще увеличилась и составила 1 руб. за месяц и 6 руб. за полгод. Источник: Чоё Хызин. Сонбонгы гоангорул тонгхэ вон 1930нёндэ ёнхэзу горёсахэ [Изучение Корё обществ 1930-х годов через рекламу в газете «Сонбонг»]. Сеул: Зэйхханинёнгу 1930 С. 93. Разумеется, с течением времени годовая подписка потеряла популярность среди читателей.

здании газеты «Красное знамя» и объединиться с ней. Для того, чтобы переехать в дом № 43 по ул. Ленинской редакция приостановила выход газеты на целый месяц¹. Благодаря ежемесячной субсидии в 500 руб. «Сонбонг» начала работать стабильно. Произошло изменение содержания газеты на более советское и пропартийное.

На первой странице «Сонбонг» стали размещаться статьи о партийных делах и советской идеологии, например, статьи о распашке пахотных земель, уплате налога², сельском хозяйстве на территории всей страны³, развитию ремесла в деревне⁴ и т.д.

Редакционные статьи уступили место публикациям о партийных делах, всемирные новости о революции были перемещены на другую страницу и сокращены по объёму. С № 70 газета содержала лозунг «Сонбонг» является газетой рабочих. «Сонбонг» является газетой крестьян», с № 73 вводятся новые рубрики под названием «Жизнь партии» и «Деревня и крестьяне». Новости Приморского края были размещены на четвёртой странице.

С № 87 часто газета состояла из шести страниц. На двух дополнительных были размещены материалы Коммунистической партии и статьи, объясняющие политику партии. С № 118 периодичность выхода увеличилась до двух раз в неделю. Тираж газет также увеличивался по годам. В 1923 г. «Сонбонг» вышла 14 раз в год тиражом 80 экз., в 1923 г. – 34 раза в год тиражом 800 экз., в 1926 г. – два раза в неделю тиражом 2 900 экз. В 1930-е гг. газета издавалась ежедневно тиражом более 10 000 экз.⁵

Исходя из этих данных можно понять, что газета успела развернуть широкую пропаганду идей социализма и сыграла большую роль в

¹ Докзаеге бонэнун тонгшин [Сообщение читателям] // Сонбонг. 1925. 7 апреля. Л.4.

² Нонгчоны бом: пазонггоа напсэы дангzon [Весна в деревне: сезон распашки и уплаты налогов] // Сонбонг. 1925. 7 апреля. Л.2.

³ Зохапзок нонгзакуин сэнонгчоне гонсолы гично [Союзное сельское хозяйство является основанием строительства новой деревни] // Сонбонг. 1925. 14 апреля. Л.2.

⁴ Нонгчон буопы зангрё [Побуждение второго занятия в деревне] // Сонбонг. 1925. 21 апреля. Л.3.

⁵ Сонбонг. 1932. 5 мая.

культурном строительстве и мобилизации трудящихся на досрочное выполнение пятилетнего плана¹.

В 1920-е гг., хотя «Сонбонг» была газетой Корейской секции при Губкоме РКП(б), она оставалась и национальной газетой. В ней ещё было много статей о повышении национального сознания и революционном движении. Когда Приморский край стал тыловым фронтом в борьбе за освобождение Кореи и советская власть укрепилась, корейские активисты видели путь освобождения родины в социализме, коммунизме и революции².

Газета рекомендовала участвовать в строительстве советской республики, укреплять базу интернациональной революции и содействовать освобождению нации³. Восстание 1 марта тоже неоднократно освящалось в статьях, опубликованных «Сонбонг».

Редакция старалась прислушиваться к мнению масс, передавать его органам власти, среди рабочих и крестьян, особенно советского этнического меньшинства распространять грамотность и политическое сознание⁴. В 1930-е гг. она фактически стала газетой Корейской секции при Губкоме РКП(б). До закрыта 12 сентября 1937 г. значительная часть газетных рубрик заполнялась статьями о достижениях корейских колхозов, различных направлениях деятельности партии в селах Дальневосточного края.

Главным достижением «Сонбонг» в сфере просвещения народа являлось развитие советско-корейской литературы. В конце 1920-х гг. «Сонбонг» стремилась открывать читателю новых писателей и публиковать для того их произведения. Особое внимание уделялось тем авторам, которые писали свои произведения с новых социалистических позиций. Целью таких

¹ Ким Сын Хва. Указ. соч. С. 202.

² Горёнин рорёкзадулеге [Трудящимся Горё] // Сонбонг. 1926. 1 мая. Л.1.

³ Совет зидэесонун горё хапбёнгнале [В день аннексии Кореи в Советской стране] // Сонбонг. 1925. 25 августа. Л.1.

⁴ Сонбонг шинмуны хёнзэ хёнгпёнгоа гуи ы-ы-оа гуи-е дэхван горёрорёкгунзунгы гоаоп [Настоящее состояние газеты «Сонбонг», его значение для корейских трудящихся масс] // Сонбонг. 1928. 16 марта. Л.2.

публикаций являлось просвещение корейцев, распространение в их среде коммунистической идеологии и развитие национальное самосознание.

В 1920-1930-е гг. самосознание корёин укрепилось на основе опыта своих родителей и своего собственного. В конце 1920-х гг. советские корейцы участвовали в формировании национальной литературы. Корейская газета «Сонбонг» играла важную роль в этом процессе.

В газете много новых писателей публиковали свои литературные сочинения на корейском языке, посвященные таким темами, как тоска по родине, мечта об освобождении родины, похвала советскому государству. В то время советско-корейская литература была больше национальный, чем советской.

На страницах издания были представлены стихотворения поэта Ким Сизонг «*Наму зупнуин анакне*» (Жена, собирающая дрова)¹, Чо Гюхва «*Си*» (Семя), Ён Сонгрёнг «*Вонхянг*» (Далёкая родина)² и анонимная проза «*Зипбалпхин горё*» (Растоптанная Корея)³.

Были публикованы такие романы, как «*Сахом*» (Борьба) писателя Ким Югёнг, «*Хонггэхы сокянг*» (Закат на озере Хонггэ) писателя Хан Зюон⁴. Они все посвящены грусти о колонизации родины и печальной жизни соотечественников. Более того, «Сонбонг» представила «*Чангга*» – традиционно популярную в конце XIX в. – начале XX в. в Чосоне корейскую пьесу, которая рассказывала о повседневной жизни и симпатиях народа.

В 1920-е гг. советско-корейская литература была национальным литературным направлением. В начале 1920-х гг. с усилением политики коллективизации в сельскохозяйственной сфере в деятельность советско-

¹ Докзамуне [Литература читателей] // Сонбонг. 1928. 23 мая. Л. 4.

² Сипвол хёкмёнг ёлнебоне вондонгы горёмундангоа мун [Спустя 14 лет после Октябрьской революции: корейская литература и писатели] // Сонбонг. 1931. 10 ноября. Л.1.

³ Зипбалпхин горё [Растоптанная Корея] // Сонбонг. 1928. 7 ноября. Л.1.

⁴ Сипвол хёкмёнг ёлнебоне вондонгы горёмундангоа муна [Спустя 14 лет после Октябрьской революции: корейская литература и писатели] // Сонбонг. 1931. 10 ноября. Л.2.

корейских писателей возник застой. Национализм и романтизм в советско-корейских литературных произведениях подверглись идеологической критике. Например, Ли Хёён в своих произведениях «Онал и гот-е и мом» (Сейчас здесь я) и «Зочунпунгсол» (Метель ранней весной) писал о тоске по родине и мечтах об идеальной жизни. Они были раскритикованы, потому что пробуждали «антисоветскую сентиментальность и заставляли народ мечтать и желать что-то вне нашего общества, объединяли социалистические идеи с капиталистической развлечением»¹.

Такая тяжелая атмосфера существовала до середины 1930-х гг. Советско-корейские литераторы, как и другие, подвергались тотальной цензуре. 1 августа 1934 г. в литературном разделе «Сонбонг» были размещены советско-корейские стихотворения. Хотя они все были написаны на корейском языке, но похожи на произведения русскоязычной советской литературы по форме и содержанию².

Для того, чтобы получить одобрение цензуры, советско-корейские писатели нашли решение в смешанном формате, когда содержание совмещало социальную идею с национальной. В 1935 г. в газете были представлены новые по форме сочинения. Поэты создавали стихотворения с социальным сюжетом в жанре традиционной корейской песни. Ён Сонг-ёнг добавил новый текст к традиционной мелодии – песне «Син ариранг» (Новый Ариран) и получил «Куипопнуи оуярул да галанэза» (Давай распашем всю бесконечную плодородную землю)³. Он также взял мелодию песни «Гисэнг

¹ Анхёумёнгхокин сангзингзок мунезакга Лихоёны сасангуил покрохаза [Разоблачаем идеи антиреволюционного символистского писателя Ли Хёна] // Сонбонг. 1932. 30 мая. Л.1.

² В разделе «Литература» были опубликованы следующие произведения: «Ачуимнол» [Утреннее сияние] писателя Ли Пилсу, «Андоириа, андоио» [Нет, не получиться] писателя Хо Сонгмук, «Амуоганги изок зозок» [Тут и там на реке Амур] писателя Ким Донгчун, «Мэзангхаза!» [Похороните!] писателя Тэ Зангчун и «Донгбанги булгил» [Пламя на Востоке] писателя Овол-и // Сонбонг. 1930. 1 августа.

³ Мундан [Парнас] // Сонбонг. 1935. 8 мая.

зопго» (Хвала Гисэнг)¹ и популярную традиционную корейскую песню «Чунхянга» (Песня Чунхян) и создал новую песню «Е-хе-хе нол-нол боми-оа» (Весна придёт, ура)².

Ким Хвасон изменил текст традиционной песни «Обу тарёнг» (Песня рыбаков) и представил новую песню «Обуы бомноле» (Весенняя песня рыбаков)³. Эти песни восхваляли строительство социализма и работу в корейских традиционных мелодиях. Таким образом, советско-корейские литераторы старались сохранить и корейскую традицию и создавать новое направление советско-корейского искусства. «Сонбонг» содействовала этому вплоть до закрытия 12 марта 1937 г., когда корейцам пришлось покинуть свою вторую родину.

23 августа 1937 г. в газете была опубликована афиша корейского театра, где рассказывалось о представлении «Чунхянгон», корейской традиционной оперы. Газета не переставала проводить культурную работу среди корейцев.

Кроме указанных выше газет, существовали и другие корейские издания. Газета «Дэхванин зонгёбо» (Православный журнал корейцев) выходила с 20 декабря 1912 г. до июня 1914 г. в Чите⁴. Она была изданием организации «Дохванин Гукминхон» (Общество народа Дэхван) в Забайкалье. Для нее была характерна антияпонская работа. Её задача заключалась в побуждение соотечественников к освобождению родины от Японии. Периодичность выхода была нестабильной из-за угрозы со стороны Японии. Учитывая то, что за два года вышло всего 11 номеров, вероятно, что газета испытывала трудности с публикацией.

¹ Гисэнг – женская профессия во времена династии Чосон. Девушки с детства тренировались петь, танцевать, рисовать, читать, писать и рассказывать на высоком уровне. Они в этом похожи на гейш в Японии, но в отличие от них не предоставляли сексуальные услуги. Гисэнг часто были художниками.

² Мундан [Парнас] // Сонбонг. 1935. 15 мая.

³ Мундан [Парнас] // Сонбонг. 1935. 8 мая..

⁴ Дэхванин зонгёбо. 20 декабря 1911 г. (по лунному календарю).

В периоде Октябрьской революции корейские газеты долго не работали. Газета «Ханинишинбо» (Новый вестник корейцев) издавалась с 8 июля 1917 г. один раз в неделю. Её целью тоже была поддержка национального освободительного движение Кореи. Издательство находилось на ул. Никольской, в доме № 21, в Корейской слободке Владивостока¹. Неизвестна дата закрытия, периодичность выхода и тираж издания. Разумеется, она тоже работала в течение короткого периода. Кроме того, в периоде Гражданской войны некоторые корейские периодические издания появились и пропадали.

С 18 августа 1922 г. выходила «Вулгынки» (Красное знамя) периодичностью один раз в неделю и тиражом 80 экземпляров². «Синсеге» (Новый мир) появлялась 11 июня 1920 г. и выходила три раза в течение двух недель³. Дата закрыта газеты неизвестна. После создания СССР стали выходить много корейских газет. Кроме «Сонбонга», газета «Ёнжэзу обц» (Рыбалка в Приморской крае), «Сталинец», «Восточная коммуна», «Ленингоангсон» (Свет Ленина) старались просвещать корейцев, внедрять среди них социализм и сохранять корейские традиции для того, чтобы формировать и укреплять самосознание корейцев (корёин) в России.

Итак, подводя итог роли периодических изданий в жизни корейской диаспоры Дальнего Востока можно сделать несколько выводов.

Во-первых, периодические издания играли важную роль в развитии культуры среди корейцев. Они всячески способствовали сохранению и распространению в среде корейцев родного языка и культуры.

Во-вторых, корейские газеты повлияли на формирование самосознания корейцев. Покидая родину, корейцы обустроились в России, но скучали по своей стране. Спустя время, в процессе адаптации к русскому обществу, корейские традиции стали забываться. Корейские газеты старались сохранить

¹ Сосиг [Новости] // Ханинишинбо. 1917. 8 июля. Л. 2.

² Сосиг [Новости] // Вулгынки [Красное знамя]. 1922. 19 августа. Л. 2

³ Сэсеге [Новый мир] // Сонбонг. 1920. 11 июня. Л. 1.

национальную культуру у соотечественников. Они постоянно передавали новости, побуждавшие переселенцев вспоминать родину, как, например, в статьях о революции в других странах или о действиях корейских активистов за рубежом. Они убеждали учить корейских детей корейскому языку и воспитать их как героев национального освободительного движения.

В-третьих, корейские газеты способствовали формированию советско-корейской литературы. На своих страницах они публиковали произведения корейской литературы: различные статьи по истории Кореи; произведения поэтического и песенного творчества корейских авторов.

В-четвертых, на страницах корейских газет находили отражения изменения в культурных предпочтениях корейцев Дальнего Востока России после образования СССР, подчеркивалось, что культурно-просветительная работа в среде корейских народных масс на всех этапах развития страны была тесно связана с практическими задачами социалистического строительства, что результатом этой работы явилось создание нового социалистического быта, общее повышение культурного уровня населения, распространение научных, антирелигиозных знаний, приближение культурного уровня деревенских жителей к культурному уровню горожан¹.

В-пятых, к началу 1930 гг. корейцы практически адаптировались в советском обществе. В одном из документов утверждалось, что «нет никаких оснований давать какую-либо возможность укрепляться и самобытно проживать в наших пределах пришлому и чуждому для нас китайскому и корейскому люду»². Корейские мигранты сами нашли меры для решения этой проблемы. Были построены школы, педагогический институт, получили развитие учреждения культуры. Корейские дети получили возможность изучать и понимать иностранный для них язык, принять чужую для них культуру и адаптироваться к принимающему сообществу. Первое поколение

¹ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев... С. 203.

² РГИА ДВ Ф. 87. Оп. 4. Д. 1593. Л. 60.

переселенцев готовило своих детей стать членами российского общества. А последующие поколения уже воспринимали себя частью России/СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог изучению вклада корейцев в социокультурное и экономическое развитие российского Дальнего Востока (1864-1937 гг.) мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, корейскую иммиграцию на Дальний Восток России можно разделить на несколько этапов, в рамках которых менялись и отношение российских властей к корейским переселенцам, и численность участвовавших в переселении, и сам характер миграции.

Первый этап переселения (середина XIX в. - 1917 г.) был обусловлен экономическими причинами. Корейские переселенцы появились в регионе ещё до установления дипломатических отношений между двумя государствами. Поначалу они пересекали границу для участия в сезонных работах и по окончании ее и получения летних заработков возвращались домой. Но часть корейских отходники оставались в России на постоянное жительство, что приводило к формированию в регионе оседлого корейского населения. Переселенческое движение корейских крестьян возросло с конца 1868 г. вследствие стихийных бедствий в Северной Корее. До 1880-х гг. корейские переселенцы являлись, по сути, нелегалами, они активно осваивали дальневосточные земли и всеми силами стремились адаптироваться к новой социокультурной среде.

После подписания в 1884 г. российско-корейского договора остро встал вопрос о статусе корейских иммигрантов в Приамурском крае. К концу 1887 г. была достигнута договоренность о включении в текст соглашения статьи, согласно которой все корейцы, переселившиеся в Россию до подписания договора 1884 г., могли получить русское подданство и пользоваться «всеми правами наравне с другими русскими подданными». В 1891 г. генерал-губернатором Приамурского края были предприняты меры по правовому урегулированию положения корейцев, проживавших в Приморской области,

разделенных на три категории, каждой из которых соответствовал определенный набор льгот и прав.

В целом, в рамках первого периода, российские власти создали для корейских колонистов благоприятные условия для натурализации на территории Дальнего Востока. Это было связано с необходимостью освоения присоединенных территорий и сохранения этих земель за Российской империей. При царском режиме корейцы, принявшие гражданство, обладали всем спектром социальных прав, присущих всем гражданам империи. Но специфической особенностью корейцев, заселившихся на Дальний Восток, было формирование и сохранение диаспоры как особой формы сохранения самоидентичности.

Во-вторых, второй этап переселения корейцев (1917-1937 гг.) – носил в большей степени политический характер. В период Гражданской войны и иностранной интервенции (1917-1922 гг.) приток корейских переселенцев на территорию Дальнего Востока России усилился. После разгрома интервентов и окончания Гражданской войны ВЦИК объявил Дальний Восточный край России нераздельной частью РСФСР, образовал на её территории Дальневосточную область и утвердил состав Дальревкома, который осуществлял руководство административной и хозяйственной деятельностью.

До мая 1923 г. сохраняли силу Постановления, согласно которым у иностранно-подданных корейцев для получения паспорта на проживание в Дальневосточной области отбирался показник. Эти документы были отменены на основании постановления Дальревкома от 8 мая 1923 г. Введение в действие инструкция НКВД от 14 февраля 1921 г. «О выдаче видов на жительство иностранным гражданам» позволило проживающим на территории РСФСР корейским гражданам иностранного подданства получить «вид на жительство». При этом учитывалась лояльность колонистов к режиму и их стремление реализовывать поставленные перед

советским обществом задачи. В практике решения «корейского вопроса» региональные власти руководствовались принципом полезности в развитии экономики региона земледельческой системы хозяйств. В июле 1924 г. Дальревком установил упрощённый порядок приёма в советское гражданство корейских трудящихся, переселившихся до 1918 г.

В период 1920-х – начала 1930-х гг. поток переселения корейцев на Дальний Восток усилился. Этому способствовала сложная внешнеполитическая обстановка в Корее и Маньчжурии. Для регулирования потока иммигрантов из этих регионов требовалось принятие решительных мер. В январе 1925 г. Народный комиссариат иностранных дел постановил «принять все доступные меры для прекращения притока китайцев и корейцев на советскую территорию». Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 23 января 1927 г. была утверждена «Инструкция об условиях и порядке предоставления земель для нужд сельскохозяйственной иммиграции». Всем корейцам, вселившимся в край до 15 ноября 1922 г. и доказавшим оседлый характер своего проживания, вне зависимости от гражданства, при обязательном наличии у них политических прав, предоставлять землю в трудовое пользование по возможности на месте проживания и в потребностях, вполне обеспечивающих нужды хозяйств.

Тем не менее, сложные отношения с Японией в 1920-1930-е гг., нестабильная политическая обстановка в Сибири и на Дальнем Востоке оказывали негативной влияние на положение корейцев в этих регионах. Вопрос о депортации корейского населения с приграничных территорий неоднократно обсуждался на местном и правительственном уровнях СССР. В результате чего были приняты директивы о массовом переселении корейского населения из пограничных районов Приморья. Партийная директива легла в основу совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. о депортации корейцев с Дальнего Востока в республики Средней Азии в период до 1 января 1938 г. Однако процесс

высылки корейцев с территории Дальнего Востока, но и из других регионов России – Москвы и Московской области, Тульской области продолжался вплоть до 1946 г.

В-третьих, корейцы внесли значительный вклад в развитие на дальневосточных российских территорий сельского хозяйства. На своей родине корейцы были хорошими земледельцами. Переселяясь на Дальний Восток России, корейские мигранты попали в непривычные климатические условия и должны были организовывать производство сельскохозяйственной продукции, не имея никакой сельскохозяйственной техники. Несмотря на непростые климатические условия, корейские переселенцы достигли успеха в сельском хозяйстве. Так как первоочередной задачей российского правительства было освоение территории Дальнего Востока, можно утверждать, что корейские переселенцы оказали большое влияние на развитие сельского хозяйства в данном регионе: значительно увеличив посевные площади, повысив урожайность традиционных культур и расширив ассортимент выращиваемых зерновых и овощных культур на новых территориях.

Высокая производительность сельскохозяйственного труда корейцев привела к возникновению хлебных излишков, которые можно было продавать. Благодаря избытку хлебных продуктов рыночные цены на них несколько снизились.

Кроме собственно хлебопашства, корейцы активно занимались и другими промыслами: рыболовством, огородничеством, производством предметов первой необходимости. В корейских селениях процветала мелкая и средняя торговля.

В-пятых, корейцы сыграли определенную роль в развитии промышленности. Хотя в промышленном производстве корейцы почти не использовались, но именно они приняли непосредственное участие в развитии добывающей промышленности.

Появление корейских старателей связывается с развитием добычи золота на Дальнем Востоке. Предприниматели использовали корейцев как наемных рабочих и отдавали им предпочтение при наборе старателей из числа иностранных подданных. Предполагается, что первые корейские рабочие на приисках Приморской области появились в 1894 г. на прииске Степано-Дмитриево Харалмниевского района.

Увеличение числа иностранных рабочих беспокоило администрацию Приморской области. П.Ф. Унтербергер считал главной целью уберечь границу и приграничные земли от иностранных сил. Так в 1908 г. было запрещено нанимать корейцев на прииски. Изменение численности корейских рабочих на приисках связано с динамикой добычи золота. После запрета нанимать корейцев на прииски в 1907 г. их число уменьшилось, количество добытого золота также снизилось.

Во время Первой мировой войны крупные заказы интендантства стимулировали развитие военных заводов и мастерских, мукомольной и рыбной промышленности. В то же время в результате уменьшения количества рабочих из-за мобилизации наблюдался спад в золотопромышленности, для подъема которой с 1916 г. активно использовались иностранные, особенно китайские и корейские, рабочие.

В советский период советские граждане корейской национальности трудились на предприятиях Дальнего Востока. Но подавляющее большинство корейцев-переселенцев сохранили свой сельскохозяйственный уклад и продолжили трудиться на земле. Участие корейцев в сельском хозяйстве и промышленности оказало позитивное влияние на развитие Дальнего Востока России.

В-шестых, решающим фактором в процессе адаптации корейцев на российском Дальнем Востоке стало развитие образования и культуры, как национальной, так и интегрированной в российское общество. Степень

интеграции была выше на втором этапе заселения: это отвечало задачам ленинской национальной политики.

Широкое распространение в корейских селениях получили школы, содержащиеся на средства самого корейского населения, созданные Министерством народного просвещения и миссионерские, находящиеся в ведомстве Святейшего Синода. Обучение в миссионерских школах велось сразу на двух языках: русском и корейском, и именно они были наиболее востребованными в районах компактного проживания корейцев.

Порывы корейцев «обрусить» своих детей и тем самым сблизить с русским народом, были продиктованы желанием продемонстрировать свою лояльность к местным властям, получить моральную и материальную поддержку и закрепиться на принимаемой территории.

После установления Советской власти в крае власти стремились различными способами вовлечь корейцев в социалистическое строительство, в том числе и благодаря развитию сети образовательных и просветительских учреждений. С развитием национальных корейских школ, численность их на советском Дальнем Востоке возросла. В советское время получили широкое распространение и другие виды образовательных учреждений, расширился их спектр, они стали более доступными для корейского населения.

В-седьмых, значительную роль на сохранение национальных традиций, национальной культуры и национального менталитета оказывали корейские периодические издания. На страницах газет публиковались сведения об истории Кореи, корейские сказки, произведения корейских питателей и пр. Все это способствовало просвещению корейского народа и сохранению в их сознании национальных традиций и ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

I Неопубликованные источники

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ)

1. Ф. 6. «Приморская областная чертежная Приморско-Сахалинского управления государственных имуществ. г. Владивосток» 1858–1922 гг. Оп. 1. Д. 3.

2. Ф. 65 Крестьянский начальник Посытского участка Приморского областного по крестьянским делам присутствия п. Посыт Южно-Уссурийского уезда Приморской области» 1902–1917 гг. Оп. 1. Д. 20.

3. Ф. 87. Канцелярия военного губернатора Приморской области. (1843-1917). Оп. 1. Д. 19, 278, 1007, 1593.

4. Ф. 702. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора (1861-1920). Оп. 1. Д. 94, 640; Оп. 2. Д. 398; Оп. 5. Д. 83, 811.

5. Ф. Р-2422. Дальневосточный революционный комитет. г. Хабаровск (1920-1926) Оп. 1. Д. 1488, 1493, 1501.

Архив Центра Изучения истории и культуры Джоннам государственного университета в г. Кванджу. (АЦикДГУ)

6. РД Ф. 1. Приморское областное правление. г. Владивосток (1818-1919) Оп. 2. Д. 2185.

7. РД Ф. 28. Владивостокская городская управа. г. Владивосток (1870-1926) Оп. 1. Д. 1094.

8. РД Ф. 541. Пристав Суйфунского стана Никольск-Уссурийского уездного полицейского управления (1869-1917) Оп. 1. Д. 61.

9. ГХ Ф. Р-58. Дальневосточный революционный комитет (Дальревком) Оп. 1. Д. 18, 46.

10. ГХ Ф. Р-137. Хабаровский крайисполком Оп. 10. Д. 100.
Оп. 12. Д. 1.
11. ГХ Ф. Р-1228. Представительство Дальнрайисполкома в Москве
Оп. 1. Д. 159.
12. ГП Ф.Р-25. Владивостокская таможня. г. Владивосток (1900-1922) Оп. 5. Д. 10.
13. ГП Ф. Р-61. Вольно-Надеждинский сельсовет. Оп. 1. Д. 339, 556,
704.

II Опубликованные источники

Нормативно-правовые акты

14. Полное собрание законов Российской Империи. № 36928. С. 682–684 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 01.03.2017).
15. Постановление № 1428-326сс СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1937 г. О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края // Российские корейцы. 2012. Сентябрь. № 142. С. 9.
16. Приложение къ статьѣ 661. Правила о найме рабочих на частные золотные и плативные промысли, Свод законов Российской империи. Т. 7. СПБ.: Издательство Деятель, 1911. С.165.
17. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. IV. Инородческое население Приамурского края. Вып. 2. Корейцы и инородцы Южно-Уссурийского края Приморской области. Иркутск, 1884. 478 с.
18. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. IV. Инородческое население Приамурского края. Вып. 1. Инородцы Амурской области. Иркутск, 1883. 155 с.
19. Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края: По новому, 1902 г., изд. Положений о сел. состоянии (Свод.

зак., т. 9, особ. прил. к Зак. сост.), ... с разъясн. по решениям Правит. сената и циркулярам министерств, сост. Г.Г. Савич. СПб., 1903. 336 с.;

20. Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (по данным совещания секретарей Обкомов и председателей Губисполкомов 3-го августа 1923 г.). Чита, 1923. 76 с.

21. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук. 1904. С. 352.

22. Собрание кодексов и уставов РСФСР с дополнениями и постановлениями Дальревкома. Чита: Издание Дальневосточного Революционного комитета, 1923. С. 58.

23. Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной республики. 1922 г. № 3. 1933 с.

24. Устав сельского хозяйства. Издание 1886 г. Т. 12, Ч. 2. СПб., 1886. 17 с.

Справочники, отчёты, обзоры, сборники документов

25. 50 лет советскому Приморью: хроника событий. 1917–1967. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1968. 366 с.

26. Административно-территориальное деление Приморского края 1856–1980 гг. Справочник. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. 159 с.

27. Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело. 1928. 86 с.

28. Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1928. 84 с.

29. Барабаш Я. Сунгарийская экспедиция 1872 года // Военный сборник. СПб., 1874. Т. 1. № 3. С. 1–248

30. Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 2 / Авт.-сост.: Ли У Хе, Ким Ен Ун. М.: МККА, 1997. 302 с.

31. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг. СПб., 1895. 214 с.
32. Бюллетень о состоянии сельского хозяйства в Приморской области за апрель-июнь 1914 года. Владивосток, 1914. 26 с.
33. Вагин В.И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т.1. Вып.2. СПб., 1875. С.1-29.
34. Вебель Ф. Заметка о Приамурском крае (Материал для военно-статистического обозрения) // Военный сборник. Пг., 1894. №3. С. 159–184.
35. Веселовская Е.Д. Амурский край и наши переселенцы. М., 1901. 45 с.
36. Владивосток: (Сборник ист. документов). (1860–1907 гг.) / сост.: Воронкова Г.М., Двинских З.И., Каширина И.Ф. и др. Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1960. 220 с.
37. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского, 1893, 1894 и 1895 годы СПб, Тип. Ю.Н. Эрлиха, 1895. 172 с.
38. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет уполномоченного министерства иностранных дел В.В. Граве. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 489 с.
39. Духовской В.Ф. Из моих воспоминаний. В 2 ч. Предисловие К.К. Случевского. СПБ., 1900. Ч.1: 252 с. с порт.; Ч. 2: С. 253–599. с порт. и картой
40. Елисеев А.В. По Южно-Уссурийскому краю // Исторический сборник. СПБ., 1891. Т. 1, № 2. С. 435–456; № 3. С. 724–745; Т. 4, № 4. С. 86–109;
41. Елисеев А.В. Южно-Уссурийский край и его колонизация // Русский вестник. СПб., 1891. Кн. V. С. 111–147; Кн. VIII. С. 118–158.; Кн. X. С. 78–113

42. Закревский В.А. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях: [С прил.]. СПб., 1911. 338 с. (Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции; Вып. 9)
43. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 26. СПб., 1837. С. 429–461.
44. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 1–5. СПб., 1888. 170 с.
45. Киммангем И. Советское строительство среди корейского населения // Советское Приморье. 1926. № 1-2. С. 199–206.
46. Кириллов А.В. Корейцы села Благословенного (историко-этнографический очерк) // Труды Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Вып. 1. Хабаровск, 1895. С. 1–13
47. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917-1923 гг.): Документы и материалы / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока, М-во образования и науки РФ, Дальневост. гос. ун-т, Центр корееведческих исслед.; Отв. ред. А.А. Торопов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 320 с.
48. Кремянский С. В. Национальный состав сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 4.-С. 32-40.
49. Крылов Л.В. Сельское хозяйство // Экономика Дальнего Востока. Сборник под редакцией Н. Н. Колсовского, А. Н. Лагутина и М. И. Целищева. М. 1926. С. 302-310.
50. Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й в.: история в документах / сост. Н.Ф. Бугай. М.: ИНСАН, 2004. 300 с.

51. Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918-1937 гг.,

Отв.ред.Ю.В.Ванин, М.: ИВ РАН, 2004. 244 с.

52. Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края // Доклады в Обществе изучения Амурского края. Владивосток: Типография штаба портов Восточного океана, 1886. 27 с.

53. Нам Мачхун. Корейский вопрос как часть национальной проблемы на советском Даль[нем] Востоке. // Наш путь. Ежемесячный журнал Дальнего Востока ЦК РКП. 1923. №11. С. 11-18

54. Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края // Журнал министерства Народного просвещения, седьмое десятилетие. Ч. CCCLII, март 1904. СПб., 1904. 43 с.

55. Насёкин. А. Корейцы Приамурского края: краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край // Приамурский отдел императорского русского географического общества. Хабаровск, 1895. 36 с.

56. Народное образование на Дальнем Востоке в 1923-1924 году. Хабаровск: Б. и., 1925. 38 с.

57. Обзор Приамурской области за 1893 год: прил. к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1894. 40 с.

58. Обзор Приморской области за 1890 год: прил. к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1891. 31 с.

59. Обзор Приморской области за 1891 год: прил. к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1892. 39 с.;

60. Обзор Приморской области за 1892 год: прил. к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1893. 47 с.;

61. Обзор Приморской области за 1894 год: прил. к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1895. 51 с.;

62. Обзор Приморской области за 1895 год: прил. к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1896. 57 с.;

63. Обзор Приморской области за 1896 год: прил. к
Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1897. 45 с.;
64. Обзор Приморской области за 1897 год: прил. к
Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1899. 45 с.;
65. Обзор Приморской области за 1898 год: прил. к
Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1900. 59 с.;
66. Обзор Приморской области за 1899 год: прил. к
Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1901. 96 с.;
67. Обзор Приморской области за 1901 год. Владивосток: Тип.
Приморск. обл. правления, 1904. 95 с.
68. Обзор Приморской области за 1905 год. Владивосток: Тип.
Приморск. обл. правления, 1906. 33 с., 43 л. табл.
69. Обзор Приморской области за 1906. год. Владивосток: Тип.
Приморск. обл. правления, 1907. 49 с. 86 л. табл.
70. Обзор Приморской области за 1907 год. Приложение №12 к
годовому обзору Приморской области за 1907 год. Владивосток, 1908. 35 с.,
58 л. табл.
71. Обзор Приморской области за 1908 год. Приложение к годовому
обзору Приморской области за 1908 годв. Владивосток, 1910. 51 с.
72. Обзор Приморской области за 1909 год. Владивосток: Тип.
Приморск. обл. правления, 1910. 51 с., 53 л. табл.
73. Обзор Приморской области за 1910 год Владивосток: Тип.
Приморск. обл. правления, 1911. 72 с., 54 л. табл.
74. Обзор Приморской области за 1913 год Владивосток: Тип.
Приморск. обл. правления, 1915. 130 с.
75. Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток. 1915. 130 с.
76. Отчет Владивостокского Епархиального Комитета
Православного Миссионерского Общества за 1903 год. Школьное дело среди

корейцев // Владивостокские Епархиальные Ведомости. 1904. № 11. С. 230-240.

77. Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1904 год // Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. № 10. С. 226–230

78. Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1905 год // Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. № 12, 13. 1С. 252–255.

79. Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1913 год // Владивостокские епархиальные ведомости. Владивосток. 1914. №5– 6. С. 14-22.

80. Отчет Дальэкосо экономическому совещанию РСФСР. Владивосток: Дальэкосо, 1924. С. 351.

81. Отчёт по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. Т. II. Амурская область. Ч.И. Санкт-Петербург: Типо-Литография Якорь, 1905. С. 361.

82. Отчет статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. Т.І. Приморская область. СПб.: Типолитография Якорь, 1902. С. 1.

83. Переселенцы. Доклад кн. Крапоткина. Ответы по программе вопросов IV Хабаровского съезда // Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем в 1903 г. Под ред. Н. В. Слюнина. Хабаровск, 1903. С. 50.

84. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье: отчет поручика 1-го СПБ. Стрелкового полка В.Д. Песоцкого. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. 188 с.

85. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды

центрального статистического управления. Т. 5. Вып. 2. Отдел сельскохозяйственных переписей. М.: Издание ЦСУ СССР, 1923. С.163.

86. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг.: с картой Уссурийского края. СПб., 1870. 369 с.

87. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869. М., 1947. 310 с.

88. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 328 с.

89. Пуцилло М.П. Опыт русско-корейского словаря. Хабаровск, 1874. 760 с.

90. Пьянков В. Несколько статистических данных об Южно-Уссурийском крае. // Известия императорского русского географического общества. Т. X, № 2.СПБ, 1874(1-го февраля 1874 г.). С.89-98.

91. Рагоза А. Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник. СПБ., 1903. № 6. С. 206–222

92. Рагоза А. Посытский участок // Сборник географических, типографических и статистических материалов по Азии. Выпуск XIV. Издание военно-ученого комитета Главного Штаба. СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1891. С. 47-135.

93. Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае: отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттиха. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1899. 154 с., 4 л. табл., карт.

94. Салтыков Н.Н. Территория и население Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 6-7. С. 43-64.

95. Труды Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества, Т.1. Хабаровск, 1895. С.11.

96. Труды центрального статистического управления. Т. 5. Вып. 2. Отдел сельскохозяйственных переписей. М.: Издание ЦСУ СССР, 1923. 210 с.

97. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг.: Очерк с 6 картами, 21 таблицей приложений и с 55 рисунками на двадцати листах. Записки императорского русского географического общества по отделению статистики. Том XIII. Изданный под редакцией д. чл. В. В. Морацевского. СПб.: типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 428 с.

98. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856-1898 гг. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1900. [2], VIII, 324, [2], XX с., 13 л. ил., 2 л. карт.; 24.

99. Хакгёло малхамён [О школе] // Дэхванин Зонггёво. 1914. №9. С. 9. (на корейском языке)

100. Чоё Хызин. Сонбонгы гоангорул тонгхэ вон 1930нёндэ ёнхэзу горёсахэ [Изучение Корё обществ 1930-х годов через рекламу в газете Сонбонг]. Сеул: Зэойханинёнгу 1930. 120 с. (на корейском языке)

101. Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск: Издательство Дальневосточного Экономического совещания. 1925. № 11. С. 140-170.

Публикации в периодических изданиях

102. Аины охеруил солмёнгхам [Объяснить важное русским]. // Дэханмэилшинбо. 1910. 19 мая. Л.2. (на корейском языке)

103. Акхан сургоануил борира [Избавляйтесь от вредной привычки] // Квонопшинмун. 1914. 21 июня. Л. 4. (на корейском языке)

104. Анхёумёнгхокин сангзингзок мунезакга Лихоёны сасангуйил покрохаза [Разоблачаем идеи антиреволюционного символистского писателя Ли Хоёна] // Сонбонг. 1932. 30 мая. Л.1. (на корейском языке)

105. Апён мокгнун ируил гёнгхеханора [Остерегайтесь любителей опиума] // Квонопшинмун. 1913. 2 марта. Л.1.

106. Арёнге зэхан ханиниuin агукбёнгёке залвокзонгхамё гаханил [Это правильно, что русско-корейцы проходят военную службу] // Дэханмэилшинбо. 1909.1 сентября. Л.2. (на корейском языке)

107. Арёнгсилги, [Иммиграция корейцев в Россию] // Доклип шинмун. 1898. 3 апреля. Л.3.

108. Бонбо балмэсо гоангго [Реклама о издательстве газеты] // Дэханмэилшинбо. 1909. 17 июня. Л.5. (на корейском языке)

109. Бонбоуй гоагоа хёнзэ [Прошлое и настоящее нашей газеты] // Сонбонг. 1924. 24 ноября. Л. 4. (на корейском языке)

110. Борошилов си гёюк зонмунхакгё хаксэнг мозип [Приём студентов в Педагогический институт в городе Ворошилове] // Сонгбонг. 1936. 19 июня. Л. 3. (на корейском языке)

111. Борошилов си зосониг гёюк зонмунхакгёы илнёнган чонгхва [Отчёт Ворошиловского Корё педагогического института] // Сонгбонг. 1935. 18 июля. Л. 4. (на корейском языке)

112. Борошилов си зосонин гёюк зонмунхакгё гёмусаопы чонгэва [Отчёт об учебной работе в Корё педагогическом институте в г.Ворошилов] // Сонбонг. 1936. 3 июля. Л. 2. (на корейском языке)

113. Гандонге горёханун уридонгпо сэнгтакхэ восил ил [Подумайте, наши соотечественники на русской территории!] // Хэзошинмун. 1908. 4 марта. Л.3. (на корейском языке)

114. Гаонгуондоы бёнггёкмун [Информация и мобилизации населения в районе Гангондо] // Хэзошинмун. 1908. 27 февраля. Л.1. (на корейском языке)

115. Гёюк ёлсим [Стремление к образованию] // Квонопшинмун. 1913. 5 июня. Л. 3. (на корейском языке)

116. Гёюки опсумён и сидэе сэнгзонхамуйл опзи мопхам [Без обучения не сможем пережить настоящее время] // Хэзошинмун. 1908. 27 февраля. Л.2. (на корейском языке)

117. Гёюкуи ёлсим [Стремление к образованию] // Дэдонггонгво. 1910. 1 июля. Л. 2. (на корейском языке)

118. Гёюкы балдалуин сёльбиоанзёне зойхам [Для развития образования необходимо оборудовать школы. Ч. 1] // Хэзошинмун. 1908. 4 апреля. Л.2 (на корейском языке)

119. Гёюкы балдалуин сёльбиоанзёне зойхам [Для развития образования необходимо оборудовать школы Ч.2.] // Хэзошинмун. 1908. 11 апреля. Л.2. (на корейском языке)

120. Гобонгуим мозип гоангго [Информация о сборе пожертвований] // Дэдонггонгбо. 1909. 13 июня. Л.1. (на корейском языке)

121. Гогукыл дорада босио [Оглянитесь на родину] // Хэзошинмун. 1908. 7 марта. Л.2. (на корейском языке)

122. Гонггаа саруил зал бунгагхаёя хал ил [Отделяйте личные дела от общественных] // Квонопшинмун. 1912. 22 сентября. Л. 3. (на корейском языке)

123. Гонгронгаа сахэ [Публичное мнение и общество] // Квонопшинмун. 1912. 16 марта. Л.1. (на корейском языке)

124. Горёнин рорёкзадулеге [Трудящимся Горё] // Сонбонг. 1926. 1 мая. Л.1. (на корейском языке)

125. Горёнин сабомхакгё дэвакзанг [Расширение корейской педагогической школы] // Сонгбонг. 1926 г. 18 июля. Л.4. (на корейском языке)

126. Горю донгпоеге гёнггохам [Предупреждение соотечественникам в России] // Хэзошинмун. 1908. 30 апреля. Л.1. (на корейском языке)

127. Дальневосточные моря – колыбель недобытых миллионов // Известия. 1932. 20 января. Л. 6.

128. Данбалзыы пиы [Внешний вид тех, кто с короткими волосами] //

Хэзошинмун. 1908. 1 мая. Л.2. (на корейском языке)

129. Добыча золота //Приамурские Ведомости. Хабаровск. 1898. 15 мая. Л.6.

130. Докзаеге бонэнун тонгшин [Сообщение читателям] // Сонбонг. 1925. 7 апреля. Л.4. (на корейском языке)

131. Докзамуне [Литература читателей] // Сонбонг. 1928. 23 мая. Л. 4. (на корейском языке)

132. Доклип зунбихасио [Готовьте освобождение родины] // Квонопшинмун. 1914. 1,8,15, 22 марта. Л. 1. (на корейском языке)

133. Доклипшинмун [Шанхайская версия] // Арёнгсилги. 1898. 3 апреля. Л.4. (на корейском языке)

134. Донгпо сайуи саранг [Любовь между соотечественниками] // Квонопшинмун. 1912. 28 июля. Л. 2. (на корейском языке)

135. Донгпочонгон [Заявление от соотечественников] // Дэханмэилшинбо. 1909. 17 января. Л. 1. (на корейском языке)

136. Дэдонгтонбои чангсёлхамыл харехам [Поздравление Дэдонгтонбо с началом издания газеты] // Дэханмэилшинбо. 1908. 25 декабря. Л.1. (на корейском языке)

137. Ёнхэдо гакгун мит гуёк горёсагоанхакгё ган итогккепё [Отчёт корейских школ в Приморской крае] // Сонбонг. 1924. 1 июля. Л.2. (на корейском языке)

138. Ёнхэзу советхва онёнган горёин гёюксаопы балзон [Развитие образовательного дела у корейцев за пять лет Советской власти в Приморском крае] // Сонбонг. 1927. 7 ноября. Л.1. (на корейском языке)

139. Запбо / Местные новости // Дэдонгтонбо. 1909. 21 апреля. Л. 4. (на корейском языке)

140. Зипбалпхин горё [Растоптанная Корея] // Сонбонг. 1928. 7 ноября. Л.1. (на корейском языке)

141. Зонксунмансиы ёкса [История личности Зонг Сунман] //

Дэдонггонгбо. 1909. 5 мая. (на корейском языке)

142. Зосон мал зонг-ги ганхвэнгмулуи озеоа онуил [Прошлое и будущее периодического издания в конце Чосона] // Ленингы кичи [Ленинское знамя]. 1968. 15 мая. Л.2. (на корейском языке)

143. Зохапзок нонгзакуин сэононгчоне гонсолы гично [Союзное сельское хозяйство является основанием строительства новой деревни] // Сонбонг. 1925. 14 апреля. Л.2. (на корейском языке)

144. Зянгре ханинуи вокди [Благосостояние корейцев в будущем] // Квонопшинмун. 1912. 1 декабря. Л.4. (на корейском языке)

145. Илбан донгпоеге гёнгохам [Призыв к соотечественникам] // Хэзошинмун. 1908. 1 мая. Л.1. (на корейском языке)

146. Илбоны чимрякгоа горёы хвэбангундунг [Агрессия Японии и освободительное движение Кореи] // Сонбонг. 1925. 29 августа. Л. 1. (на корейском языке)

147. Иман нонгзакди инхеодоин илло [О разрешении возделывать землю в Имане] // Квонопшинмун. 1912. 8 декабря. Л.3. (на корейском языке)

148. Иман нонгзакзие дэхаё [О сельскохозяйственной земле в Имане] // Квонопшинмун. 1914. 18 января. Л. 2. (на корейском языке)

149. Кал ликнетоа гукзечонгнуунундон [Карл Либкнехт и международное молодёжное движение] // Сонбонг. 1924. 15 января. Л.1. (на корейском языке)

150. Кванго [Реклама] // Квонопшинмун. 1912. 1 декабря. Л. 2. (на корейском языке)

151. Квонопдан гобондан уингмохасил иеге гохам [Обращение к тем, кто поддерживает проект Квонопхой] // Квонопшинмун. 1912. 15 декабря. Л. 1. (на корейском языке)

152. Квонопхой гобондан мозип чуизисо [Приглашение оказать денежную поддержку] // Квонопшинмун. 1912. 12 декабря. (на корейском языке)

153. Квонопхой погомун [Объявление Квонопхой] // Квонопшинмун. 1913. 6 января. Л.5. (на корейском языке)

154. Квонопхойрул уихая ёнгукуил нонда [Театральный спектакль для Квонопхой] // Квонопшинмун. 1913. 20 апреля. Л.1. (на корейском языке)

155. Квонопшинмунил уихая [За Квонопшинмун] // Квонопшинмун. 1912. 26 мая. Л. 1. (на корейском языке)

156. Ким Донгзин Зенодонгпоуй гоаго и хёнзе [Прошлое и настоящее корейцев в России] // Синдонга. 1932. № 7. С. 6-31. (на корейском языке)

157. Корёгёюкзонмунхакгёы гоагоа хёнзэ [Прошлое и настоящее Корейского педагогического института] // Сонгбонг. 1931. 7 ноября. Л.2. (на корейском языке)

158. Корёин сабомхакгё вонол бол гэгё [Открытие Корейского педагогического института в этом месяце] // Сонгбонг. 1927. 8 марта. Л. 1. (на корейском языке)

159. Корёсабомхакгёы гэзомунзе [Вопрос о реформировании Корейского педагогического института] // Сонгбонг. 1920. 18 марта. Л.2. (на корейском языке)

160. Липсинхакгё зунгхунг [Возрождение школы Липсин] // Квононшинмун. 30 апреля 1913. Л.3. (на корейском языке)

161. Лишёнгзэы ёнсеол [Речь Ли Сонгзэ] // Квонопшинмун. 1913. 20 сентября. Л.1. (на корейском языке)

162. Лодонгхануин донгпоеге гохам [Обращаемся к работающим соотечественникам] // Квонопшинмун. 1913. 3 августа. Л.1. (на корейском языке)

163. Мигэдангпароны хагу [Предупреждение опасности партийной ссоры] // Дэханмэилшинбо. 1909.5 мая. Л. 1. (на корейском языке)

164. Минхок хэбангундонгуиро сахвэундоге [В социальное движение через освобождение нации] // Сонгбонг. 1925. 1 марта. Л. 3. (на корейском языке)
165. Мокхвоу Сэхакгё [Новая школа в Посыте] // Квонопшинмун. 1912. 23 декабря. Л.2. (на корейском языке)
166. Музопиап [Арест из-за отсутствия подданства] // Хэзошинмун. 1908. 15 марта. Л.2.
167. Музопиап [Арест из-за отсутствия подданства] // Хэзошинмун. 1908. 25 апреля. Л.2. (на корейском языке)
168. Мундан [Парнас] // Сонбонг. 1935. 15 мая. (на корейском языке)
169. Мундан [Парнас] // Сонбонг. 1935. 8 мая. (на корейском языке)
170. Накгио-хувонгум [Пожертвование на школу] // Квонопшинмун. 1913. 5 июня. Л. 4. (на корейском языке)
171. Нёзагёюк [Обучение женщин] // Хэзошинмун. 1908.28 февраля. Л.1. (на корейском языке)
172. Новости // Владивосток. 1886. 2 июня. Л.2.
173. Новости // Владивосток. 1887. 29 марта. Л.2.
174. Новости // Владивосток. 1895. 3 сентября. Л.2.
175. Новости // Владивосток. 1896. 2 июля. Л.2.
176. Новости // Владивосток. 1896. 23 июля. Л.2.
177. Новости с ДВК // Известия. 1926. 3 декабря. Л. 4.
178. Нонгчон буопы зангрё [Побуждение второго занятия в деревне] // Сонбонг. 1925. 21 апреля. Л.3. (на корейском языке)
179. Нонгчионы бом: пазонгтоа напсеы дангzon [Весна в деревне: сезон распашки и уплаты налогов] // Сонбонг. 1925. 7 апреля. Л.2. (на корейском языке)
180. Норёнгзосонин ноннчонзонгхвёнгы гумсок [Настоящее и будущее формирования корейской деревни на российской территории] // Гэвёк, 1925. 16 июля. Л. 2. (на корейском языке)

181. Нуға собиет гукгы гукмининга, чэкимуин муютинга [Обязанности и права гражданина Советского государства] // Сонбонг. 1923. 4 августа. Л. 1. (на корейском языке)
182. Овонгдонг Гэсонгхакгё /[Школа Гэсонг в Овонгдонг] // Квонопшинмун. 1913. 22 сентября. Л. 2. (на корейском языке)
183. Овонгдонг хонгдонгхакгё [Школа Хондонг в с. Удими] // Квонопшинмун. 1913. 15 сентября. Л. 2. (на корейском языке)
184. Оигукмал бэу-нон иеге гохам [Обращаемся к людям, которые учат иностранный язык] // Квонопшинмун. 1912. 27 октября. Л.3. (на корейском языке)
185. Ондонгесои зосонин гёюкбалзонгоа борошилов си гёюкзоумунхакгё [Ворошиловский педагогический институт и развитие образования у корейцев на Дальнем Востоке] // Сонбонг. 1936. 4 апреля. Л. 2. (на корейском языке)
186. Пари коммуна гинёмналуйл сегехёкмкнга гузехои мёнгзолло хаза [Определяем праздником Международный день Парижской коммуны] // Сонбонг. 1925. 10 марта. Л. 2. (на корейском языке)
187. Программы для национальных корейских школ // Дальневосточный учитель. Хабаровск. 1936. № 3. С. 4.
188. Проект землеустройства корейских поселений в Приморском крае // Советское Приморье. 1926. № 1. С.200–201
189. Рисоводство на берегах Черного моря // Известия. 1933. 10 октября. Л.
190. Сабомхакгё хаксэнг мозип гоангго [Информация для поступающих в Педагогический институт в Никольск-Уссурийске] // Сонгбонг. 1927. 3 июля. Л. 2. (на корейском языке)
191. Савомгоа хаксэнгмозип [Приём на педагогический курс]// Ханин шинво. 1917. 30 сентября. Л. 2. (на корейском языке)

192. Сагангёюкгоа рурёнгчонгнёны дёхунгихве [Хорошая возможность для молодёжи на русской территории] // Квонопшинмун. 1913. 4 апреля. Л. 3. (на корейском языке)
193. Саго [Реклама от газеты] // Дэдонггонгбо. 1909. 23 декабря. Л. 2. (на корейском языке)
194. Самил докоипундунг зечилзунён гинём-сахвои хёкмёнгы барунгилло [Седьмая годовщина Восстания Первого марта: на пути социалистического движения] // Сонбонг. 1926. 1 марта. Л.1. (на корейском языке)
195. Сарам-мада гук-о-рул алайзи [Нужно знать корейский язык] // Квонопшинмун. 1913. 2 июня. Л. 3. (на корейском языке)
196. Сведения о корейских поселенцах на Посытском участке // Владивосток. 1887. 29 марта. Л. 5.
197. Сивол хёкмёнгноаа ёнхэды горёзумин [Октябрьская революция и корейские жители в Приморском крае] // Сонгбонг. 1925. 7 ноября. Л. 1. (на корейском языке)
198. Сивол хуикмёнг сивбджунён ква кореё минджок [Десятая годовщина Октябрьской революции и корейская нация]. Хэсам, 1927. С. 15-17. (на корейском языке)
199. Сипвол хёкмёнг ёлнебоне вондонгы горёмундандоа мун [Спустя 14 лет после Октябрьской революции: корейская литература и писатели] // Сонбонг. 1931. 10 ноября. Л.1. (на корейском языке)
200. Сипол хёкмёнг зеюкзунён гинём [Шестая годовщина Октябрьской революции] // Сонбонг. 1923. 7 ноября. Л. 1. (на корейском языке)
201. Сисы дэбигук [Великая трагедия дела текущего дня] // Дэханмэилшинбо. 1909. 17 марта. Л. 4. (на корейском языке)

202. Соангрёнг горёины сэншхвалханун сангтэ [Состояние жизни корейцев в Никольск-Уссурийске] // Сонгбонг. 1926. 7 декабря. Л.2. (на корейском языке)
203. Соаонгрёнг синэ савоихвакгёи нэёнг [О педагогической школе в центре Никольск-Уссурийска] // Сонгбонг. 1925. 18 марта. Л.3
204. Сованглёнг донгпоуи андонгоа донгзинхакгё [Школа Донгзин и хорошее состояние соотечественников в с. Никольск-Уссурийск] // Квонопшинмун. 1913. 6 июля. Л. 2. (на корейском языке)
205. Совет зидэесонун горё хапбёнгнале [В день аннексии Кореи в Советской стране] // Сонбонг. 1925. 25 августа. Л.1. (на корейском языке)
206. Сонбонг шинмунуи ляксао имму [Краткая история и цели газеты Сонбонг] // Сонбонг. 1925. 21 ноября. Л. 4. (на корейском языке)
207. Сонбонг шинмуны хёнзэ хёнгпёнгоа гуи ы-ы-оа гуи-е дэхван горёрорёкгунзунгы гоаоп [Настоящее состояние газеты Сонбонг, его значение для корейских трудящихся масс] // Сонбонг. 1928. 16 марта. Л.2. (на корейском языке)
208. Сосиг [Новости] // Вулгынки [Красное знамя]. 1922. 19 августа. Л. 2. (на корейском языке)
209. Сосиг [Новости] // Квононшинмун. 1913. 23 июня. Л. 3 (на корейском языке)
210. Сосиг [Новости] // Квонопсинмун. 1913. 9 марта. Л. 3. (на корейском языке)
211. Сосиг [Новости] // Квонопсинмун. 1914. 21 февраля. Л. 3. (на корейском языке)
212. Сосиг [Новости] // Квонопшинмун. 1912. 20 октября Л. 3. (на корейском языке)
213. Сосиг [Новости] // Квонопшинмун. 1912. 24 ноября. Л. 3. (на корейском языке)

214. Сосиг [Новости] // Квонопшинмун. 1912. 3 ноября. Л.1. (на корейском языке)
215. Сосиг [Новости] // Квонопшинмун. 1912. 6 мая. Л. 3. (на корейском языке)
216. Сосиг [Новости] // Квонопшинмун. 1914. 15 февраля. Л. 3. (на корейском языке)
217. Сосиг [Новости] // Квонопшинмун. 1914. 28 февраля. Л. 3. (на корейском языке)
218. Сосиг [Новости] // Квонопшинмун. 1914. 8 февраля. Л.2. (на корейском языке)
219. Сосиг [Новости] // Сонбонг. 1925. 29 августа, 21 ноября; 1927. 3 мая; 1930. 7 ноября. (на корейском языке)
220. Сосиг [Новости] // Сонбонг. 1929. 20 марта, 27 марта. (на корейском языке)
221. Сосиг [Новости] // Сонбонг. 1932. 5 мая. Л.1.(на корейском языке)
222. Сосиг [Новости] // Ханинишинбо. 1917. 8 июля. Л. 2. (на корейском языке)
223. Сосиг [Новости] // Ханиншинво. 1917. 23 сентября. Л. 3(на корейском языке)
224. Сосиг [Новости] // Хэзошинмун. 1908. 26 февраля. Л.3. (на корейском языке)
225. Сосиг [Новости] // Хэзошинмун. 1908. 3 мая. Л. 2. (на корейском языке)
226. Сосиг [Новости] // Хэзошинмун. 5 марта, 6 марта, 12 марта, 13 марта 1908 г. (на корейском языке)
227. Сэсеге [Новый мир] // Сонбонг. 1920. 11 июня. Л. 1. (на корейском языке)

228. Танглансю Хакгё гэхвак [Открытие школы в с. Танглангсю] // Квонопшинмун. 1915. 15 сентября. Л.2 (на корейском языке)
229. Теюкы пилё [Физкультура необходима] // Хэзошинмун. 1908. 23 мая. Л.4. (на корейском языке)
230. Тонгилзок минзок хёкмёнгдонгы зозикул зечангханора [Объявление о создании национально-революционной партии за единство нации] // Сонбонг. 1923. 11 мая. Л. 1. (на корейском языке)
231. Тыквеол-кванго [Специальная реклама] // Квонопшинмун. 1913. 13 апреля. Л.2. (на корейском языке)
232. Уридонгпонунин отзи ири гёенгзезок нуинглёки бакякханга [Какие экономические сложности у наших соотечественников] // Квонопшинмун. 1912. 1 сентября. Л.4. (на корейском языке)
233. Успехи крестьян на берегах Амура // Известия. 1926. 12 октября. Л. 6
234. Устав сельскохозяйственной группы-коммуны // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. № 105. Л.4.
235. Усурие итнуин уридонгпоеге гохам [Сообщение соотечественникам в Уссурийском крае] // Дэханмэилшинбо. 1909. 19 августа. Л.2.
236. Хагуи бангхаке гук-о-гангсуп [Уроки корейского языка в летнем отпуске] // Квонопшинмун. 1914. 31 мая. Л. 4. (на корейском языке)
237. Хагчонгнодонгбулхео [Запрещение нанимать корейских и китайских рабочих] // Дэханмэилшинбо. 1909.14 марта. Л. 1. (на корейском языке)
238. Хакгё ыёng гванго [Сбор пожертвований на школу] // Квонопшинмун. 1913. 13 ноября. Л. 2. (на корейском языке)
239. Хакгёы зонгшинуйн гёгоасое зойхам [Школам необходимы учебные пособия] // Хэзошинмун. 1908. 13 мая. Л.3. (на корейском языке)

240. Хаксенг хувонгум [Стипендия студентам]// Квонопсинмун. 1913. 30 апреля. Л.2. (на корейском языке)
241. Хаксэнг мозип гоанго [Информация для поступающих] // Сонбонг. 1932. 28 июня. Л.4. (на корейском языке)
242. Хамсонг ыбёнго бонгги [Восстание милиции против несправедливости в селении Хамсонг] // Хэзошинмун. 1908. 26 февраля. Л. 1. (на корейском языке)
243. Ханил гангзе хапбанг десиасашунён гинём [В памяти о насильственной аннексии Кореи Японией] // Сонбонг. 1924. 20 августа. Л.1. (на корейском языке)
244. Ханимисангоп соипэ [Упадок коммерции у корейцев] // Дэдонггонгбо. 1909. 22 марта. Л.4. (на корейском языке)
245. Ханчонянггуини зоопгуймзи [Запрещение корейцам и китайцам ловить рыбу] // Дэханмэилшинбо. 1909. 24 марта. Л. 1. (на корейском языке)
246. Хвангины уихэрон [Теория опасности жёлтой расы] // Дэханмэилшинбо. 1909. 10 июня. Л. 2. (на корейском языке)
247. Хвэсамуи минзунгмунхва ундонг-ул нонханора [О народном культурном движении во Владивостоке] // Сонбонг. 1923. 17 апреля. Л. 2. (на корейском языке)
248. Хезенонгпёнгуи хакгёсолип [Создание школы в с. Осиповке] // Квонопшинмун. 1913. 15 сентября. Л. 3. (на корейском языке)
249. Хонганг Вохунгхакгё [Школа Вохунг в Николаевске] // Квонопшинмун. 1912. 10 июня. Л. 3. (на корейском языке)
250. Хэсамуй ханингеозуминуй гёюквие дэхван ипяксео [Объявление корейцам во Владивостоке о финансовой поддержке в получении образования] // Дэдонггонгво. 1909. 9 сентября. Л.3. (на корейском языке)
251. Чанг-ган сонон [Манифест о создании газеты] // Сонбонг. 1923. 1 марта. Л.1. (на корейском языке)

252. Чонгнёндонгпоуи зебарануин ба [Обращаемся к нашим младшим соотечественникам] // Квонопшинмун. 1912. 25 мая. Л. 1. (на корейском языке)

253. Чонгнёнзанёы бухёнгдоин идуилке гохам [Обращаемся к родителям малолетних детей] // Квонопшинмун. 1913. 25 августа. Л. 1. (на корейском языке)

254. Чосонхапбёнг ишипзунёнуил мазуимёнсо [В память о двадцатилетии аннексии Кореи Японией] // Сонбонг. 1930. 27 августа. Л. 1. (на корейском языке)

255. Чуфунгэ ду хакгёга натанам [Появление двух школы в Суйфуне] // Квонопшинмун. 1913. 15 сентября. Л. 4. (на корейском языке)

256. Школьное дело в корейских селениях // Владивосток. 1886. 1 мая. Л. 2

257. Эгуксасанги итнун сарамун силопе зонгсахами тахам [Люди с национальной идеей и лояльным взглядом на родину, зарабатываем!] // Хэзошинмун. 1908. 15 марта. Л.2. (на корейском языке)

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин (Никитин), архимандрит. Православие у корейцев Забайкалья и Приамурья // Миссионерское обозрение. М., 1998. № 4. С.16-22.

2. Авилова И.К. Участие корейцев в хозяйственной колонизации юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. (некоторые аспекты проблемы) // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 111–142.

3. Батаршев С.В., Крупянко А.А., Попов А.Н. Этноархеологические памятники Хасанского района (Приморье): проблемы и перспективы изучения // Этноистория и археология Северной Евразии: теория,

методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 413–416.

4. Белокуров Е.В. Сельская хлебозапасная система в Российской империи (1891–1914 гг.) // Труды Института российской истории. Вып. 12. М., 2014. С. 190-209.

5. Бугай Н.Ф. Актуальные проблемы истории российских корейцев на постсоветском пространстве в дискуссиях ученых / Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах. Сборник статей / отв. ред. Р. К. Тангалычева, В. В. Козловский. СПб, 2015. С. 35-54.

6. Бугай Н.Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности // Восток. 1993. № 2. С. 151-152.

7. Бэ Йн Гиёнг. Краткий очерк истории советских корейцев (1922–1938) / Под ред. Т.А. Сивохиной. М.: Изд-во МГУ, 2001. 138 с.

8. Бэ Йн Гиёнг. Советские корейцы в 20–30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 180 с.

9. Ван Вёенгрюл, Росиазиёк ханинсимун сонбонггоа 1920,30 нёндэ ханинсахвэ [Корейская газета Сонбонг и корейские общества в России с 1920 по 1930 г.]. Сеул: Ёксамунэваёнгу, 2003. 190 с. (на корейском языке)

10. Васильченко О.А. Корейская семья на Дальнем Востоке России (1863—1937 гг.)//Вестник Владивосток: ДВО РАН. 2004. №2. С.60-69.

11. Васильченко О.А. Корейцы на советском Дальнем Востоке (1923–1937 гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре технического университета. 2010. № 1-2(1). С. 4–7.

12. Васильченко О.А. Семьи корейцев на советском Дальнем Востоке (1923–1937 гг.): социально-исторический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2(16). С. 32–35.

13. Васильченко О. Хозяйственная деятельность корейцев на Дальнем Востоке СССР (1923 - 1937 гг.) // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 41-3. С. 10-25.
14. Вологдина Е.С. Государственная политика в отношении корейских мигрантов на советском Дальнем Востоке в 20–30-х годах XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 3. С. 178–181.
15. Ворожищева О.М. Корейская диаспора в странах Дальнего Востока: этно-историческая характеристика (вторая половина XIX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 23 с.
16. Гаристова Е.Ю., Ли В.Р. Корейцы на Дальнем Востоке. Расселение и депортация. // Теория и практика современной науки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции Сахалинского института железнодорожного транспорта - филиала Дальневосточного государственного университета путей сообщения в г. Южно-Сахалинске. Москва, 2022. С. 79-84.
17. Денисов В.И. Политико-правовой анализ депортации советских корейцев из районов Дальнего Востока в Среднюю Азию // Ежегодник ИМИ. 2013. № 3–4 (5–6). С. 212 -219.
18. Дин Ю.И. Китайские и корейские рабочие в политике Российской империи в начале XX в. // Известия Восточного института. 2014. № 2 (24). С. 28–35;
19. Дин Ю.И., Чан Вонджан. Принудительное переселение советских корейцев с о. Сахалин в 1937 г.: особенности выселения и вселения на новое место жительства // 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее и будущее: сборник материалов Международного симпозиума, посвященного 80-летней годовщине принудительного переселения корейцев с Дальнего Востока в Центральную Азию. М.: Аквариус, 2018. 752 с. С. 218-241.
20. Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965. 252 с.

21. Кистова А.В., Севруженко Н.С. Корейцы в современной России: роль этнических меньшинств // Социодинамика. 2016. № 3. С. 62 - 72.
22. Королева В.А. Музыка и театр корейцев на Дальнем Востоке России 1860-1937 гг.: диалог истории и искусства. Владивосток, 2008. 328 с.
23. Королева В.А. Музыкальные элементы общинных обрядов и их влияние на художественную жизнь корейцев на Дальнем Востоке России (1860-е – 1937 гг.)// Религиоведение. 2011. № 4. С. 141-152.
24. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск: Сахалинское отд. Дальневост. кн. изд-ва; Литературно-издат. объединение Лик, 1993. 368 с.
25. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах/ Кн. 1 Иммиграция и депортация (вторая половина XIX в. - 1937) Южно-Сахалинск, 2010. 384 с.
26. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах/ Кн. 2: Интеграция и ассимиляция (1945-1990 гг.). Южно-Сахалинск, 2010. 334 с.
27. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах/ Кн. 3: Этническая консолидация на рубеже XX - XXI вв. Южно-Сахалинск, 2010. 282 с.
28. Кузин А.Т. История корейского населения российского Дальнего Востока (конец XIX – начало XXI вв.) диссерт ... докт.истор. наук / ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток, 2012. 516 с.
29. Кузин А.Т. Корейская эмиграция на русском Дальнем Востоке: 1860–1937: дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2001. 270 с.
30. Кузин А.Т. Переход корейцев в Дальневосточные пределы Российского государства (Поиски исследователя). Южно-Сахалинск: Институт истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВО РАН, 2001. 64 с.

31. Кулинич Н.Г. Корейцы в составе городского населения Дальнего Востока России в первые годы Советской власти // Основные тенденции государственного и общественного развития России история и современность. 2016. № 1. С. 43–51.

32. Ли Мёнгхва, Хангундоклипундонгса ёнгу [Изучение истории Корейского освободительного движения] Докнипгинёмгоан хангукдокнипундонгса ёнгусо, 1989. Т.3. 250 с. (на корейском языке)

33. Ли Санггун. Ханин Норёнгизуса ёнгу [Изучение истории корейского переселения в России] Сеул: Тамгуданг. 1996. 270 с. (на корейском языке)

34. Лыкова Е.А. Корейский вопрос в аграрной политике Советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930- е годы // Известия Восточного института. 2016. № 1(29). С. 26–32.

35. Малявина Л.С. Корейский (Интернациональный) педагогический институт во Владивостоке: от создания до выселения (1931–1937 гг.) // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 195–208.

36. Нам С.Г. Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.). М.: ИВ РАН, 1998. 188 с.

37. Нестерова Е.И. Этническое предпринимательство во Владивостоке (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 10. С. 67–83.

38. Пай С.С. Просвещение корейцев на Дальнем Востоке России в контексте реформы народного образования в 1920- е гг. // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в XIX – XX вв. Слабнина Л.А. Владивосток, 2012. С. 211-220.

39. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). М.: Международный центр корееведения Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1993. 261 с.

40. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). М.; Иркутск: ИГПИ, 1995. 260 с.
41. Пестушко Ю.С. Демаркация русско-корейской границы как один из аспектов разрешения русско-японских противоречий накануне первой мировой войны // Известия Восточного института. 2000. № 5. С. 127.
42. Петров А.И. Когда же началась корейская иммиграция в России? // Россия и АТР. 2000. № 2 (28). С. 93-104.
43. Петров А.И. Корейская диаспора в России 1897–1917 гг.: монография. Владивосток, 2001. 399 с.
44. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России 60–90-е годы XIX века: монография. Владивосток, 2000. 299 с.
45. Петров А.И. Корейская иммиграция на Дальний Восток в 1860–1917 гг // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1998. № 5. С. 3-17;
46. Петров А.И. Международное-правовое положение корейцев на Дальнем Востоке России (1860-1897 гг.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2000. № 1. С. 92-111.
47. Пикалов Ю.В. Становление школьного образования на Дальнем Востоке РСФСР в 1922–1941 годы // История и культура Приамурья. 2007. № 1. С. 86–97.
48. Половинчук Е.Н. Из истории народного образования в Приамурье. Благовещенск: Амурская кн. изд-во, 1957. 304 с.
49. Попова Ю.Н. Корейская диаспора Краснодарского края: историко-культурные аспекты (XX–XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004. 28 с.
50. Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие для вузов. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. 136 с.

51. Симбирцева Т.М. Современная (1984–2001 гг.) южнокорейская историография о характере раннего периода российско-корейских отношений (до 1895 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 270 с.
52. Син Е.Е. О депортации советских корейцев из Дальневосточного края // Эл агартуу. 2017. № 7-8. С. 55-58.
53. Сон Т.А. Система образования корейского населения на Дальнем Востоке России//Валхвэ, горён гуриго ёнхвэзу [Бахай, Горён и Приморский край]. Материалы международного научного симпозиума. Чэве тоньпхо чедань [Корейский фонд поддержки зарубежных соотечественников]. Сеул, 2009. С.107-111. (на корейском языке)
54. Социальная история: проблемы синтеза. М.: ИВИ РАН, 1994. 297 с.
55. Тен М.Д. Христианизация как основной фактор адаптации первых корейцев на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX века) // Наука. Технологии. Инновации. Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых. 2014. С. 31-34.
56. Ткачева Г.А. Иммигранты на Дальнем Востоке в 20–30е годы XX века // Вестник ДВО РАН. 1997. № 5. С. 98–112.
57. Фан И.Б. Особенности коллективной памяти Российских корейцев: травма депортации // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 133-158.
58. Федирко О.П. Колонизационная политика на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): Материалы международной научной конференции (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 325–328.
59. Федирко О.П. Образование и пропаганда на Российском Дальнем Востоке (Государственно-конфессиональные отношения в Советской России и СССР в 1917-1939 годах). Saarbrucken, Deutschland: LAP, 2012. 367 с.

60. Федирко О.П. Образование и просвещение на российском Дальнем Востоке в период гражданской войны: проблемы секуляризации и сакрализации. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010 113 с.

61. Федирко О.П. Очерки истории православного образования в дореволюционном Приамурье (1862-1918 гг.). Благовещенск: Из-во АмГУ, 2003. 142 с.

62. Федирко О.П. Попытки придать статус официальной церкви пресвитерианству в Приморской области 1909-1912 гг // «Россия и Китай» материалы XII международной научно-практической конференции (Благовещенск, Хэйхэ. 26-28 мая 2022 г.). Выпуск 1(12). / Отв. ред. А.В. Дружака – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2022. С. 172-174

63. Федирко О.П. Религиозное и антирелигиозное образование и пропаганда в социокультурном пространстве российского Дальнего Востока в 20-30-е годы XX в. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2011. 236 с.

64. Федирко О.П., Бэ Со-ён Корейцы юга Дальнего Востока России в 1920-1930 г.: колонизация и коллективизация // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 81-84

65. Федирко О.П., Бэ Со-ён Особенности становления национальной корейской школы на Дальнем Востоке в 1920-1930-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3. Ч. 1. С. 41-44.

66. Федирко О.П., Бэ Со-ён. Первые корейские школы на Дальнем Востоке России в середине XIX – начале XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 84.

67. Федирко О.П., Крупянко А.А. Положение корейцев в Приморской губернии в начале 1920-х гг. (по материалам РГАСПИ) // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке: политика, экономика, культура: V Международная корееведческая конференция, 18–19 мая 2016 г.: тезисы и

доклады. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2016. С. 195–196.

68. Хён Гю Хван, Хангук юминса: Гукдонзиёк [История корейских переселенцев: Дальний Восток России] Т.1. 1967, Омунгак, 875 с. (на корейском языке)

69. Хон Чжом Сук. Корейские церковные школы на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С. 14–24.

70. Чернышева В.И. Из истории революционного движения на Дальнем Востоке за 1905–1907 гг. Хабаровск: Книж. изд-во, 1955. 90 с.